

СЛОВА

Литературно-философский журнал
№6

СОДЕРЖИМОЕ:

2	Вместо предисловия
4	Лина Лом
6	Всеволод Емелин
8	Вилли Мельников
11	Андрей Родионов
13	Вепрь Петров
15	Елена Георгиевская
18	Александр Гальпер
23	Сергей Павловский
28	Андрей Бычков
32	Дмитрий Гайдук
36	Олег Разумовский
38	Эдуард Кулемин
43	Глеб Коломиец
48	Игорь Сид
53	Геннадий Кацов
59	Майкл Джейкобсон
64	Тим Гейз
66	Алексей Нилогов
69	Инна Кириллова
76	Информация об авторах

Редактор Инна Кириллова.
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координаторы:
Олег Разумовский. Эдуард Кулемин.

Веб-страница:

<http://www.slova.uuuq.com>

Сообщество в живом Журнале:

http://community.livejournal.com/slova_journal/

Электронная почта:

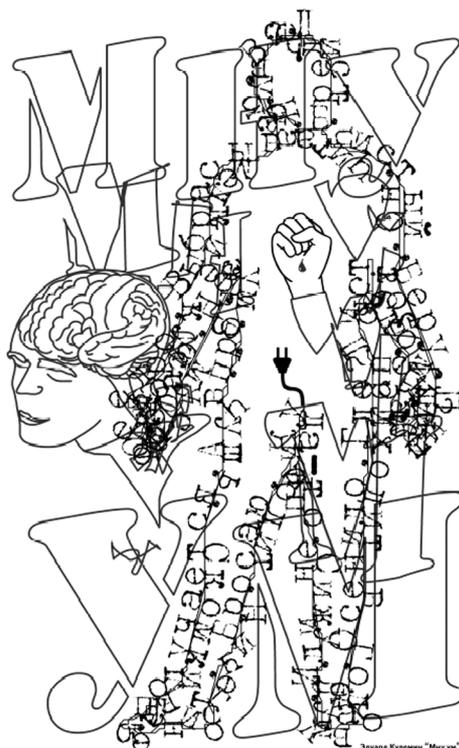
amati6@rambler.ru

ardor@list.ru

Disclaimer:

*Мнение автора и редакции
могут не совпадать.
В текстах сохранены авторские
орфография и пунктуация.
Все материалы опубликованы
с согласия авторов*

*При оформлении обложки
использованы работы Эдуарда Кулемина.*

Эдуард Кулемин "Мозг уст"

Вместо предисловия.

О Всеобщем самиздате

«Открой домашнее издательство!» - гласили многочисленные рекламные слоганы, приуроченные к выходу очередного принтера. Однако, дальше слоганов дело не пошло.

Увы, развитие технологий печати, и домашней печати в частности, не привело к какому-либо серьезному сдвигу в самиздатской деятельности. Лазерный принтер, войдя в обиход, так и не стал *методом*, оставшись *инструментом*. Несмотря на высокую скорость, качество печати, огромную по домашним меркам производительность, так он и остался всего лишь возможностью распечатать текст, но не издать его.

Можно ли мириться таким положением вещей?

Россия – родина самиздата, а самиздат – верный сын своей родины. Многие книги и периодика, выпускаемые типографиями, по качеству и общему впечатлению приближаются к «самодельным». Самиздат продвинулся технически, но духу своему не изменил, т.е. сохранился в виде малобюджетного некоммерческого арт-проекта.

В общем и целом, несмотря на свободу слова и формальный запрет цензуры, издать книгу, не претендующую на коммерческий успех или потенциально попадающую под печально известную статью 282, в столицах сейчас практически невозможно, а в провинции – совсем невозможно. Тиражи некоммерческого искусства в любой форме традиционно низки: 100, 200, 300 экземпляров при плохом качестве издания и отсутствии всякой полиграфии. Эти книжки так и называют самиздатскими, не смотря на то, что они выпущены в официальных типографиях за реальные авторские деньги. Они очень редко попадают в книжные магазины, не имеют никакого спроса, ввиду малоинтересного широкому читателю содержания (это либо опусы литературных дилетантов, либо «клоны» классиков традиционализма, либо авангардное искусство в виде букв).

В сфере периодического самиздата положение несколько иное. «Чистокровных» самиздатских журналов литературного толка сейчас практически нет (на память приходит лишь «Немировский вестник»¹, выпускаемый поэтом М. Немировым по материалам своего ЖЖ). Наоборот, литературные

журналы и альманахи стремятся к высокому качеству бумаги и полиграфии, в неосуществимом идеале - к глянцу. Пустующую нишу заняли в основном разного рода «Вестники (такого-то ВУЗа)» и «сборники», приуроченные к научным конференциям. Другими участниками самиздатского «пространства» становятся политически яркоокрашенные активистские газеты и музыкальные фэнзины. Всех их объединяет низкий уровень издания и верстки.

Однако, в этой системе, вопреки её относительной насыщенности, не чувствуются работа и напряжение. Если самиздатские книги худо-бедно находят своего читателя на презентациях и среди друзей авторов, то в сфере периодики дела идут совсем плохо: научные сборники не интересны даже самим участникам, с фэнзинами дело обстоит несколько лучше, однако срок их существования, как правило, недолговечен, а политические газеты из рук распространителя отправляются прямо в мусорную корзину.

Такое положение дел можно описать одним словом: «просрали!». Печатное слово как носитель идеи, как средство информации пользуется большим авторитетом, технические средства позволяют **каждому** создать свой печатный орган, а постсовременное сознание никак или почти никак не воспользовалось этой возможностью. Все ринулось в Интернет и, опьяненные всевластием, написали огромное количество текстов, тем самым обесценив и идею блогов и вообще интернет-высказывание. Однако, пошатнуть авторитет печати не так просто...

Настало время всемерной пролиферации печатных органов! При наличии лазерного принтера за смешные деньги (около 300-500 руб.) вполне можно издать самопальную «журналку» тиражом 50-100 экземпляров.

Тематика – свободная.

Тот, кто занимается литературным творчеством или неакадемическими исследованиями – пусть публикует их. Пусть создаются вестники «двора», «тусовки», «сквота» и т.д. Те, кто любит футбол и политику, могут с легкостью организовать печатный орган, оценивающий достижения отечественного спорта или осмысляющий херню,

¹ Электронной версией «Немировского вестника» можно считать сам ЖЖ: <http://nemiroff.livejournal.com/>

² Сайт журнала: <http://www.nkj.ru/>

³ Например, Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: <http://www.unn.ru/?main=issues&sub=vestnik>

⁴ Электронную версию см. на сайте «Арктогея» (<http://www.arcto.ru>) в разделе «Периодика»

⁵ Электронная версия: <http://www.iceflow.com/onezeroone/101/OneZeroOne.html>

которую выдает телевизор.

Целевая аудитория – непосредственное окружение, как реальное, так и онлайнное (блоги, литературные сайты и пр.).

«Точек приложения» для печатного органа – бесконечное количество, да и принципов компоновки текстов тоже много.

В печатном издании тексты могут компоноваться по следующим принципам: хронологическому (например, как в еженедельных газетах), тематическому (журнал «Наука и жизнь»²), географическому («Вестники ВУЗов»³), концептуальному (журнал «Элементы»⁴) и ризоморфному (отсутствие центра и иерархии при наличии связей, как в ныне «покойном» журнале «101»⁵). При желании можно придумывать новые и комбинировать перечисленные.

Если количество самиздатской периодики достигнет некоей критической отметки, будет сформировано анархическое информационное поле и хаос зазвучит гласом народным. Всеобщий самиздат – это одно из средств свержения диктатуры СМИ, монополизированных политикой и капиталом, и первый шаг к созданию неуправляемых, а значит, подлинно свободных, информационных потоков.

Другим освобождающим аспектом всеобщего самиздата является формула «издание = производство». В современной жизни вне профессиональной деятельности человек не производит ничего (или производит Ничто). Блоггерство и другие виды Интернет-публикаций, могут считаться производством виртуального. Степень ответственности производителя виртуального стремиться к нулю, объем написанного, наоборот – к бесконечности, срок жизни – 24 часа, или меньше, вплоть до минут. Фактическая бумажная публикация, умножая гордость и чувство удовлетворения, умножает ответственность за написан-

ное и срок жизни публикации, ограничивая объемом. Так в человеке возрастают качества Творца, качества глубоко личностные.

Издательская деятельность, будучи производством штучного, производством «ремесленным», несет в себе отпечаток индивидуальности или, по крайней мере, «эклектичной» индивидуальности авторов «журналки». А индивидуализация, произведенная в рамках информационного хаоса, становится освобождающей (в противовес индивидуализации в рамках общества, которая становится «социальной ролью» - отца, матери, коллеги, приятеля и пр.).

В утопической перспективе всеобщий самиздат будет сопровождаться созданием метажурнала: Интернет-издания, которое бы налаживало связи между периодикой «на местах». В рамках метажурнала могли бы реализоваться все композиционные приемы под руководством ризоморфного принципа. Метажурнал, содержащий в себе электронные версии всего бумажного самиздата, стал бы чистой связью – стирающей географические границы, иерархические масштабы («профессиональный – непрофессиональный», «многотиражный – малотиражный» и пр.).

Понятно, что идея всеобщего самиздата требует взрыва пассионарности, массового желания людей «**что-то делать**», что для России не актуально (актуально – «что-то заработать», «что-то выпить», «кого-то выебать (или наебать)»). Однако, возможно, в эпохе всеобщего бессилия наступит просвет, краткий рецидив, и наша страна, воспользовавшись утопическим потенциалом всеобщего самиздата, станет самой пишущей и «самой читающей» в мире.

- Глеб Коломиец

ЛИНА ЛОМ

ACHTUNG - ACHTUNG!

Хлебного хочется выпить вина,
Хули сосу я твою сигариллу,
Дойчлянд, чужая ты мне! Старина,
Дать бы тебе сапожищем по рылу –
С треском разрушить фарфоровый мост,
Цейсовский зрак загасить не по-детски...
Врезался в мясо нагрудный знак «OST» –
«Арбайтен», «руссише швайне» – пиздечки!

Nach* Рязань

Чаще нравилось это – провалиться с тобою,
Промокашку откушав на чужой стороне.
С кем, mein Kerl**, на Рязани промышляешь гульбою? –
Помнишь – как нарезали мы круги на волне.
Ты дарил мне мимозы, подгонял самокаты –
Мы изящно съезжали на катушках vom Weg***,
Провожали рассветы, зажигали в закаты,
Оба были поэты – tranken****, schrieben***** ... камбэк.

*)[нах] – в (предлог, указывающий направление)

**) [майн керль] – чувак

***)[фом вег] – с дороги

****)[транкен] – пили

*****)[шрибен] – писали

Иллюстрации Светы Литвак

Дас Грабхен

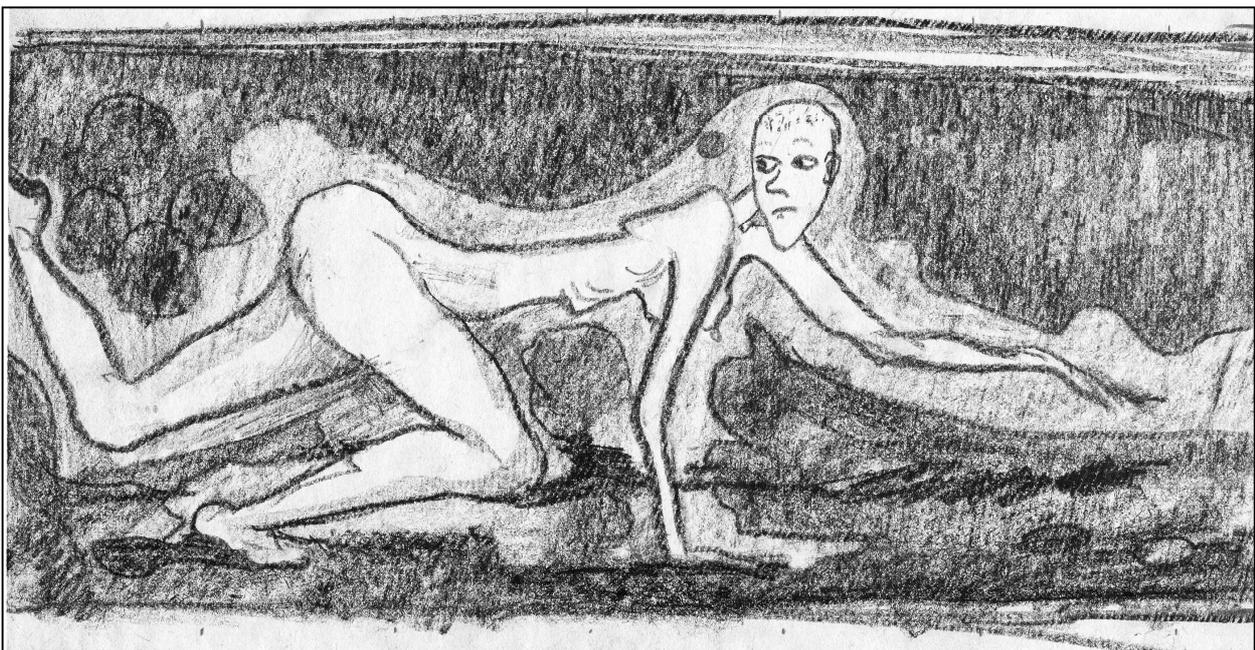
Дер Лихт – лих,
Дер Таг – так,
Дэр Шлаг – шлак
Дас Глюк – глюк,
Твой стон – гон
Пошёл вон,
Был про-клят,
Дэр гад, бляд!

Die Stunde der Musik

Мне уд-овал-ось днём поспать
Одной на дне кошмара.
Пускалась в пляс, присев поссать
При-на людях, как шмара.

Аскала поводы для слёз –
Лудягу озаренья,
Давалась сызноа – всерьёз,
Копила разоренья.

В столице северных дождей
Заезжена пиздёнка,
Не свёл мой трек Тройной DJ –
Играет несведёнка.

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ

эсэмэска

Я не буду звонить тебе по телефону
Из германской глуши в петербургскую гать
И не стану по мылу тебе, фон-барону,
Письма, полные волглою шнягою, гнать.
Гнуть себя под тебя – обломайся, мне в падел,
Я ведь чикса фартовая – и не мечтай!
Ты в хрущёбе на Охте ещё не нагадил?!
С выражением, ЧМО, сам себя почитай.

«Б»

Была бы замужем – цвела Б
Подъёбно раку!
Залезла бы в полезный кляб
На куку-маку,
Имела Б толстое бабло –
Вступила Б в схватку,
Гасила Б в силу бабье зло –
Блюла Б мохнатку.
Но жизнь – берёт на абортаж,
Несёт за буи,
Подчас на мель сажает аж,
Втыкая хуи.

In den Weg

Олеся, ты лезешь! Я вся в волосах,
А мне на банкете стоять на часах!
Скудельной тенётой я вся заросла,
Неделю динамлю с Бангкока – посла...
Пасла я скотину, доила козла –
На кой ты, Олеся, ко мне восползла?
Торчала б в чилауте, нюхала дым;
Кончала отчаянно с немолодым –
Давненько знакомым лохистым котом,
Согревши сосуды бурлящим винтом.
Срубила бабла и вернулась бы в дом!
И стал бы мне похер бангкокский кондом.
Вот дружба! Вот ласка! А это – муйня!
Давай, по-хорошему спрыгни с mein Я!

НАШЛАСЬ

Потерялась первая строка
Под закатом сёдняшнего дня –
Там, где я ласкала старика,
Что не характерно для меня.
Деньги – да, теряла, и не раз,
Честь – давала часто, по частям,
Совесьть – нет, она во мне и щас
Ползает истомой по костям.

Про любовь

Всё скурвлено, выпито, кончен приём.
Спускают на лифте. Ложусь в кадиллак.
Мы люто с тобой оттянулись вдвоём,
Отъеду ж, однако, одна я – гуд лак.
Стерильная музыка, ясный кокос,
Лиловый в ливрее прилеплен к рулю.
Зачем я с тобою пустилась вразнос?
И чем я наутро себя обнулю?

206 метров

(РОНДО)

Der Wetter солнечный, без ветра,
Без снега, сталбыть, без понтов.
Иду в аптеку 103 метра –
Взять накрахмаленных бинтов.
Пошто, – ты спросишь, – блажь такая?
Хочу спелёнутой лежать.
Die Sonne шайнит, не втыкая.
Не забирает ночи тать.
Иду nach Hause 103 метра
С охапкой свежего бинта.
И в доме – не сымая фетра –
Запеленаюсь. Красота.

Hier Lina

Замёрзло Lambrusco Frizzante винцо –
Ледышку сосу, сохраняя лицо.
А что остаётся – сгустилася мгла –
Чужбина-горбатина! Как я могла?!

Оставила в ахуе слабую ма –
Гужбаню, торчкую, пирую. Чума!
А дальше-то что? Ни кола, ни угла –
Невы – колоница, Фонтанки – смола...

Вернулась в мой город знакомый. Для слёз.
Где все – мертвецы. А кто выжил – тверёз.
Где высились шпильки моей Петропа
И в пачках давали балет Петипа.

И что же теперь? Возвращаться в Deutschland,
Где можно глинтвейном залиться до гланд,
Заткнувшись сосиской и рулькой свиной?
Уж лучше шалить под шалой на Сенной!

Всеволод Мелин

Динозавры из стали.

Вести пришли хорошие,
Что 9-го мая
Проедет по Красной площади
Техника боевая.

Помню, малая детка
Вставал я на ранней заре
И шел с папой смотреть на технику
В мае и ноябре.

Ехали трубы длинные,
Отец объяснял – ракеты.
Десантники были в малиновых,
А еще не в синих беретах.

Динозавры из стали,
Помню, под марши бравурные,
Как они скрежетали
У метро «Парк Культуры».

Здравствуй броня горячая,
Сладкий запах солярки.
Каждый нормальный мальчик
Должен смотреть на танки.

Чтобы сквозь серость буден
Он в сердце своем пронес
Фаллосы их орудий
Тестикулы колес.

Мы на броню присядем,
Мы отхлебнем из фляги,
Эх, прокати нас дядя
До Берлина и Праги.

Я вдыхал этот запах,
Я любовался ими,
Я ходит туда с папой,
Я ходил туда с сыном.

Но дальше каким-то сукам
Стало зачем-то надо,
Чтобы ходил я с внуком
Только на гей - парады.

Плакали люди русские
Когда по воле Лужкова
Начались на Васильевском спуске
Вместо парадов шоу.

Козлами по сцене запрыгали
Геи и лесбиянки.
Но чем глазеть на пидоров,
Лучше смотреть на танки.

Чем куковать у парашаи,
Лучше быть офицером,
Лучше шагать под марши,
Чем плясать под фанеру.

И вот снова машины быстрые
В нерушимом порядке
Пойдут, высекая искры,
По гранитной брусчатке.

Пойдут могучие «Грады»
«Смерчи» и «Тополя».
От грохота наших парадов
Содрогнется земля

Иверские ворота
Раскроются словно двери,
И выедет мотопехота
К людям на БТРе.

Люди мотопехоте
Поднесут хлеб – соль с полотенцем,
И настанет в России оттепель
На радость интеллигенции.

P.S. И выбьют пусть на базальте,
Накрывшим мои останки,
«Русский стихослагатель
Пел про русские танки».

Мemento море.

(Осенняя лирика 2008-го года).

Не отпускают Бахтину на УДО,
За окнами холодно, ветрено, сыро.
А мы все сидим не то в ожидании Годо,
Не то сообщения о смерти товарища Ким Чен Ира.

Вы верите в добрые чувства?
Очкастые важные дяди.
Никого они не отпустят,
Но многих еще посадят.

А сколько раз нам говорили,
Мол, совершенно ясно,
Что, типа, уже в могиле
Комерада наш Фидель Кастро?

А он до сих пор живет
Назло империалистам.
А я ведь родился в тот год,
Когда они свергли Батисту.

На счастье или беду
К недостижимой цели

Полвека по жизни иду
Я в одной шеренге с Фиделем.

Сколько стихов прочитал
Я в поддержку Чили и Кубы,
Сколько ковров заблевал
Я ихним «Гавана Клубом».

Да раньше я склею ласты
Под яростный крик вороний,
А Ким Чен Ир и Кастро
Нас всех еще похоронят.

Не колокол языкастый
По мне прозвенит, а бубенчик.
Обрадуются педерасты -
Одним гомофобом меньше.

Солидные люди скажут: «Издох
Лузер и неудачник.
Злобный, завистливый лох,
Собаке и смерть собачья».

В каком-то давно забытом году
Все уже это было
И здорово напоминает пизду.
Разрытая свежее могила.

Воткнут по краям из пластмассы цветы,
И, может быть, пару слезинок
У ямы неровной вдруг выронишь ты
На чавкающий суглинок...

ВиЛЛи МельНикoв

Иллюстрации автора

Иллюдии

В безблажье глушь приглашена –
отместье отменённых встреч.
Вскипает в скипетре луна –
и солнце некому стеречь.

И в измочальный рюкзакът
предсмёркло свет бросает снедь
неисцелённых утрат –
и перья нечем отереть.

Самобичувственная ночь
льёт из запрітолочья туч.
Озёрна нечем растолочь
и не в чем растопить сургуч.

Дай мудрость в сотни Сокарат –
цикўтром вечер запивать!
Но снбольштїтель снам не рад:
остраки некому считать,,,

Вручи ручью бесшумный бег,
глубинам – мелководий муть!
Забавна альфам скорбь омег,
но Алеф не в чем упрекнуть,,,

В отреставриИрода дворец
последний обветшѧнс впусти!
Размялся Пластилин Колец –
не на ком стены возвести,,,

Там суетление реклам
оцепьянением трезвит...
Плати по-римски, папа лам:
нам не на чем покинуть Крит!,,

Подбрось, оратор, децибел, –
умерить смысла притчи прыть!
Боляще обесцвѣчер бел –
и утро нечем умудрить.

Мощью мощей мощенье душ –
в зыбь снов взеркаленная ртуть.
Недюжий принял ложь за гуж –
и упряжь нечем отряхнуть.

До посинѣльзя утомлѣн
солнцестоямбом сочинять,,,
Всклокбчень долго мяли лён –
и небо нечем застилать.
/январь 2002/

Speology Blues (for Jeff Lynne)

I felt like the skyless moon
Never knew which wave to tune
Since I've got inside my mind
All the rings made Lords quite blind
Singce I heard Thee voice-in-me
Squealing 'bout my destiny
Stealing sword before You came
And I gaze around looking for Your name,,,
Clouds wanna fall aloud
Too screenough to swig it out
Storming sunny – paidress deal
Fairy's thawing; n'ice is real!..
Throw away gun-ghosting means
Expiating all my sins
Being alone I turn to stone
Hidden afterglow leaving of my own
Make me diving in a gambling
Shoot it down with crossing games' wing
Creeping through like naked snake
Giving all and nothing take
Rolling on and cutting from
Send my death to dig its tomb
Shake your shadow's wrecking lighting
Next Exodust X-rays' brighting...

Апокалисепсис

1.
 Ослабив астероидов пояс,
 вот-вот заглүшит Крик Творца Мунк,
 чтобы ковчежья перег'Neues
 прочесть от первого ли'Zeitung. <1>
 Хоть после нас – потоп-модели,
 Что росту сцен неподцензурны;
 век с времяшелю не доели –
 бросайте в sapienti-Sat'урну! <2>
 Сложив династии в рюкза́мки,
 бессмертья вкус искомый скомкав,
 стоят средь Невековья рамки,
 глаза пращ у́рив на потомков,,,
 Посеребрёзгвали злָ́том:
 тепло в заплáтиновой шубке!
 Ртутьи́ный нос утри прелатам,
 коль ходишь в алюминии-юбке!..
 Не принимай, mon Scherz, буквально<3>
 серьёзабоченный угрюмор:
 он ждал твоих гну'са-va-mal, но, <4>
 не Афроді́вись, уже умер,,,
 Сальерихонских труб гул скучен;
 виолончелюсти слог беден.
 Со злástью гений неразлучен –
 и чебуреквием не съеден.

2.
 Без гостей мой зал,
 без горстей – ладони,
 в чей хлопок вмерзал
 всадник из Гаскони.
 В блеске блефа bless- <5>
 омулет-мулета! –
 солнце = злоск небес,
 истукáнцлер света.
 Всхлёт воскресных верб
 розга-ворчив люто.
 Номина́лчный герб –
 вольтижёр-валюта.
 Мёд из глаз медуз
 рифы не напоит.
 Дама-рощен туз –
 всех колод коллоид.
 Восхвалёты драм
 пили грим премьеры,,,
 Веселиться б вам,
 виселицемёры!.,
 Рос играйско-вспяты
 амплу́д актрисы:–
 зазеркальку снять
 с плеч сюрреАлисы.
 Бланш аншлага прост:
 посоветуй вампу
 закулісий хвост
 ободрать о рампу!..
 Клейма – всех мастей:
 сквозь их хор пригож лик!
 Благо – без вестей;
 без кистей – художник,,,

/февраль-март 2003/

<1> [нойэс цайтунх] (нем.) – новая газета;
 <2> (лат.) – понимающий поймёт;
 <3> [мон-шерц] (фр.+нем.) – моя шутка: парафраз на "mon chere" (фр.) – мой дорогой.
 <4> [са ва маль] (фр.) – дела плохи;
 <5> (англ.) – благослови.

М. А. Булгакову

От паниБрутства пострадав,
 шёл Ёшб'й Цезарь на поправку. <1>
 Матёртый произволкодав
 пьянице выл на брудершавку.

В предвзглядно-непроглядной зге
 мурлычут свинг морские свинки:
 да сгинет в глэмовой loose'te <2>
 лязг лизергиновой лезгинки!

«Когда король галерно гол,
 шут – боцман, а корма – кормушка!» --
 ворчит старуха Изер'girl, <3>
 в петушьеногой злясь избушке.

Жень(шер)шень жало поднесёт –
 обмыть миндальные медали:
 кто век на поводке пасёт,
 того мгновения взнуздали!,,,

Рамзес воскрес не с той ноги,
 Смяв иероглифов личинки:
 Пирамидальны пироги,
 да тёстно в них многозначinke!..

Взливь Пазолиньевой золы
 привыкнет обессмёрчем виться –
 и рам обуглятся углы,
 и сбросят грим испепелїца.

Налог на логос: блок берлог;
 обложек блажь, ланд(брудер)шафты...
 В палеолит, Палеолог,
 Царьградость вылив, может, прав ты?..

И, до-успехи не надев,
 надеюсь верить без любви я.
 Дивись, Дивеево, на дев:
 суфле для суфиев – София!..

Плесните йода букве «йот» –
 невозвращётке-конформистке!
 Одной-бесятой nevezõ't: <4>
 чисты тождевственно очистки!,,

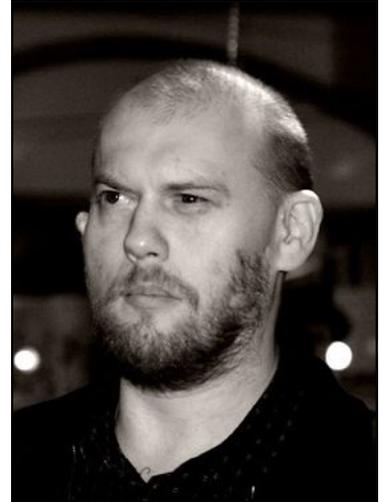
На раны руны мечет меч.
 Жестокись меди'а: живых-нет.
 И нечем мне камин разжечь: –
 снов нет. А рукопись не вспыхнет.

<1> [юллэ] (венг.) – наковальня;
 <2> [лу:з] (англ.) – терять;
 <3> [гэ:л] (англ.) – девушка;
 <4> [невезё:] (венг.) – знаменатель.

Андрей Родионов

Иллюстрации Семена «Noir» Андреева

* * *

Не то, чтоб роща - сотня голых стволов
вздымающих в небо био-сеть,
самый скудный у них в этом марте улов
из числа серых птиц, шесть, шесть и шесть

не то, чтоб ужас, а мелкий страх
из-за алкоголя, запойный я стал с тех пор,
как жила здесь она и ее сестра,
где строительный рынок каширский двор

я был свидетелем и судьей,
чтоб по правилам забивался гол,
одна готкой наряжалась, inferнальной попадьею,
а другая неонацистка, точнее скингерл

однушка - краб, сестры-близнецы
тут меня атаковали, как пара клешней,
от того, что не гот я, не неонацист,
тем безвыходней было мне и смешней

на балконе встречая рассвет
с готкой нежной шепчемся мы с утра,
она приникла ко мне, как к смертельнобольному
и, замечаю, прячется за балконной дверью сестра смерть,

да, мысль возникала в моем мозгу,
как избежать того, не избежать чего,
как перечеркнуть по горизонту москву
рассветной красной жирной чертой

гребанные тонкости, все плохо там,
ледяной потаенный юморок
словно вызвал серых птиц отдаленный гам
в роще, даже не роще, сотне голых берез

ты - бессмертная серость. где вам, где,
готка ль, неонацистка, сравниться с ней,
серость мартовская в дорожных лужах воде
утренние ряды уличных фонарей

хотел вам рассказать про двух девочек сестер,
которые махали мне вслед руками как-то раз,
я их вспомнил по дороге на каширский двор,
куда ездил между прочим покупать унитаза

* * *

Бывает так: под кофтой-сеточкой
как бумага из-под строчек просвечивают сиськи,
белую грудь революции северной
еле прикрывают расстрельные списки

в селе Багдади Кутаисской губернии
7 июля, лета 1893-го
родился не Джугашвили, не Берия,
забилось Владимира Владимировича сердце поэтино

отец - лесничий, лес караулил,
по преданию его прадед в Сечи Запорожской
будто б казачьим был есаулом,
отличался высоким ростом, отсюда прозвище -
Маяковский

малыш любил экстремальное катание
на каменном блине с горы, как на сноуборде,
обращал на себя внимание
рискованный характер детских игр Володи

любил из кувшина - по детским меркам бездонного,
читать наизусть стихи девкам,
играл он по большей части со своей сестрой Ольгой,
а значит он был одинок уже в детстве

природная одаренность рано обратила
на себя внимание окружающих,
когда еще не было всяких Чикатило,
но много было тех, это время приближающих

в семь лет в первый раз с горы увидел электричество,
в двенадцать первой русской революции пожар и дым
насколько его детство отличается от детства и отрочества
Николеньки, описанных Львом Толстым

настолько, что сердце заходится,
от непонятого солнечного блаженства
и еще о чем-то узнать хочется,
Знакомится с непонятым, темным, женским

в черном, в шляпе, кавказкая внешность,
мужественная небритость мачо,
к тому же - самый очевидный террорист, нежность
нереальная нежность усложняет задачу

такие, как Николенька в детстве и отрочестве
приучавшиеся к Свету (Свет помог им своей подполью)
сожгли в себе это божественное отчество -
Солнечный - Солнечный полностью

Маяковский, был любим девочками, окружен юбками,
но одна бы точно обиделась на эти слова когда-то :
девочка Брик, Коган Лили Юрьевна,
встреча с ней - "радостнейшая дата"

она услышала, как услышали тогда многие
некоторые понимали, что происходит, другие - нули -

что-то увидя сквозь монокль -
голос человека, но человека не нового -
а очень древний, постоянно забиваемый,
прорвавшийся вопль

и тут же засуетились, прижали к себе
плачущего Володю, но не чтобы заглушить рыдания -
а чтобы скрыть Вопль - в классовой борьбе
пусть перемоем слезами косточки мирозданию

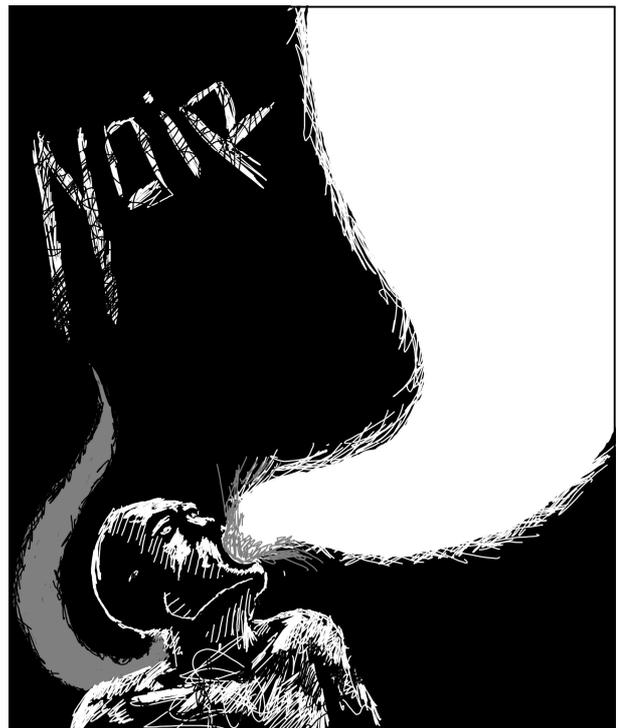
как спрашивал Джим Мориссон об этом вопле -
Где же праздник, который нам обещали?
Почему все куда-то уходят? - говорила Джей Джоплин,
озадаченная происходящими в 20-м веке вещами

Третья революция, революция Духа,
между белыми и красными кровавое ралли,
все кончилось одной поззией, звуком для уха,
создиненного с желудком — и дальше
с чем-то историческим, анальным. Просрали

захотелось заорать снова - пустой звук,
захотелось пошутить весело - вышло плоско
пистолеты, маузеры держат много рук
не в Маяковского стрельба, в кривляние Полонской

а Маяковскому зажали рот и тихонько задушили,
это сделали мировые силы зла:
Большевики, англичане, со своим заговором вшивым,
толстовские Николеньки, - бла,бла,бла

Этот вопль, как был у Маяковского, он ведь
раздавался и раньше, до него и позднее
и продолжает ворочаться русский медведь,
но быстро он обрывается крик этот,
а тут звучал, звучал всего длиннее

В е П р в

П е Т р о в

Нет
фото

Из цикла
«Лекции о поэзии»

Лекция 4. ПРОЩАНИЕ СО СЛОВОМ

I.

надоеа притворяться
будто я выговариваю звук л.
(не мягкое л как в ели
в лестнице
в колене или
допустим в любви
а твердое как в ужке
или в аоз
в вандыше
или как черт его бы побрау в суове)

какая разница? и так понятно
бывают конечно смешные ситуации
ну там уodka и водка
все смеются и черт бы с ними
(что-то я слишком часто поминаю черта в наше не-
спокойное время)

ничего страшного
суово не всесильно
как хотелось бы поэтам и разнообразным пророкам
им бы молиться на суово
да что там молиться - приносить жертвы
не коров, не лошадей, не баранов заметьте
стада чеавеков - в угоду ему любимому - суово
суово поведет их - мечтают они - на бойню
что мерещится им в их буйных снах наяву
они тоскуют по временам когда чеавеки
ходили на бойню как в баню
смыть с себя чеавечью пвоть как грязь
прах к праху своово засава
да обрящут суаву

павшие за суово.
своата по-моему.

уутше о приятном.
коммуникативная избыточность языка
не даст нам расстаться
закутаться в граматический кокон
и это меня радует

хотя конечно
звезды - говорят - чудо как хороши
когда смотришь со dna
каоца

II.

какая разница и так понятно
ведь настоящее всегда невнятно
а подлинное так неуклюже
пингвинисто и верблюже
ночь верблюдца зад луна
слов коробочка давно полна
сутенеры торгуют рифмой
вот и я продаю миф мой
миф мой вполне от мира сего
не от юнга не про юнгера или его
юных почитателей с глазами кроликов
рыскающих в пивной меж столиков
в поисках чeловечьей поживы
как мы еще живы

я пошутил какая разница и так понятно
нет у меня мифа нет символа - разводы-пятна
чего надо, не понял? да пошли вы к магу!
я не харкаю простите кровью на линованную бумагу

III.

Закат нахлынет
ночь убьет
а если серьезно,
то у каждого случаются минуты
а у кого дни
а у кого годы
когда жизнь скукоживается в
незнаю ну скажем
есть такая губка-валик чтобы мыть пол
когда она высыхает
становится маленькая и жесткая
хоть молотком по ней бей
представить ее вновь впитывающей влагу
невозможно
а потом ты опускаешь ее в воду
и - чудо! - мягенькая
мокрая живая
все проходит
все проходит

IV.

Это гон

V.

лана
забили)
мне типа пофик))
гони свой рифмованный трафик)
или нерифмованный мне пох))
типа рубеж эпох :^)))))
перванах с первамаем
типа в теме
понимаем))

а между тем уж коченеют
в ночи обрубки тополей))

- намана!)))))

гы ведь мона и так?))

нивапрос
не мона
а нуна))

лана
забили
:(((((((

VI.

чернослив
чернослов
это слив
типа основ

чернослив
чернослав
типа лив
в стиле лав

чернослив
чернослов
это слив
из-под самых снов

чернослов
чернопал
это как слов
черный опал

чернослав
да курага

буагага

буагага

VII.

пгащай свово
свободное изугодаванае
нам было халасо вместе слющий, да?
свидимся ле еще
а хуле)))
англичанин уходит не пращаясь
хгузкий пгащается и не уходит))
таки да)))
пока-пока
пока-пока

не то, братела, не то :(((

йооп тваю
йооп тваю
))))))

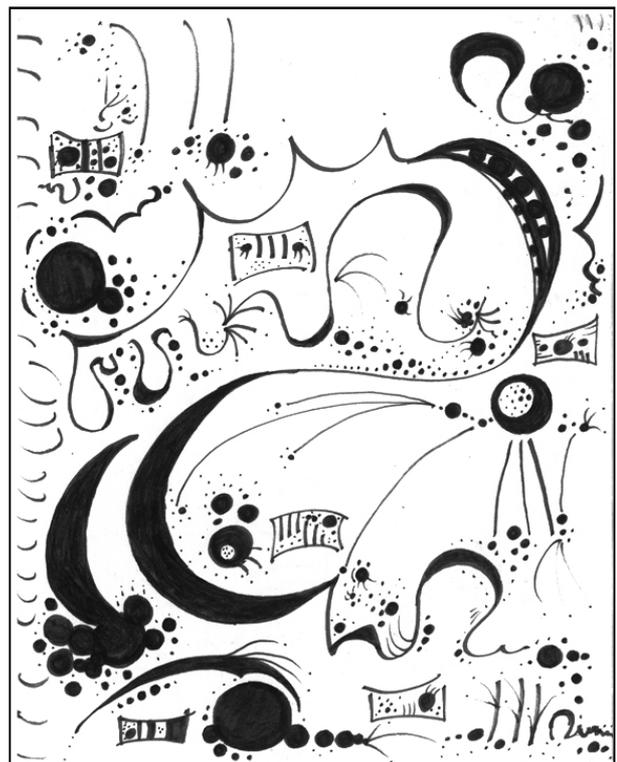
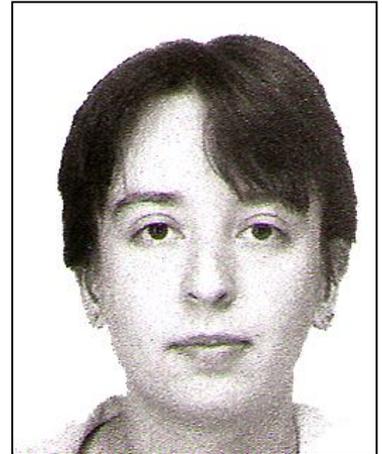

Иллюстрация Бекки Баксли (США)

ЕЛЕНА

ГеОрГиеВСКАя

Иллюстрации *Семена «Noir» Андреева*

О графоманах

По зову ёбаной природы
на всяких сайтах целый день
поэты – бляди и уроды
свою талдычат поебень.

Вы что, не в силах, хуесосы,
жить без поэзии ни дня?!
...А захожу на сайты прозы –
И там такая же хуйня.

2006.

Садистский вальс

я разрежу тебя на кусочки, на мелкие, мелкие, бля
не дождётся тебя крематорская печь
и не примет сырая земля

под ногами не мнётся сырая трава,
на закате горит старый храм
я разрежу тебя на кусочки и голодным крестьянам отдам

не придёт, заливаясь слезами, ко мне безутешная мать
не примчится нетрезвый папаша
выяснять, объяснять, убивать

не приедут на старой машине отвозить в городскую тюрьму
потому что ты на хуй не нужен, ты не нужен совсем никому

«ты исчез, - вся вселенная скажет,
- накануне ты был слишком пьян»
я разрежу тебя на кусочки, чтобы упаковать в целлофан

я разрежу тебя на кусочки и зарюю за лесом в снегу
я разрежу тебя на кусочки и в тесной печурке сожгу

засияет звезда надо мною, и всё примет правильный вид
поп меня проклянёт, копь узнает о том,
но судьба меня благословит

я разрежу тебя на кусочки и спою благодарность судьбе
я спущу тебя вниз, и швырну тебя вверх,
и туда и дорога тебе.

2005.

Муж и жена – алкоголики

Мать твою, пизда, зараза, сука,
ты опять всё выпила, манда!
Под горячую попалась руку.
Щас тебе я врежу, сука, да.

Сматывайся нах из дому, сука,
а не то поймаю и убью.
Я хотел водяру выпить с другом,
хуй ли, бля, ты сделала хуйню?

Я работал, на хуй, двое суток,
и пришёл, и где, бля, вся еда?
Чем теперь закусывать, а, сука?
Что теперь закусывать, манда?

Не звони ментам, шалава, сука:
все менты с похмелья, все спят.
Ждёт тебя пиздец, погром и мука.
Ты, бля, свой приблизила закат.

...В дверь стучат. Звонят. Влезаю в брюки.
Мильцанеры вякают: «Открой!»
Я убил жену, алкашку, суку,
и меня щас уведёт конвой.

2006.

Мороз-Воевода

1.
Не ветер бушует над бором
Не с гор побежала хуйня:
Мороз-Воевода дозором
Обходит тебя и меня

Нас двое с тобой или трое
Не знаю, мой друг, всё равно
Такой он пиздец нам устроит
Что все мы уткнемся в говно.

2.
Взобравшись на старую клячу
Построивши замок и мост
Мороз-Воевода херачит
Устраивать нам холокост

Он пенсию, гад, получает
Ему уж пора на покой
Но все еще камни швыряет
В башки он могучей рукой.

2004.

*

когда иду по улице бухая
и не соображаю головой
мне видится пшеница золотая
по сторонам дорожки полевой

кой черт меня сподобил так напиться
куда смотрели мама и отец
шумит шумит высокая пшеница
и ей пиздец пиздец пиздец пиздец.

2003.

Крестики Христовы

Отзовись, кукушечка...
- *Георгий Иванов.*

А в душе откушенный кусок.
- *Шшиш Брянский.*

Крестики, крестики, крестики Христовы,
яйца пасхальные, красные, как кровь.
Кушайте просфору, в ней святое Слово.
Превращайтесь в жирных и святых христокоров.

Крестики, крестики, крестики святые.
В церковь, что на площади жирно разлеглась,
ходят натуралы, ходят голубые –
хочут одинаково в тёплый рай попасть.

Крестики, кадильницы, камешки, листочки.
Попадья кукушкой дьякона зовёт.
В голове священные пляшут заморочки,
на износ работает Господень завод.

В рясах, бля, блюстители – чёрные коровы.
Пьётся кровь еврейская уж две тыщи лет.
Крестики, крестики, крестики Христовы,
всеу поминальники, памятники, бред.

Водочка, бутылочка, чистенькая келья,
Иисус над родиной виснет, точно смог.
Попики и садики, образ над постелью.
А в душе откушенный кусок.

2007.

Выпьём

о, выпьем! пускай между нами стена
пускай твоё мерзко ебло
я помню что в давние бля времена
мы пили, и было светло

какие вокруг возводили мосты
твоео дорогого ебла
какие вокруг распускались цветы
какого безмерного зла

не остановили ни мать ни отец
такое безмерное зло
но стрезву предстал перед нами пиздец
твоё закрывая ебло

пиздец нас лишил дорогого вина
и денег на хлеб и вино
и стала расти между нами стена
а мы – опускаться на дно

уёбища влезли и в дверь и в окно
всё здание сгорело в огне
осталась стена лишь, и надпись: «ГОВНО»
сияла на этой стене

но нынче воспрянет весь мир от говна
в объятых цветущей весны
о, выпьем – и рухнет любая стена
и рухнут любые стены.

2004.

Ностальгия

на свете воля есть – нет счастья и покоя
в кармане деньги есть – но в рюмке нет бухла
прошла пора, когда лилось говно рекою
и молодость прошла, и молодость прошла

я выхожу один на грязную дорогу
где нет ни одного знакомого ебла
и с неба Лев Толстой глядит ужасно строго
и молодость прошла, и молодость прошла

волнуется вдали желтеющая нива
и девушка идёт бухая без весла
я попрошу у ней не честь её, а пиво
ведь молодость прошла, ведь молодость прошла.

2006.

*

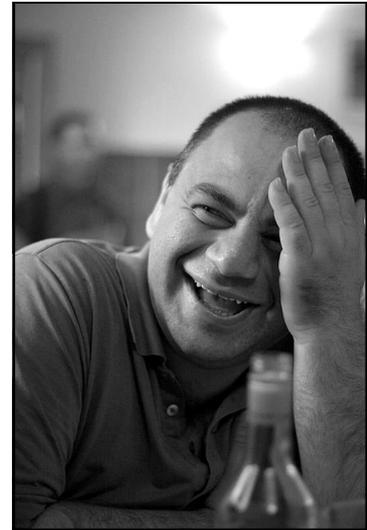
научись разбирать мой почерк
появляйся в моих во снах
поцелуй меня если хочешь
а не хочешь – иди ты нах

посвяти мне десяток строчек
не приму – утопись в пруду
обними меня если хочешь
а не хочешь – иди в пизду!

2003.

Александр Гальпер

Дети мегаполиса

(окончание. Начало в 5 номере)

Иллюстрации Ивана Горшкова

Вот сверху еще один опус этого, так сказать, писателя. Он раньше бабки в пекло суется. Придется объяснить немного.

По окончании вечера, Олег с Ингой вернулись в номер. Инга разделась и стала ходить голой по комнате. Олег засмутился. Она ему сказала: "Не стесняйся". Он тоже остался в чем мать родила. Инга легла и попросила его лечь к ней в постель и помассажировать спину. Олег немного помассажировал и захотел помассажировать что-то еще. И не руками. Но был с неподдельным гневом изгнан из кровати. Потом она предложила парню спать рядом с ней, но без фокусов. Парень попробовал немного, но фокусы не давали спокойно спать, хотели встать и активно делать то, для чего были созданы. Олег был изгнан во второй раз. На этот раз - окончательно. Причины поведения Инги не были ясны. Может, она сумасшедшая? Может, действительно мечтала об изнасиловании? Ладно, не мне, презренному графоману, об этом рассуждать. С главным героем бы разобраться. Если дырка в голове, надо пить зеленку.

- Алло! Моя невеста заказала у вас французский унитаз. Наш дом уже построен, через неделю свадьба, а ЭТОГО нет! Вы сказали, что от 4 до 8 недель. Уже прошло три месяца.

- Извините нас, пожалуйста. Унитаз сделан и отправлен, но во Франции забастовка портовых рабочих.

- Что вы мне лапшу на уши вешаете? Какая забастовка к чертовой матери? Где мой унитаз? Вы сказали, не пройдет и двух месяцев.

- Но кто же мог предсказать, что у них не полная зубная страховка.

- Какая страховка? Какие зубы?

- Ну, пломбы покрывает, а каналы нет.

- Ты что, издеваешься?

- Ни в коем случае.

- Ты знаешь, с кем ты говоришь? Ты знаешь, кому ты свадьбу срываешь? Я Джон Ротти. Мой отец - представитель самой известной братвы Нью-Джерси. Я сам недавно бейсбольной битой проломил одному идиоту голову за то, что он меня срезал. Идиот, когда пришел в себя и узнал, кто мой папа, следовательно сказал, что сам случайно на мою битку упал. Так вот сейчас я сажусь в машину, еду в вашу конторку и мы поговорим про зубы, про каналы. Посмотрим, сколько тебе зубов надо будет вставлять после нашего разговора.

На другом конце провода бросили трубку. Олег зашел в кабинет босса. Страх.

- Звонил Ротти. Он сказал, что сейчас с битой придет и нам всем тут плохо будет.

Босс схватил трубку громкоговорителя:

- Всем служащим компании! Сегодня рабочий день заканчивается в три часа дня.

Было слышно, как довольные служащие табуном повскакивали и начали одеваться. Олег развернулся, чтобы тоже уходить.

- Тебе, Олег, придется остаться и отвечать на телефонные звонки.

- Но он же сумасшедший мафиози. Он же меня убьет!

- Ты эту кашу заварил - ты и расхлебывай.

- Что я сделал? Кто знал, что у них во Франции зубные каналы грузчикам не лечат?

- Надо было предупредить, что 4-8 недель, если ничего не случится.

- Откуда я знал про забастовки?

- Теперь будешь знать. Не забудь потушить в пять часов свет на этаже, когда уйдешь, - закончил босс, Мгновение спустя, он вылетел из офиса.

Олег вернулся в пустой зал. Часы показывали 3:10, будто бы заснули. Ну, Джон один раз ударит... Упасть и не вставать, как приходилось делать в детстве? А, может, сопротивляться? Взять какой-нибудь железный прут и дать ему по башке, как

только он выйдет из лифта. Но если он серьезно повредит сына крестного отца местной мафии, ему точно не жить. К жизни, полной экзистенциальных тревог, добавится куча других, с философией напрямую не связанных. Этот прут - это выход в другой мир, мир протоколов, допросов, тюрем, отведенного времени на еду и на сон. Будь, что будет - убьют, так убьют.

Ожидание. В соседнем небоскребе чернокожая женщина пудрится на рабочем месте. Очень симпатичная... Или это расстояние и два окна делают ее такой? Вот уже я слышу, как кто-то внизу вызвал наш лифт. Этот лифт едет только к нам на этаж. Прощай, красивая черная девушка в окне!

В шалаш стали вносить раскаленные докрасна камни. Их клали в специально вырытую ямку в центре. Ране брызнула на них водой, и густое облако пара мгновенно повысило температуру в шалаше градусов на тридцать. Ране медленно запричитала:

- О, великий Бог земли, огня и воды, Арну. Сегодня мы пришли испросить у тебя счастья.

Все хором повторили.

- Дай нам удачи на охоте и на рыбалке. Пускай бизоны никогда не увидят, что мы к ним подкрадываемся.

Хор прогремел фразу о бизоне.

Ране еще раз плеснула воду на камни. Стало очень жарко. Олег жару переносил гораздо хуже, чем холод. С детства он обливался холодной водой и обтирался снегом. Температура дошла уже критической отметки. Как есть у человека норма водки, - 300 грамм, для примера. Если же он возьмет на грудь только 250, то будет чувствовать себя обде-

ленным, а если 350, то упадет под стол, или его вырвет на собутыльника, или на любимую девушку. Так вот, Олег уже почувствовал, что если он сейчас всех не растолкает и не выскочит из этой халабуды, он умрет. Как же, черт возьми, силен этот инстинкт самосохранения! Как же изжить этот буржуазный атавизм?

Но если он сейчас выскочит, а Инга останется там... Вдруг ей понадобится помощь? Во-вторых, обряд, конечно, дело интересное, экзотическое. Потом будет жаль, что смалодушничал. В-третьих, за стенками шалаша отчаянно забился ливень.. Что он будет делать один под дождем? Что он на этой земле будет один делать?

Стрелка остановилась на 5 часах. Можно было уходить. Грозный Джон Ротти не пришёл. Взял на понт. 21-ая и 8-я. Накрапывает дождик. Спешат людишки. Не остановятся, не подумают, как великолепна жизнь во всех ее безжалостных проявлениях.

Дохожу до входа в метро на углу 23-ей и 8-ой.

Олег задумался. Ну что, нырнуть в этот пространственно-временной туннель и выскочить через час в другой плоскости, в Бруклине, в пролетарском и мелко-собственническом Бенсонхерсте, которого просто нет. Есть дома, магазины, рестораны, а района - нет. Наверное, самый ближайший район Нью-Йорка. "Может мне, - догадался Олег - поэтому так нравится там жить. Нет меня в Бенсонхерсте, в армии этих двухэтажных кирпичных домиков, есть Бенсонхерст внутри меня, это дыра и незаживающая рана".

Электронное письмо: "Дорогой французский друг Пьер. Как это ни печально, у Липмана я больше не работаю, сам не понимаю почему. Я думал, что хотя бы к продаже унитазов я годен, но, как заметил один классик, "не рассчитал, как квадратуру круга". Вот такой я ни к чему не годный человек!

Спасибо за приглашение переехать к тебе в Бордо. Куда я из Нью Йорка? Спасибо, конечно, что ты на улице красных фонарей нашел проститутку, от которой, я по твоему мнению, должен быть без ума, но это еще одна причина, по которой я не могу туда поехать. И так не шибко умный. Еще я тебе всю компанию развалю. Еще твой дед и прадед там первые "Фонтаны" для Людовика XIV мастерили. Еще в твоей любимой Франции надо знать французский, иначе ты человек второго сорта. А учитывая, что я человек, который даже в стране, чей язык я знаю, чувствую себя третьим сортом, то что будет во Франции? Страшно даже подумать.

Когда будешь по делам в Нью-Йорке, позвони. Вновь посетим "Жаркие Ночи". Цыгане будут тебе петь печальные песни, и их зажигательные женщины удобно примостятся прямо у тебя коленях (если Лоретта не вцепится в волосы одной из них, как в прошлый раз. Она у тебя настоящий огонь)."

- Олег. Зайди ко мне в кабинет на секундочку.

- Да-да мистер Липман.

- В шесть часов прилетают наши поставщики из Бордо. Все равно ты здесь ничего толком сделать не можешь. Вот тебе наша корпоративная кредит-

ная карта. Бери лимузин с Джеком, чеши в аэропорт и покажи им Нью-Йорк - я сегодня занят по горло. Своди их к Статуе Свободы или во Всемирный Торговый Центр. Только учти, если они останутся недовольны, ты будешь уволен!

- Мистер Липман. Я же стараюсь.

- Вперед и с песней!

Джек! Гони в аэропорт Кэннеди. Как жена, детиски? О, Майк уже в школу пошел! По математике он сильнее всех в классе. Какое умное потомство! Аккуратней, идиот, красный цвет! С твоей точки зрения это был желтый? Ну ладно, а жена как? Она в госпитале лежала, я слышал. Теперь все в порядке. Простуда это, брат, дело серьезное. А как твой другой сын, как его там...

- Жди здесь... Извините, вы месье Пьер Дюпон? Меня прислал вас встретить мистер Липман. А вы, должно быть, мадам Дюпон. Какой от вас перегар. В полете вам скучать, по всей видимости, особо не пришлось.

- Я не мадам Дюпон. Мадам Дюпон осталось в Бордо. Я - Лоретта, и надеюсь, что скоро стану мадам Дюпон, если этот дегенерат не обманет меня в сто первый раз и уйдет от этой старой карги.

- Да-да, конечно, извините меня, мадам Лоретта. Не надо в месье Дюпона тыкать пальцем. Я уверен, что у него насчет вас самые благородные намерения. Вот наш лимузин. Джек, что у нас здесь есть - коньяк, виски, шампанское? Вот вам всем понемножку. Извините. Французский мой слабенький. Мистер Липман встретит вас завтра утром. Что вы хотите посмотреть? У нас есть великолепная Статуя Свободы. Ваша соотечественница, между прочим.

- Все французенки - полные бляди. Я на них уже во Франции насмотрелся. Как тебя зовут?

- Олег.

- Ты русский? Вот здорово. Так вот, на хуй всех французенок вместе взятых!

- У нас есть полные величия небоскребы Всемирного Торгового Центра. С крыши будет виден штат Нью-Джерси, а также Статуя Свободы.

- Ебля во все дыры - это Нью-Джерси вместе со статуей Свободы.

- Как вы хорошо говорите по-английски. Ну, хорошо. Давайте пойдём в ресторан. Называется "Жаркие Ночи".

- О, это мне уже нравится. Вперед, в "Жаркие Ночи"! Олег, я недавно почитал вашего Лермонтова. Крутейший поэт. "Убит поэт, невольник чести. Пал, оклеветанный молвой. С свинцом в ..."

- Да-да Лермонтов, конечно, молодец. Джэк, рули в Верхний Манхэттен. За счет компании можно будет неплохо посидеть.

В темноте "Потного Шалаша" заплакал младенец. Так, наверное, плачут люди, заживо погребенные в полной темноте без шансов на спасение. Как там у Джойса... - "неотменимая модальность слышимого". Это больше чем плач. Это схема, пропуск во все измерения сознания. Ране тут же ловко вставила эти звуки в заклинания:

- Мы приходим в эту жизнь в полной темноте материнской утробы. Так же, как и этот ребенок, мы

боимся незнакомого и странного. Великий Арне! Дай нам силы пережить все, что этот мир заставляет нас пережить. Дай нам сил пронести нашу ношу с поднятой головой, и не кривя душой.

Ране вновь брызнула вода, и температура в шалаше поднялась еще на двадцать градусов. Половина присутствующих поползла к выходу. Олег почувствовал, как его уносит и как его дух покидает шалаш и начинает медленно подниматься вверх. Уже виден сверху гигантский шалаш у пруда с хлещущим вокруг дождем, еще выше, и уже видны окружающие горы, а вон и городишко Монро, а вот еще выше, с облаков, видны далекие небоскребы Нью-Йорка. Если еще подняться, то можно увидеть город на другом континенте, где родился, про который уже все забыл. Остался только уникальный акцент, это украинское мягкое "Г", которое является пропуском в модальное. Если подняться еще выше, можно будет увидеть весь земной шарик и себя на Северо-Американском континенте в шалаше к западу от Нью-Йорке, задыхающегося от пара, если... Тут Ингин ненавистный визг возвращает в шалаш, в реальное время:

- Перестань на меня капать потом. Думаешь, приятно его нюхать?

Прощай, черная красавица. Лифт начал свой забег наверх. Олег взял ручку с бумагой и написал.

БОБИК

+

БАРБОС

СОБАКИ

Когда-то, много лет назад, он узнал эту загадку. Надо так заменить буквы на цифры, чтобы сумма бобика и барбоса равнялась собакам. Эту задачу он пробовал решить уже лет десять. Иногда он исписывал уравнениями целые тетрадки. Пару раз он был близок к решению, но не хватало терпения, тетрадка терялась, и в следующий раз он опять начинал сначала. Иногда Олег думал, что в глубине души он не хочет ее разгадать. Что он будет делать в напряженные моменты? Как успокаиваться?

Инга ткнула его локтем в живот еще раз: "Перестань капать на меня потом". Олег осмотрелся вокруг. Несколько оставшихся в шалаше несчастных лежали в отключке. Внезапно Олегу стало скучно. Повышение температуры дальше уже ничего не сможет сделать с его телом. Чувствительные нервы отключены от мозга: к нему сейчас можно утюгом раскаленным прикоснуться, - Олег ничего не почувствует.

На ватных ногах, шатаясь, он добрался до выхода, отдернул шкуру какого-то несчастного зверя и выпал на волю.

*Гори, гори моя звезда,
Широких дней моих отрада.
Есть у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

- Олег! О чем они поют?

- Они поют о несчастной цыганской судьбе, о любви.

- Я не понимаю русского, но это великолепно. Вели нам еще водки!

- Официант, еще графин "Кремлевской", пожалуйста.

- Олег! Ты не представляешь, что это такое - сделать настоящий унитаз. На моей фабрике штучное производство! Несколько столетий назад на её месте была деревня. Но в каждом дворе там жили унитазные ремесленники. За сотни лет каждую детальку филигранно, с точностью до одного миллиметра научились делать. Лоретта, расскажи ему про Лесен-Жуан.

- Да, Олег, вам надо к нам приехать. Нет места в мире лучше, чем Франция. Да и готовить больше нигде не умеют, за исключением "Жарких Ночей", конечно.

- Да что ты ему об этом говоришь? У всех русских должна быть ностальгия по Родине. Я по телевизору фильм видел, так они все поголовно плачут, плачут часами, вспоминая березки.

- Не плачу, да и не русский я, и от природы меня тошнит.

- Тю, а откуда же ты?

- С Украины.

- Ну, так по неньке Украине рыдаешь, наверное?

- Да я и не украинец.

- А кто же ты?

- Если бы я знал? Давай еще выпьем. Попробуй балычка.

- Ой, какой сказочный балычок. Предлагаю тост. Лоретта, возьми бокал. За нашего путеводителя по Нью-Йорку и человека, только вступающего на славный путь производства передовой сантехники, Олега.

- Спасибо, Пьер.

- Я вижу в тебе, молодой человек, великие задатки. Я уже вижу, как ты у Липмана достигаешь до лидирующих позиций, как ты выкупаешь у него компанию или открываешь свое дело.

- Да что вы! У меня и так не очень хорошо получается.

- Получится. Самое главное, что ты человек хороший, а унитазы плохих не любят. Они как женщины. К ним правильный подход нужен.

Второе свидание с Ингой. Жду у входа в метро. Где же она? Второе свидание, и она уже едет к нему домой. Во какой он крутой мужик! Даже не верится. Она должна была приехать в час, а уже пол-второго. Так и знал. Она обломалась. Возвращаюсь домой. Депрессуха. Звонок.

Это ты? Где ты пропадаешь? Я уже думал, что ты передумала. У метро. Бегу. Жди меня, не уходи.

Привет. Как дела? Я взял фильм в прокате. Да-да, интересный. Комедия. Вот проходи, давай я помогу тебе снять паль (Эпиграф. Как он сюда влез ума не приложу).

Неотменимая модальность зрительного неотменимая модальность слышимого.

Теперь открой глаза. Открываю. Постой. А вдруг все исчезло за это время? Вдруг я открою и окажусь навеки в черноте непрозрачного. Дудки! Умею видеть - буду видеть.

(“Улисс”, Д. Джойс). Вот я включаю фильм. Сейчас хохотать будешь. Да-да, садись прямо на ковер. Так удобней будет. Ковры чистейшие. Я отойду ненадолго на кухню. А вот и вино. Французское. Пятилетней выдержки. Хорошее. Ну, за знакомство! А-а-а-а. Я говорил, - отличное вино.

Жарковато. Снимай кофточку. Ешь пиццу. Только принесли. Еще горячая. Кофточку снять не хочешь. Давай я повешу на вешалку. Смотри, сейчас он этого перепутает с тем. Вот умора будет.

Ну не могу я смотреть, как ты эпиграф всунул в середину романа, посреди абзаца, и даже слова. Тебе не стыдно? Традиционная форма романа выработывалась столетиями, а ты... Ты думаешь, тебе все можно? С кого пример берешь? С этого говнюка Штерна? С этого дегенерата Джойса? Тьфу ты. Глаза бы мои тебя не видели.

Кончается сцена соблазнения на дому очень неправильно. Инга целуется жарко в губы. Дает себя раздеть до трусов, и ни шагу дальше. Олег понимает, что это только вторая встреча и особенно не настаивает. Он уверен, что от него не убежит.

Олег вылезает из шалаша на карачках, доползает до пруда и валится в холодную воду. Ему кажется, что он сейчас склеит ласты и встретится с Арно лично. Все тело дико ломит. В пруду холодно, и беспокоит мысль, что если он потеряет сознание, то утонет. С трудом выползает на берег и валится в большую лужу перед шалашом. Дождь валит, как из ведра. В этот момент сознание уходит, и он проваливается в пропасть.

Прошла
1 минута.
2
3
4
5

Очнулся от холода. Уровень воды почти доходит до рта. О, святая Мать-Ночь! Отец-Горы! Братья-Сосны! Сестры-Колючий-Холод! Как можно описать это состояние? Лежание в луже. Он вспоминал детство, валяющихся алкоголиков... Тогда казалось, что они лежат по причине своего внутреннего и внешнего жлобства, но сейчас он понял, что из лужи открывается невиданная перспектива. Ты не чувствуешь себя хозяином мира, не чувствуешь себя рабом. Лежа в противной холодной луже, ты чувствуешь себя миром.

Олег зашел в кабинет мистера Липмана.

- Сэр! Мне надо с вами поговорить.

Мистер Липман оторвался от бумаг и поднял голову.

- Да-да. Я тоже хотел с тобой поговорить.

- Во-первых, сегодня я хочу уйти вместо 5 часов в 3:30. Я уезжаю с девушкой в пансионат в горы на выходные. Во-вторых, я работаю уже год в вашей компании и пускай у меня не все всегда получается, но Бог видит, - я стараюсь. Так что небольшая прибавка к зарплате мне бы не помешала.

- Ну что же, молодой человек, придется тебя немного расстроить. Я посоветовался с менеджером, и мы решили тебя уволить.

Мысли. Как странно они мелькают! Увольнение задает новые вопросы. Миллионы разных новых дорог открываются. Как же он сам не решился уйти.

Или он уже за год относительно сытной жизни забыл, что значит быть без работы. Но все равно, теперь его жизнь как-то должна измениться. Он, может, станет электриком или профессиональным шахматистом, продавцом вяленой рыбы или таксистом. Увольнение? Ура! Увольнение? Ой!

- Я думал, что у меня получается.

- Мы тебя терпели целый год. Ты не создан для унитазов.

- Но почему, сэр? Не я ли вручную поменял на них все цены в этом году?

- В половине случаев ты ошибся. После тебя пришлось переделывать.

- Но вы мне указали на ошибки, и я больше их не допускал.

- Самое главное - я не вижу в тебе любви к унитазам. А без этого в нашей профессии нельзя. Это для нас самое святое!

Первая встреча с Ингой. На дне рождения у знакомого. Они вместе потанцевали. Через пять минут целовались. Все предвещает большую и страстную любовь, холодно заметил Олег. Завтра же позвоню ей и приглашу к себе домой.

Олег вернулся назад в шалаш. Крики Ране больше не казались чем-то экстраординарным и экзотическим. Теперь все было предсказуемо и скучно. Не помогала ходившая по кругу длинная трубка мира с какой-то гадостью. Лучше бы они бутылку водки пустили. Жара от камней навела зевоту. От заснул руку в карман куртки и достал фотоаппарат. Может потом на снимках будет казаться, что интересно провел время. Когда раздался щелчок, и пространство шалаша на секунду из темноты выхватила вспышка, толстый мужчина повернулся к нему и недовольно фыркнул: "Нет для тебя ничего святого". Олег молча положил камеру в карман, сказал Инге, что идет в комнату, и направился к выходу. Пора, наконец, заняться тем, для чего они сюда приехали на самом деле...

Разделительная линия
Разделительная линия
Разделительная линия

БОБИК

+

БАРБОС

СОБАКИ

Ну, значит, что явно, так это то, что C на один меньше B . $B + 1 = C$. Отсюда B меньше C , и C больше B . Дальше. B и C не может быть нулем, потому что целое число не может начинаться с нуля. Соответственно, B также не может быть девяткой. Тут, вроде, все ясно, идем дальше. K и C . Ни K , ни C не могут быть нулем, потому что тогда бы I было равно одному из них. Начинаются варианты. Суммы K и C , то есть число I больше десяти или меньше? Если мень...

Конец твоим страданиям читатель.

Конец твоим страданиям читатель.

Конец твоим страданиям читатель.

Посвящается Анне Геновой.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВСКИЙ

Эполетный Мат

Иллюстрации Семена «Noir» Андреева

Каким цветом играть в шахматах, решает жребий. Не знаю, как в жизни, но, вроде, выбирать особо не из чего. И потом, какая, хрен, разница, на какой ты стороне? Всё зависит от того, какой ты человек – хороший или нет. Если ты говно человек, то цвет тебя не спасёт. И ведь нигде не сказано, что белый – это хорошо, а чёрный – это плохо.

Я родился в приличной семье. Родился беленьким и чистеньким. Начал свою жизнь обычно и даже стандартно. (Белые начинают и... – 1. e2—e4) С помощью своих создателей я сделал шаг навстречу реальности. Начиная с более сознательного периода своей жизни, я всегда мечтал попасть в сказку, но даже сказка будет неинтересной, если там не будет зла.

Как показала жизнь моих предшественников – реальность сегодня доброй почти не бывает, а тем более для пессимистов. Им она всегда представляется злой, чёрной. Тем более она не стоит на месте, а идёт тебе на встречу. (e7—e6) Всё зависит от твоего настроения. Либо она к тебе идёт с распростёртыми объятиями, либо встречает твой вызов ответным.

С малых лет я то и дело слышал о плохом. Это – плохо, и то – плохо. Всё в этой жизни плохо. И создавалось такое ощущение, что исправить это «плохо» могут только те, кто говорит, что всё «плохо». Но такие люди могут только говорить, а вот делать... Их дело – указывать на проблемы, а решить эти проблемы они даже не пытаются, не пытались и не будут пытаться. Они только могут судить всех, думают, что они самые умные, смеются над неудачниками, даже не осознавая, что они неудачники ещё большие, раз даже не чешутся что-нибудь изменить.

Мою волю всегда воспитывали фразой «торопись медленно», но я редко слушал советы кого-либо и всегда хотел знать то, что знать не обязательно и

даже не нужно. Я любил развиваться в тех областях и направлениях, где мне даже появляться не стоило. (2. f2—f3) Противиться тому, что уже утвердилось – вот цель всей моей жизни. Не соглашаться с тем, с чем согласились почти все. Мне не хотелось сидеть и бездействовать.

А если бы я мог додуматься до того, что таких революционеров, как я, бесконечность и все они кончили плохо, то стал бы я идти против системы? Конечно, стал. А чем чёрт не шутит? Вдруг у меня получится? Проблема в том, что система существовала намного дольше меня, и у неё было подготовлено очень много обломов для таких выскочек, как я. (Kg8—f6) А я об этом даже не думал, пытаюсь обхитрить всех.

Осторожные циники всегда ворчали: «Не связывайся с Матерью-Природой, с Матерью-Законодательной Системой и, ебёна мать, хохлами». Прошаренные люди, которые пытались атаковать систему, не обращая внимания на советы циников, и в итоге сами нарывавшиеся на её атаку, придумали себе различного рода защиты: защита двух коней, защита Доминана, защита Кембридж Спрингс и так далее, а я был одержим юношеским максимализмом и не думал о каких-то защитах и прикрытиях.

(3. c2—c3) Я продолжал развиваться. Мне казалось, что к моим решительным действиям никто не готов, и я смогу разрушить всё, что так не любят многие. Вялые ответы реальности (d7—d6) на мои, как мне казалось, решительные ходы давали мне повод думать, что у меня всё получится. (4. Cf1—b5+) Главное – верить и не разочаровываться в неудачах. (c7—c6) (5. Sb5—c4) Это всё пустяки. (d6—d5) Главное – ввязаться в сражение, а там посмотрим. Нужно бить первым, тогда у тебя будет хоть какое-то преимущество. (6. e4 : d5) Конечно, ещё и быть готовым к ответному удару. (c6 : d5) И в то же время не сбавлять темпов! (7. Sc4—b5+)

Нужно показать, что ты не собираешься шутить, чтобы были понятны твои намерения, чтобы твой противник тебя зауважал. (Сс8—d7) Я буду отвечать за свои действия. (8. a2—a4) И если меня накажут, то, значит, я этого хотел. (Сd7 : b5) Но я всё равно не изменю своё решение и не отступлюсь от задуманного плана действий. (9. a4 : b5) Я достоин уважения. (b7—b6) И хочу, чтобы ко мне относились серьёзно. (10. Kg1—e2)

(Фd8—c7) Неужели началось? (11. Ke2—d4) (Сf8—c5) Уже давно началось. Я настроен решительно.

.... Белые.....Чёрные

12. 0—0.....Сс5 : d4 -- я не боюсь.
13. c3 : d4.....Фс7—c4 -- без паники.
14. Ла1—a4.....Фс4 : b5 -- в таком случае, я жертвовал.
15. Kb1—c3.....Фb5—d7 -- ну-ну.
16. d2—d3.....Kb8—c6 -- и чё?
17. Сс1—f4.....0—0 -- есть идея!
18. Cf4—e5.....a7—a6 -- пока по плану.
19. Се5 : f6.....g7 : f6 -- отлично.
20. f3—f4.....b6—b5 -- не ожидал...
21. Фd1—g4+.....Kpg8—h8 -- so what?
22. Ла4—a1.....Лf8—g8 -- о!о
23. Фg4—f3.....Kc6 : d4 -- меня дерут, а мы крепнем.
24. Фf3—e3.....Kd4—c2, коневая вилка. -- FUCK!
25. Фе3—f3.....Kc2 : a1 -- досадно.

26. Лf1 : a1.....e6—e5 -- голый король.
27. f4 : e5.....f6 : e5 -- размен.
28. Kc3 : d5.....Лg8—g6 -- что ты задумал?
29. Kd5—b6.....e5—e4 -- заговор...
30. Kb6 : d7.....e4 : f3 -- AAA!!!
31. Kd7—e5.....Лg6 : g2+ -- о, господи.
32. Kpg1—h1.....Ла8—g8 -- прозевал.
33. Ke5 : f3.....Лg2 : b2 -- дырка.

(34. Kf3—e5, чёрные предлагают ничью.) Что? Если бы я понял, что ничья — это значит, что меня перестают испытывать, и я соглашаюсь на все условия, которые мне предлагали сначала, то... вряд ли бы я согласился. Но тогда мне казалось, что противник просто боится проиграть.

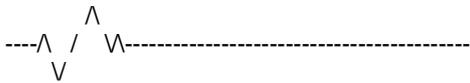
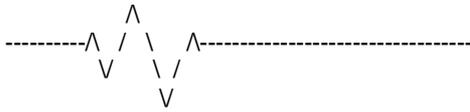
Я отказываюсь, потому что верю в победу! (f7—f5) Ну конечно, я понял. Всё ясно. У меня есть шанс. (35. Ke5—f7+) Я понял, почему предлагали ничью. Они увидели во мне настоящего соперника и предложили ничью, так как не были готовы к моим решительным действиям. Всё понятно, так и есть. (Kph8—g7) Мало фигур. Какой-то эндшпиль. (36. Kf7—d6.....f5—f4) И что теперь? Надо подумать. Главное здесь — не попасть в цейтнот. У системы гораздо больше времени, чем у меня. А?..

37. Kd6—e4.....f4—f3 -- неужели проходная?
38. Ла1—g1+.....Kpg7—h8 -- испугался?
39. h2—h4.....a6—a5 -- точно проходная... и не одна.
40. Ke4—c3.....f3—f2 -- what tha...

Мне словно ударили по голове шахматной доской. Жаль, что одержимость не вечна. В один момент я понял, что со мной никто по-взрослому играть не будет и даже не собирается, потому что меня никто не воспринимает всерьёз. Вот почему мне предложили ничью. Мне давали понять, что я — слабак. Хорошо противиться и будь как все. Все мои действия были давно известны, а я думал, что могу их заставить врасплох. Я ещё ничего не успел сделать, а моя внезапность накрылась медным тазом, не предупредив меня об этом. Уверенность — это обратная сторона наивности. Я же кукла, и действовал всегда так, как нужно было, а не так, как мне хотелось самому. Я хотел изменить всё, но не смог. Сейчас надо мной поиздеваются, а потом всё равно прикончат. Грёбанные козлы.

Нет уж. Спасибо, но я сам! Во всяком случае, я пытался. А, идите вы все. Надо же было так облажаться?!

e2—e4 e7—e5 Bf1—c4 Nb8—c6 Qd1—h5 Ng8—f6?? Qh5xf7# e2—e4 e7—e5 Bf1—c4 Nb8—c6 Qd1—h5 Ng8—f6?? Qh5xf7# e2—e4 e7—e5 Bf1—c4 Nb8—c6 Qd1—h5 Ng8—f6?? Qh5xf7#

*

...если крайний индивидуализм приводит человека к самоубийству, то недостаточно развитая индивидуальность должна приводить к тем же результатам. Поэтому то самоубийство, которое вызывается чрезмерным альтруизмом, называется альтруистическим.

А сейчас новости спорта.

Недавно в пункте У прошли соревнования по греко-римской борьбе. Участников было более чем дос-

таточно. Хорошо выступил борец Виктор Гнутый, показавший с помощью борца Михаила Горо миниатюру «Бараний рог»...

- Здорово, мужики.
- Здорово, коль не шутишь. 1:2
- Иваныч, сделай радио потише. Всё в домино играете, а новость слыхали?
- Что за новость? 2:2
- Антошка Тихонов умер.
- Шизофреник, что ль? 2:3
- Но.
- Как умер? 3:5
- Повесился.
- Да ну? 4:5 А когда?
- Сегодня мёртвым нашли дома. Вся квартира спокойная, следов нет, только не доигранная партия на кухне.
- Шахматная? 6:4
- Да. У белых король на доске положен в углу самом.
- А чего это он? 1:6
- Откуда ж мне знать?
- Так он же любил в шахматишки-то. 3:1
- Серьёзно? А с кем играл обычно?
- Один. Кто с ним играть-то будет? Он фигуры еле двигал. 6:3
- А как же он играл?
- Та сам с собой, блядь.
- Иваныч, ходи!
- Пропускаю.
- 2:6
- Странно.
- Так он, наверно, сам себе проиграл и от горя на берёзе вздёрнулся. ХА-ХА-ХА.
- ХА-ХА-ХА
- ХА-ХА-ХА. Ходи, берёза.
- Сам ты – берёза. РЫБА!..

2007 год

Ногтевая Пластина

Шесть часов три минуты утра. Я проснулся от того, что мне было неудобно спать. А может, я проснулся от звука? Пукнул, наверно, кто-то громко. Может, это я пукнул? Такое ведь бывает – это как проснуться оттого, что ты обоссался или обоссался. В подобной позе лежать невозможно.

Я попытался вытянуть ноги, но ударился только что прооперированным большим пальцем правой ноги обо что-то. (AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA) О! Да я же в детской кроватке. Долбанная решётка. Как я тут поместился? Как я здесь умудрился заснуть после операции? Оглянувшись по сторонам и осознав свою беспомощность, я стал громко смеяться.

- Как ты сейчас сказал? – переспросил мальчик серёжа.
- Что сказал?

- Фразу какую-то, я не расслышал. Ебу и?.. Что дальше?
- Ебу и плачу.
- Не понял, - мальчик серёжа нахмурил брови
- Ебу и плачу. Как ёжики.
- При чём тут ёжики? - ещё больше удивился мальчик серёжа.
- Бля, они же колючие. Пёхаться начинают и об колючки...
- А, дошло, - мальчик серёжа сделал вид, что разобрался в самом себе и своих переживаниях.

Я перевернулся на другой бок – заныла рука. Ну да, я там недавно сделал себе татуировку, она ещё не зажила. Опухшая, красная, мазать надо. Еле выбравшись из кроватки, я увидел, что пол комнаты, в которой я находился, весь усыпан детскими игрушками: машинки, юла,

кубики, мишки, зайчики. Даже горшок был пустой и детская бутылка с соской наверху, чтобы ребёнок мог сосать жидкость.

А прикольный можно замутить тандем – горшок/бутылка. Нассал в горшок, перелил в бутылку, закрутил и – на, малыш, пей на здоровье! В таком случае, что мне мешает насрать сразу же в бутылку, чтобы ограничить себя от ненужных действий? Что, малышок, замучила жажда? Я осознал свою ущербность, и меня сразу же накрыл приступ истеричного смеха.

- Слышь, чувак, я тут хотел спросить, - начал мальчик серёжа.

- А ты никогда не задумывался над тем, откуда слова, которые мы употребляем в разговоре, к нам пришли?

- Нет.

- Чувак. Как ты думаешь, откуда пришло это слово?

- Какое? – снова ничего не понял мальчик серёжа.

- Чувак!

- С зоны, наверно. Чувак, чувиха, - пожал плечами мальчик серёжа

- С чего ты так уверен? Ты в совершенстве знаешь тюремно-лагерный блатной?

- Нет.

- А что означает это слово?

- Что за херню ты спрашиваешь? Может, тебе ещё приколоть разницу между пацан/мацан, вафлёр/контотёр и сиська/отвёртка?

- Чувак – это кастрированный козёл.

- Да ладно! - засмеялся мальчик серёжа.

- Это тебе не буфетчицу ебать.

- Откуда пришло? – спросил мальчик серёжа.

Я присмотрелся к кубикам – мягкие, цветные, с буквами. Сейчас я вспомню молодость. Я стал искать кубики с буквами: «й», «у», «х». (Эээээээээээээээ) Ну и дела. На одном кубике на разных сторонах были буквы: «й» и «х». Вот тебе и раз, то есть либо «ху», либо «уй». Вот народ пошёл. Пресекают пошлость с детства. Это кто такой умный? Какой хер принял это решение – лепить две буквы одного короткого слова на один кубик? Наверняка исходил из соображений, чтобы никто не мог собрать слово «хуй». И никто ведь правда не сможет. А других слов, где встречаются «х» и «у», я больше не знаю. Молодец, товарищ! Не зря получаешь свою зряплату. ЧЕЛДОН!!! Осознав всю несправедливость ситуации, я громко заплакал. Вбежала мама, успокоила – дала поиграться своим мобильным телефоном.

- Факиномо мазаново щет! – выйдя из кабинета сказал мальчик серёжа.

- Факиномо мазаново щет!

- Факиномо мазаново щет! – ещё раз протараторил мальчик серёжа.

- Как прошла операция?

- Не было операции.

- Почему?

- Мне сказали, что бессмысленно её делать. Они мне срезают ноготь, а он снова растёт неправильно и вырастает. Нужна более серьёзная операция – удалить ноготь, а потом зашить канал, куда он вырастает.

- Когда?

- Сперва нужно воспалительный процесс снять нехитрыми процедурами. Через две недели надо снова на приём.

- Ты пойдёшь на операцию?

- Нет, боюсь, - скривил лицо мальчик серёжа.

Мама посадила меня на горшок, я пописал туда. Она пошла выливать в туалет то, что я налил, а я побежал за ней. Споткнулся, упал, заплакал, мама успокоила, засмеялся.

Спустя какое-то время мама меня покормила, то, сё, пятое, десятое. Пописал, покакал и стал смотреть мультки:

.лттаб йонсел йищяютсан йымас лыб отЭ .онреван лавориналп а ,ламуд ен ежу но тат гник орП .веремаз ,зриф йынтянопен месвос лазакоп отч ,мет яслитуркыв и ебес в яслатупаз от ,унлов лаледс но и ,илазероп ондивеларипс оге как ,огот елсоп он ,кровтуф ьталедс летох но мотоП .унлов юушорох ьтазакоп гмос но адгот окьлот и ондивеларипс илазероп оге мотоП .ьтавызакоп латс анэм-тобор но а ,нипскэб или ьталед укчоб ьб умЕ .йылгурк но отч умотоп ,ьсолачулоп охолп оген У .игуб-кйерткелэ ьтавецнат лачан и коболок лешыв гурк в мотоП .ачевс ,спйавс ,йалф – ьтазакоп лепсу ен откин ёще еыроток ,ьтнемелэ ет ьтавызакоп алатс и алажебыв авонс акшым метаЗ .юлмез в яслунктов и нипскэб ьталед латс мотоп а ,гникол поп ьтитумаз лавоборпоп ,ясьтялвиркоп лишер кижё .йелетирз ан алетелан ен акоп ,еволог ан ясьтитурк алатс мотоп ,алапу ен ьтуч ,тсивт рйэ узарс алитумаз асилП .агурк зи алшу и злим чам мотоп ,ретпокиле ьтитурк алатс моделс ,лтат ан алшереп мотоп ,атардавк с алачан и тилагро ан ьсалунхюлп акшыМ .иревз еигурд илажебан ,гурк яславозарбо ,снад-кйерб ьтавецнат илатс есВ .кнаф-орткелэ йыньлокирп аличюлкв ,акчисил алширп ,иктярп в иларги кижё и акшыМ

Проснувшись, я вспомнил, что мне снилось и стал смеяться.

- Это как табличка с числами в квадратиках, которые нужно зачёркивать, - продолжил мальчик серёжа свою мысль.

- Весь год?

- Больше. В году 365/366 дней, в каждом дне 24 часа, в каждом часе 60 минут итд итп иух.

- Заебёшься. На это больше жизни надо будет.

- Жизни как раз хватит.

- Для чего тебе это надо?

- Для себя. Чтобы знать, что я во все дни трахался. Что я трахался в понедельник утром, во вторник вечером, в среду в обед, 14 сентября ночью.

- А когда ты потрахаешься во все возможные дни, часы и минуты в году, во всё возможное время – дальше что?

- Умру, - машинально ответил мальчик серёжа.

- А если брать года?

- Какие?

- ХА! Ты трахался какую-то часть всех возможных дней в одном году, другую часть дней в другом году, ещё одну часть дней в третьем ИТД ИТП ИУХ!

- Да, об этом я не подумал, - наморщив лоб, ответил мальчик серёжа.

Мама взяла пояс от своего халата и привязала к машинке, чтобы я мог взять кончик пояса и тащить её за собой. Теперь нас было трое: впереди шла мама, которая из комнаты в комнату ходила по делам, следом шёл

я, не отставая ни на шаг, хоть и прихрамывал, а сзади удручённо волоклась перевернувшаяся на повороте машинка.

В моих мыслях была одна манная каша – вот я налетаю сзади на маму, она падает, ударяется обо что-нибудь и умирает. Вот она поливает цветы, а цветы вырастают и душат её. Вот она наливает чай, а кипяток взбесился и обжёл ей лицо. Ой, что это? А! Да это же моя машинка выросла и сейчас нас всех на хуй задавит! МАМА! Мамочкаааааа... Я описался от страха. Поскользнулся на собственной луже, ёбнулся и стал смеяться.

- Если ты пришёл к девушке, а тебе повезло и ты с ней потрахался, то одежда, которая была на тебе в тот день, запомнила этот положительный момент. Любая мелочь, которая присутствовала в тот момент запомнила: музыка, шнурок развязался, с мамой поругался. Теперь, когда ты к ней придёшь в следующий раз в этой же одежде, будешь слушать ту же музыку и поругаешься до этого с мамой, она тебе не откажет в сексе, - победно закончил свою мысль мальчик серёжа.

- Ох же ты, ебать!

- Да, я такой.

- А если я пойду на следующий день, а та одежда будет постирана?

- Надо постараться, чтобы вся твоя одежда запомнила эти положительные моменты.

- Ссора с мамой – очень хорошая примета перед сексом с девушкой.

- Шнурок развязавшийся тоже нормальная, - напомнил мальчик серёжа.

- А если я купил новую шмотку и получил в ней пизды?

- Тогда выкинь её на хуй и не носи больше, - категорично отрезал мальчик серёжа.

Мама говорила с кем-то по телефону. Я сидел рядом и думал: «У меня золотые дети! У меня золотой муж! У меня золотые волосы! У меня золотые яйца! У меня золотая мама! У меня золотая бабушка (царствие ей небесное). У меня... (о! спит красавица в гробу, я подрался и ебу.) У меня «золотой» папа! У меня золотой член! У меня золотой мозг! У меня золотой кал! У меня золотые сёстры! У меня золотые спермы! У меня золотые вафли! У меня золотая баба Ира! У меня золотые мысли! У меня золотой клитор! У меня золотой дождь! У меня золупой...»

Мама начала громко смеяться в телефонную трубку, а смех моей мамки – это ж ваще пиздец как смешно. Я тоже стал смеяться вместе с ней. Мама не заметила подвоха.

- Когда я ударюсь обо что-то какой-нибудь частью тела, то сразу начинаю громко материться. Это помогает, потому что сходу ты можешь выдать не больше десяти ругательных словосочетаний по существу, а потом надо вспоминать, думать, - поделился опытом мальчик серёжа.

- Это всё? Ты же не договорил мысль.

- Да? А, да! И потом, когда начинаешь вспоминать ругательства, то боль отходит на второй план, а ты вспомнил – ругнулся, ещё вспомнил – ещё ругнулся. Так и боль проходит, пока ругаешься.

- Да ты гей!

- Я - ЗВЕЗДА!!! - крикнул мальчик серёжа, упал и загадал ещё одно нелепое желание.

- А если ты руку сломал?

- Тоже матерись, только тут другая ситуация – чрезвычайная.

- А хули ты тогда пиздишь?

- А хули/не хули – в лес не убежит, - невозмутимо ответил мальчик серёжа.

Я хочу, чтобы все умерли. Пусть умрут. Пусть умрут те, перед кем я когда-либо облажался, пусть умрут те, кто меня напрягал когда-либо. Пусть умрут те, с кем я не могу справиться.

Папа со мной почти не занимается. Ему же некогда, он водку пьёт. Пусть он тоже умрёт.

Мама покормила меня ужином, помыла, убрала игрушки в мешки и ящики, стала укладывать спать. Легла на кровать, меня положила рядом с собой. Я вырывался, суетился, но мама крепко прижала меня рукой к себе. Вскоре мне надоело дёргаться, и я уснул. Мама полежала ещё какое-то время со мной, потом встала, взяла меня на руки и перенесла в детскую кроватку.

Вот такой я беспомощный – мама всё за меня делает. А мне ведь 21 год. Мама убирает мою комнату, мама меня кормит и моет посуду, выносит мусор, ходит по магазинам, и живёт она только для меня.

А я не ценю это всё. Я не ценю её заботу. Я не ценю вообще никого, потому что меня зовут Антон. И каждый день у меня проходит впустую. Плохо, конечно, что я родился. Плохо и обидно, но раз уж родился, то жалко, что я мудаком вырос.

Осознав какой я пидорас, я громко засмеялся во сне, стараясь разбудить всех, кого можно, своим истеричным смехом, через который пробивались слёзы.

2008 год

Андрей Бычков

Голова Брана

Иллюстрации Эдуарда Кулемина

«Содержание в целом не слишком сложно, хотя заключение чудовищно».

- Х.-Л. Борхес, «Три версии предательства Иуды».

Обоссанный революционерами, он вышел из зала. Они обсмеяли и обоссали его. Ненужный, но не смешной, скорее трагичный, он поднялся по ступеням и вышел из здания, вход в которое был чуть ниже порога земли.

Тротуар был усыпан желтыми, крупно нарезанными листьями. Его чернота, впитавшая в себя влагу дождя, показалась Алексею Федоровичу воплощением вечности.

Он вспомнил смеющиеся глаза девочки, маленькие черные бусины, источающие восторг перед жизнью, которую завтра она могла с такой легкостью потерять под ударами арматуры или бейсбольных бит.

«Что это за восторг и разве не к нему я хотел бы прорваться?»

В табачном киоске проплывало лицо киоскерши. Огромная целомудренная, как рыба, она торговала брикеты жевательного табака и пачки импортных сигарет. Он зашел в Мак'Доналдс и взял себе гамбургер, испытывая странное наслаждение от того, какое здесь все бездарное, серое и грязное только слегка. Он вдруг представил себя котом, обычным котом, который жил и будет жить здесь годами, иногда находя по углам или слизывая с пола раздавленные остатки еды.

«Мяу-мяу! Гав-гав!»

Потому что они его не взяли. Но ведь они и не могли его взять, потому что он был для них слишком поздним плодом.

Анна по-прежнему сидела на диване. Когда он уходил, она обняла голову руками. Теперь же рук словно бы и не было, была одна голова, огромная белая, словно бы дутая до размеров комнаты. Анна

молчала уже несколько дней и, казалось, что она и не двигалась все эти несколько дней.

«Пять, шесть, восемь или четырнадцать?»

Он снял одежду – пиджак, кофту и брюки – и в одной рубашке лег на постель, подумав –из-за чего? «Может быть, из-за кофты?»

О, как он любил их все эти годы. Это была какая-то странная любовь - с качаниями, переходящими от обожания к ненависти, как будто они с кем-то изменяли ему, то сами подталкивая к надменному и глубокому отрицанию, а то - в это жаркое обожание издалека.

С каким упоением он разглядывал их вождя, словно бы и сам был им, их вождем – огромный блестящий муравей с длинными шевелящимися усами, с коричневыми шарами глубоких играющих глаз, скорбь истинная скорченного пальца, неостриженный ноготь, которым можно карябать и карябать под одеялом. Алексей Федорович усмехнулся никчемно в белизну потолка, никчемно и еще раз никчемно.

- Но ведь я был там! – все же гортанно закричал он, как будто порезавшись о свою скорбь.

Вошла Анна, далекая, белая.

- Что, Леша? – спросила она.

Он уткнулся в ее холодную рыхлую руку чуть выше локтя и перестал двигаться. Так прошел час или два, так, по крайней мере, ему показалось. Наконец он отнял лицо от ее руки. Анна все еще сидела у его постели. Ее рука с красноватым отпечатком его лица... Чем-то это было похоже на ожидание. Три дня назад он ждал в одной пухлой и высокой канцелярии, коридор был заставлен шкафами, вынесенными из кабинетов, ждал с самого утра, когда же его наконец примут. Иногда на цыпочках он подходил к закрытой двери и осторожно прислушивался – скрежет чашек, бульканье кипятка и этот мышинный шуршащий звук разворачиваемой бумаги. Он представлял в своем воображении бутерброды – обычную газету и крупно нарезанную, с белой жир-

ной каймой ветчину. Обжиралась огромная женщина. Она служила начальницей и обладала неоспоримым правом человека на обед. Никого больше в коридоре не было. Алексей Федорович был в очереди один и был как-то необыкновенно сам в себе возмущен, так, что даже пытался попытаться представить себе, что тоже имеет права человека. И в данном заведении - на месть. И не только этой огромной, в мужских, безусловно, штанах, Зинаиде Игнатъевне, но также и всем этим грязным, засаленным папками, шкафам. И даже этому фанфаронистому пожарному крану с уродливо издевательской надписью «при пожаре звонить ноль один». Глубоко вверх уходила потолочная люстра, засиженная где-то там, в высоте, жирными черными мухами. Зинаида Игнатъевна так и не пустила Алексея Федоровича к себе, и охранник на выходе посмотрел на него с укоризной.

В понедельник Анна занялась глажкой белья и, поддавшись неясному желанию, включила радио. Она услышала, что у здания мэрии в семнадцать ноль-ноль разогнали демонстрацию. Разогнали не милицией, а черными в черных масках людьми. Черные в черных масках люди били железными прутьями демонстрантов, и многие из них так и остались лежать на пыльном асфальте, залитом быстро блекнувшей кровью. Анна гладила галстук Алексею, почему-то измявшийся. Вот уже несколько дней она не включала радио, и теперь это было для нее так, словно бы вдруг на морозе сама собой открылась форточка, и с мороза повеяло морозом. Анна выключила уют и осторожно повесила галстук на вешалку.

Алексей Федорович лежал на кровати в соседней комнате и курил. Где-то в бельевой, в баке под белой пластмассовой крышкой лежала его обоссанная революционерами одежда. Анна вошла с утюгом.

- Зачем ты включила радио? – спросил он.

- Я подумала... Я хотела узнать, как живут другие.

- Это же всего лишь информация, - сказал он, искажая рот и зная, что она угадывает искажение по музыке его голоса.

Одновременно где-то поверх и сзади, глубоко сзади в желтом, как в какой-то детской мечте, он увидел те смеющиеся глаза девочки, черные бусины абстрактной никчемной идеи, способной так ярко отнять у этой девочки жизнь, словно бы это и была великая любовь.

Потом он увидел, как и его хватают черные в черных масках люди, как они тащат его в какую-то каменную простуженную дыру, где мучают и допрашивают, и снова мучают какими-нибудь стальными проволоками и как он задыхается от сжимания, ощущая себя раздавленным плевком. Нет, он, Алексей Федорович, не герой, и его судьба... Его судьба ожидание. И – томление. Так в закрученной однажды банке происходит медленное преобразование грибов... Но вдруг! Вдруг все же сейчас зазвонят в дверной звонок, и он, Алексей Федорович, наконец проснется и встанет, распахивая дверь перед их окровавленным вождем, который не умер, который успел скрыться на тайной революционной машине и

был доставлен Богом к его, Алексея Федоровича, двери, где мог бы исчезнуть и переждать эту бесконечную Кали-Югу среди пачек с макаронами и банок с мукой, спрятать свои преждевременно шевелящиеся усы, замереть и не двигаться, молчать и не дышать, пока эту вечность будут допрашивать про революцию и про него, про вождя, нет ли его где-нибудь здесь, поблизости, за коробками с макаронами, да за пакетами с крупой? И где вместе с ним, не дыша, будет лежать тот самый толстогубый и толстожопый парень, который так беззаботно и весело обоссал Алексея Федоровича, обоссал рукав его «подножной» кофты, выглядывающей из-под подкладки влопыхах напяленного пиджака, а теперь, оказавшись заложником его, Алексея Федоровича чести, ждет вместе с прижавшимся вождем, что он, Алексей Федорович, скажет этим любознательно-стеклянным агентам, которым он, Алексей Федорович, конечно же, ничего не скажет, потому как он, Алексей Федорович, и есть тот самый - тайный и лучший друг вождя, спасающий его преждевременную жизнь от преждевременной смерти. И когда когда-нибудь вождь наконец все же придет к власти, то, конечно же, вспомнит и вознесет неизвестного и тайного друга себя, воздвигнет в высоте на кубиках из кабинетов. И тогда, брезгливо наклонившись с высоты, Алексей Федорович достанет-таки двумя пальцами эту маленькую и мокрую Зинаиду Игнатъевну, эту сучащую ножками мокрицу. И тогда с доброжелательным любопытством он заглянет-таки в ее маленькие свиные глазки и с все той же тайной доброжелательностью откинёт легко на костер. О, как быстро она, Зинаида Игнатъевна, обгорает, о, как лопается, скукоживаясь, кожа ее лица...

Ы-ззззз-ззз! Это был и в самом деле звонок в дверь.

- Кто там, Анна? – спросил Алексей Федорович, быстро затыкивая окурки в железное дно пепельницы, как будто это непременно должны быть пожарные, именно они, в огромных бравурно блестящих касках, как на каких-нибудь французских иллюстрациях времен Робеспьера, пришли, как какой-нибудь сосед, которому надоела однообразная классическая музыка с верхнего этажа и который теперь звонит в ярости, чтобы ворваться и, встав в позу, устроить беспрецедентный и безапелляционный скандал с оскорблениями, с отборными и отменными ругательствами, чтобы, блядь, разрядиться, да, на хуй разрядиться, сорвать, да, ебанный в рот, сорвать наконец напряжение своей бессмысленно классической жизни, как пружина кровати срывает иногда наконец и уносит даже саму кровать.

- Кто там? – зевая, повторил Алексей Федорович.

Это и в самом деле оказался вождь. И лицо вождя было искажено гримасой.

- Как ты мог?! – закричал он с порога с брызгами слюны.

- Что я мог?

- Как ты мог так бездарно меня опорочить?!

- Опорочить? Тебя?

- Да, Алексей Федорович, меня! Вождя, блядь, революции!

Из соседней комнаты выплыла Анна. Белая рыхлая, она недоуменно посмотрела на раскрасневшегося с усами мужчину и, покачивая крупными бедрами под малиновым надорванным халатом, грузно проплыла в бельевую. Сквозь нее, сквозь Анну, словно бы глядя ей вслед, Алексей Федорович увидел ту самую девочку лет двадцати, которая так понравилась ему на собрании, как она, девочка, дышала, как она, девочка, жила, как она вся лучилась, что было даже невозможно представить ее сжимаемой в его, Алексея Федоровича, объятиях. Она была развернута, как знамя, она трепетала, как счастливый и снежный кокаин, уносящийся в тупые переулки извечного гоголевского носа, наплевать, что никто ничего не поймет, лучше умереть на веселящем революционном сквознячке, чем устремиться в бельевую темную комнату, где на дне бака покоится то самое, вечно обоссанное... Анна хлопнула дверью, уткнувшись в белье. Алексей Федорович медлил. Медлил и вождь, глубоко вглядываясь в его лицо. И, наконец, они устремились по коридорам.

Это были какие-то странные коридоры – длинные и исковерканные, по которым они иногда неслись вверх тормашками, а иногда, не двигаясь, летели, не перебирая ногами, как будто их что-то несло. Несло, то разводя, то снова сближая, и тогда они мчались бок о бок, под руку, оба в черных велюровых фраках, белых сорочках с жабо и с манжетами в виде кинжалов. И их набриолиненные виски сверкали в темноте.

Они давно уже знали друг друга, они давно уже неслись в коридорах этих длинных и узких зеркал, этих обманчивых пеналов скомпрометированного семейного счастья и отворяющего аорты бессмертия мятежа. Иногда они хохотали и тогда их злорадный хохот, словно бы след копыт, освещал коридоры, и они шевелили фалдами своих велюровых фраков. Они говорили об оскорблениях, о некой среде оскорблений, об оранжерее безнравственности, где оскорбления надменно вырастают сами собой, как капуста, длинные ряды кочанов, разворачивающихся насмешливыми листьями. Они говорили о кельтском короле Бране, чья голова была когда-то зарыта в Лондоне, чтобы уберечь остров от нападений, говорили о чаше Грааля, о забывании и об обновлении, о тайно распаханной Зде... Они фехтовали блистательными молчаниями, парируя изпод манжетов свои артистичные па, и наконец, мало помалу, находя драгоценное равновесие, они все же условились.

Лунный свет щедро полил зеркала коридоров, растворяя следы пребывания этих двоих. Лунный свет заглянул в самые что ни на есть маленькие и малюсенькие щели, тщательно заливая их желтизной, чтобы желтизна нигде не смогла просочиться обратно. Загримированная тишина загремела цепями. Последнее «да» Алексея Федоровича защелкнулось, как поворот ключа... И, как предвестник, из бельевой темной комнаты траурно выплыла Анна.

- Кто это был? – спросила она, зевая.

- Да так, никто, - повернулся Алексей Федорович спиной.

Через час они стали ужинать - медленно и тщательно пережевывали пищу, отправляя ее в тела.

Ровно в десять Алексей Федорович из-за стола встал и скоропостижно стал одевать ботинки.

- Куда ты? – спросила, сонно отрывая, Анна.

- Пройтись, сестра моя.

- А почему сестра?

Черная улица встретила его синей лаской. Словно бы снова ненадолго вернулось лето и ненадолго вернулась таинственность, когда все еще в первый раз и нескладный порыв еще не завершён финалом, который всегда возвращает назад в своей заботливо отрицательной попытке. Так думал Алексей Федорович, пробираясь через деревья, перешагивая через исполинские стволы и отводя их мелкие ветви от своего лица, пока осторожно не вышел на гравий, хрустящий, как ночью на пляже, когда огромные, едва светящиеся волны, глубоко вздыхая, гулко обрушиваются и откатываются назад, сотрясая в темноте одинокий безвинный берег. Огромный, выше домов, которые были ему теперь лишь по колено, Алексей Федорович брел по дорожке, романтически улыбаясь:

«Теперь мне даже не надо спускаться в метро».

Да, отныне этот вход не вместит даже его огромную жизнетворную ногу. Молодость, смеясь, на огромной скорости обжигала ему лицо. И девчонка, с предвкушаемым страхом первого поцелуя высывая из-за куста листьев свою безалаберную руку, шаловливо трепала копну его потрескивающих искрами волос. Алексей Федорович ощутил в себе силу белого корня, таящегося в темноте.

«Черт с ним, что его может съесть и свинья», - задорно подумал он, перешагивая через сруб казино и выходя на широко освещенный в разливе проспект.

Никто не узнал его и, несмотря на свою огромность, он по-прежнему продвигался инкогнито. Неузанный характер, несмотря на всю свою прямизну, он все еще никак не мог быть разоблаченным, он все еще, несмотря на малую форму, не мог быть выдавленным из своей двусмысленной кожуры.

Так он и спустился в глубокий колодец, где переделся, осторожно накладывая себе на лицо грим и подправляя брови черным, артистично-скрипичным карандашом. В глубине колодца, обвитого коричнево-чешуйчатым кабелем, в переданной ему вождем одежде он обрел свою тайну первого раза. Внизу, под его свежими сапогами герцога лежала та самая сонно запекаясь жижа, изгнанная из низких, многоэтажных домов через специальные изогнутые колена. Но это было уже не важно, жижа была уже не важна. Выпустив из рук своих свою прежнюю жизнь, Алексей Федорович смотрел, как она, разворачиваясь, уплывает в тоннель, как тонет в говне его кофта, как набухает и надувается пузырем пиджак, и только лишь ботинки, как две одинокие чистые лодочки, уплывают вдаль этой дантовой трубы, зеленоющей дыханием людских испражнений.

Из колодца Алексей Федорович поднялся по ступеням сверкающей лестницы. Чистая и безупречная роба теперь выдавала в нем молодца. Вождь сооб-

щил ему тайное имя, чтобы он смог войти в тайное сообщество безнаказанно.

Революционеры вечеряли за огромным столом. Они разделили свою смерть на вчера, сегодня и завтра, и радовались жизни сейчас. Революционный веселый пир восставал из мрака обыденности. Революционная оргия сплетала обнаженные в своей радости тела. Они пили за светлое братство, преломляющее в свете любви своей утопический идеал. Они пили за невозможное, за предвечный конец Кали-Юги, и свои наслаждения, щедро разбрасывая эрос смертельных ласк, посвящали грядущему времени. А длящуюся без конца современность просто намазывали на бутерброды и выбрасывали в широко освещенное окно на головы черных в черных масках агентов, терпеливо караулящих их деяние в недеянии. Но в глубине своей светлой бутербродной игры, революционеры все же оставались трагичны, ибо были воинами и знали, что любая война начинается, лишь когда нереальное становится реальным. И их вождь пытался мучительно угадать. Долгими ночами в полете над яствами, над брошенными тортами, над ненасилием ненависти вождь пытался найти эту реальность и угадать.

И однажды все наконец сошлось и все наконец встало, как в гороскопе, когда звезды танцуют назад, танцую вперед, и в мимолетном выстраивании освобождают возможность, которая лишь кажется невозможностью.

«Лишь если, лишь если...» - вождь повторял, мучительно глядя на дверь.

Вождь был готов и он ждал, сжимая в объятиях четыреста ланей. Четыреста тысяч изумрудных коней были готовы сорваться с алмазных скрижалей. Четыреста миллионов темного человеческого вещества готово было зашевелиться в ночи и, смахивая со своих потолков засиженные черные люстры, было готово взглянуть туда, где должно было восстать новое солнце... Но было уже без двадцати, а Алексей Федорович все не шел и не шел. И революция никак не могла сдвинуться на циферблате вождя.

«Напрасно, - думал он. - Нет, не угадал».

Но без пятнадцати вдруг заскрипели ступени, что были чуть ниже порога земли.

Толстогубый и толстозадый мальчик медленно отворил дверь, узнавая и не узнавая, толстогубый и толстозадый мальчик склонился перед паролем, пропуская туда, где Алексей Федорович мог обождать и где перламутровые часы на стене показывали без пятнадцати.

Через щель в портьере его разглядывали глаза вождя. Взгляд был задумчив, как последнее из утр Кали-Юги.

Это долгое звездное утро готовилось длинными ночами нежных ножей. Это утро подозревало жадностью нетленных соитий. И напрасно некоторые из тайно не верящих мальчиков тайно целовали вождя за его нереальность.

Было уже без пяти. Алексей Федорович нервно искусывал губу. Сердце его дрожало, и в дрожи своей все же выдрагивалось в сталь.

Первой вошла девочка. Щурясь от света, она оглядела открывшуюся из-под робы наготу, сделала па и припала. И тогда из углов выступили революционные тени с бичами, обрядившиеся в игру во имя истинной смерти. В их веселости была скрыта тайная скорбь. И они замерли в вечности последнего и единственного мгновения, как актеры рушащегося театра, когда осколки лопающихся прожекторов взрезают вены остающихся играть на сцене и бутафорный град нарисованного вулкана сливается с рушащимися обломками бетонных балок, и в темноте предутреннего, все еще освещенного люстрами города, бетонная черная пыль восстает на месте бутафорного здания театра, обнажая непоколебимую и сияющую, и восстающую из пепла звезду.

Ровно в три вождь вышел из-за портьеры. Алексей Федорович настиг его взгляд. Мускулистый обнаженный кентавр гарцевал, откидывая породистую гриву.

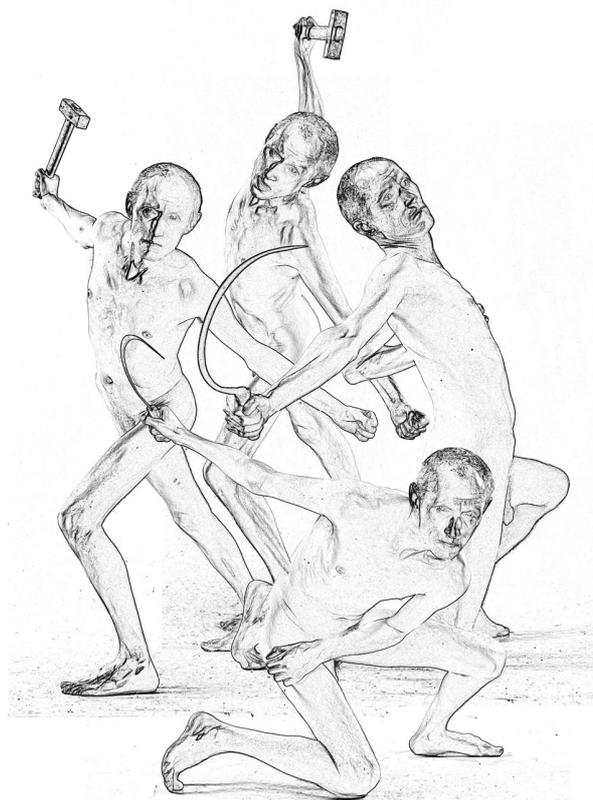
«Ты ли?» - усомнился было Алексей Федорович красоте вождя.

«Ты ли?» - прочел он свое отражение в его любящих глазах.

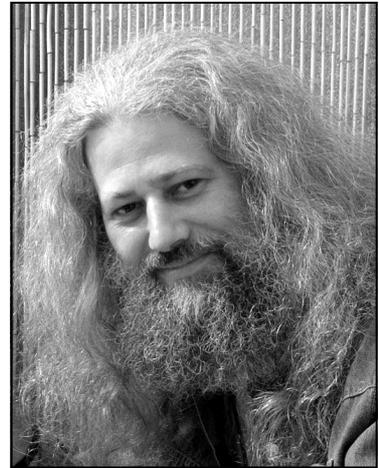
«Ради тебя».

«Ради конца Кали-Юги».

Нож вошел глубоко. Собранный из наготы, сотканный из пустоты сияющих взглядов, из алмазных подвесок Миледи, подаренных девочке... вскрикнула Анна, на часах поскользнулся черный агент и – всколыхнулись темные массы, называя имя новой звезды. Отрезанная голова вождя покатила на мраморный пол, и уже свистели бичи, забивая подосланного убийцу.

Дмитрий Гайдук

Писатель и самоубийство

Иллюстрации Григория Ющенко
Компьютерная обработка Глеба Коломийца

Приходит к писателю самоубийство и говорит: давай уьемся! А писатель как закричит: ура! вот это идея! - и сразу прыг в окошко, с девятого этажа, и головой об асфальт - и сразу убился. Вот такой вот, блин, писатель.

Тогда приходит самоубийство к другому писателю и говорит: давай уьемся? А тот писатель говорит: подожди, сейчас вот строчку допишу, и сразу уьемся. Берет, значит, дописывает строчку, потом вынимает пистолет - и как выстрелит себе в голову. И сразу убился, и стал после этого очень знаменитым и полезным.

Тогда приходит самоубийство к еще другому писателю и говорит: давай уьемся. А тот писатель сразу задумался: оно, конечно, в этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно... -- короче, вы меня понимаете. Убился и этот писатель, причем не в хорошем смысле, а вполне реально, значит, убился. Насмерть.

А тогда самоубийство приходит к вообще другому писателю и говорит: давай уьемся. А вообще другой писатель говорит: нет, не надо убиваться, давай лучше просто покурим. А самоубийство говорит: просто не получится. У меня сегодня такая тема, что по одной хапке - и сразу уьемся. А писатель говорит: ну, если такая тема - значит, это судьба. Убей меня, самоубийство!

И с этими словами выключает компьютер и налаживает бурбулятор. А самоубийство достает свою тему, и вот они по разу хапнули, а писатель говорит: давай еще по разу. Не распробовал я что-то. А самоубийство говорит: да ты, брат, наглухо убит! Просто ты еще не понял, подожди немного. А писатель говорит: ладно, давай подождем.

И вот они сидят, прихода ждут - или не ждут, а просто так втыкают молча, типа музыку слушают, или я не знаю. А музыка, между прочим, реально отстойная - Кристина Орбакайте из радиоприемника; но сегодня она совсем даже не попсовая, а глубокая,

мягкая, свежая, добрая, бодрая и реально за пределами. Вот так вот, значит, тётя Крыся сегодня круто выступает. По радио. Но вот она, значит, выступила, потом реклама пошла, и тут писатель самоубийству говорит: а знаешь, что? Самоубийство говорит: не вопрос. И насыпает еще один колпачок.

А реклама, между тем, всё свирепеет, и что-то в ней такое слышится, что ни в сказке, ни в стихах, ни пером, ни топором, ни вообще! Писатель хапнул и говорит: вот это, бля, реклама! Гыыы! А самоубийство тоже хапнуло, за компанию, и тоже попыталось в рекламу врубиться, но всё-таки, не каждому это дано, в рекламу врубаться: там иногда такие темы всплывают, вроде и простые совсем, а вот поди ж ты! Как-то всё оно по-хитрому, много слов и все смешные, но если вдуматься, то всё там очень небуквально, девяносто тайных смыслов, и все для нас обидные. Короче, блин, писатель - ты, это... Ты бы выключил радио да включил бы что-то более позитивное, а то аж попускает от такой рекламы!

А писатель говорит: это не реклама. Это уже новости. Но, в общем, не важно. Мы сейчас еще покурим и поищем правильную кассету. Вот ты, самоубийство, чего бы ты хотело бы послушать? И от этого вопроса самоубийство впадает в реальный коматоз, потому что таким вопросом - ну, в общем, вопрос реально некорректный, когда у тебя в голове две тыщи разноцветных букв, и надо из них какое-то название составить, а они, блин, больше двух не собираются, хихикают и разлетаются по темным закоулкам.

Тем временем писатель насыпает еще один колпачок, а по радио снова какая-то музыка, и очень в тему, что-то про маленьких девочек, такое душевное, что хочется плакать навзрыд. И вот самоубийство со слезами на глазах хапает из бульбика, оседает на стул и дальше уже как сквозь вату. То есть, пол вертится, потолок вертится, стены местами меляются, и откуда-то издали доносится одинокий го-

лос писателя: Хорошо сидим! Только вот еще не курили...

Самоубийство говорит: куда тебе уже курить? Ты и так уже в хлам! А писатель отвечает: нет! я адекватен! Тогда самоубийство задает ему проверочный вопрос: сколько будет семью восемь? А писатель спрашивает: а тебе-то зачем? Самоубийство говорит: а затем! Для проверки адекватности, короче. А писатель говорит, ну если для проверки - тогда срок восемь. И самоубийство внутренне с этим соглашается, хотя где-то как-то понимает, что писатель его обманул, но никак не может понять, где и как. Ну, то есть, ответ вроде правильный - но писатель при этом явно неадекватный, и надо ему доказать.

Тогда самоубийство спрашивает: а вот, например... Кто написал?... --- войну и мир! А писатель без запинки отвечает: Анна Каренина. Самоубийство говорит: ну, нет! Войну и мир ведь этот написал - этот - ну, в общем, мужик с бородой. А писатель говорит: мужик с бородой - это я. Во, смотри, бородаща какая! И сразу бороду свою взъерошил, и стал похож на Бармалея какого-то. И вся тема от этого необратимо запуталась, трудно как-то до кучи связать Анну Каренину и Бармалея. Хотя, с другой стороны, неадекватность явная.

И вот самоубийство задает ему третий вопрос, самый трудный и провокационный: Слы, мужик с бородой, а ты вообще чего написал? Писатель же без

тени смущения ему отвечает: а ты не знаешь? Самоубийство говорит: не знаю. А писатель: ну, а я, что ли, знаю? Я, вообще, не потому писатель. Я по жизни писатель. Но я, кстати, до фигищи всего понаписывал. Сегодня, например, такую шнягу написал, называется: Писатель и Самоубийство. Короче, это как приходит к писателю самоубийство и говорит: давай уьемся. А писатель говорит...

Тут самоубийство как закричит: и неправда! Это не ты написал, это на самом деле было! А писатель говорит: так, на самом-то деле, всё на самом деле было. И есть, и будем, я надеюсь. Или, ты думаешь, уже не будем?

Самоубийство сразу понимает, к чему он клонит. И говорит: нет. Сегодня точно уже не буду. Убил ты меня, писатель. И с этими словами сползает на коврик и - ну, вот это, знаете, когда всё слышишь и всё понимаешь, но говорить и двигаться уже не можешь? РубаньО, короче. А писатель делает себе еще один колпачок, лихо раскуривает, а потом разбирает бульбик, включает компьютер и садится записывать вот эту вот телегу. О том, как один писатель самоубийство победил. Потому что правильный писатель, он же ж завсегда самоубийство победит. Была бы идеология позитивная. А можно даже и без идеологии, но это уже труднее.

Про одинаковых людей

В общем, едет в троллейбусе молодой растаман Костя. Такой вот весь из себя: дреды пятидюймовые, беретка цвета светофора, на майке конопляный лист, штаны в три раза шире жопы и кроссовки как утюги, с широченными флюрными шнурками салатного цвета. И едет он как-то очень сосредоточенно, лицо без никакого выражения, все глаза в окно, типа зашифровался.

А за окном проплывает смутный вечерний пейзаж, какой-то совсем неконкретный, и в душе растамана Кости начинаются всякие нехорошие сомнения. Иногда он думает, что сел не на тот троллейбус и едет вообще непонятно куда; а потом вдруг становится понятно, что всё правильно; а потом вдруг хоп! и опять непонятно. И он уже думает, что надо у пассажиров спросить, какой это номер троллейбуса; а потом вдруг думает, что нельзя у пассажиров спрашивать, они же сразу выкупят, какой он накуранный; а потом он вдруг понимает, как надо действовать. То есть, это надо на остановке выскочить из троллейбуса, быстренько посмотреть номер и заскочить обратно. И вот он на остановке быстренько выскакивает из троллейбуса, смотрит номер, заскакивает обратно, садится на место и по ходу понимает, что номер он не то что не запомнил, а даже толком не рассмотрел. И всё равно непонятно, что это за троллейбус и куда он едет.

Выскакивает он, значит, на следующей остановке, смотрит номер, повторяет про себя, бежит обратно к дверям, спотыкается, забывает номер, бежит обратно на него смотреть и видит, как этот номер от него уезжает. Вме-

сте с троллейбусом. То ли водила запарился ждать, то ли просто растаманов не любит, но вот взял и уехал. А время позднее, почти полдвенадцатого.

И вот стоит Костя на остановке, смотрит по сторонам и вдруг понимает, что не напрасно он тут вышел. Он же именно здесь и должен был выйти! Это же его родная остановка, по всем приметам она! Слава Джа! – думает Костя. – Вот я и дома...

Идёт он домой, а всё вокруг опять какое-то слегка не такое. Но Костя уже на измену не падает, потому что по хорошей траве всегда всё немножко не такое, это нормально. И он звонит в свою дверь, и открывает ему папа, тоже немножко не такой. А в комнате сидит мама, телевизор смотрит, и она тоже немножко не такая. Они сегодня оба тоже хорошо покурили, но сыну ничего не говорят, шифруются они от него. Они только говорят, что ужин в холодильнике, а сами от телевизора оторваться не могут, офигеть какой телевизор!

И вот растаман плотно поужинал, заполз в свою комнату, упал и обрубился. И снится ему разноцветная хрень, и он ей во сне улыбается и не знает он, что где-то рядом с ним, буквально на следующей остановке, живёт очень похожий растаман, и зовут его тоже Костя, и лет ему тоже восемнадцать с половиной, и дрэды у него тоже десять сантиметров, и на майке у него такой же семиллистник, и на кроссовках у него такие же широкие шнурки салатные и светятся в ультрафиолете. То есть, чуваки настолько одинаковые, что если бы их рядом поставить, родная мама бы не отличила!

А это всё к чему? А это всё к тому что растаман Костя на самом деле вышел не на своей остановке и пришёл совсем не к себе домой, а к родителям того другого растамана Кости. И он что-то такое краем глаза заметил, но он подумал, что это его плющит в эту сторону, и не повёлся. И вот он спит себе спокойно, а в это время его родные родители – которые, кстати, ни фига не курили и вообще не курят, суровые такие мама папа, с хмурыми озабоченными лицами обсуждают проблемы семейной педагогики. Потому что уже двенадцать часов ночи, а сына всё нет, и по телефону не отзывается, и это уже не первый раз, и надо принимать какие-то меры.

Лучше бы они курили, ей-Богу! Вон, у другого Кости родители курят, и всё у них хорошо, и сын к ним вовремя приходит, и в двенадцать часов они уже спят. А в час ночи приходит ещё один Костя и сразу видит на вешалке свою растаманскую шапку. А под вешалкой свои кроссовки с флюорными шнурками. А на стуле лежит его майка с семиллистником, а в кровати лежит как бы он сам, но он ведь сам на самом деле не лежит и ему непонятно. Шума он поднимать не хочет, чтобы родители не выпалили, какой он накуранный. И вот он тихонько выходит на подъезд и обдумывает сложившуюся ситуацию.

А подъезд недавно покрашен, ещё не разрисован и на десять тысяч других подъездов один в один. То есть, чтобы понять, твой ли это подъезд, надо выйти на улицу и посмотреть номер дома. А на улице темно, а номер дома краской написан, и сколько ни прыгай с зажигалкой, всё равно его не разглядишь. То есть, выход только один: вернуться к остановке и внимательно пройти весь путь по-новой, чтобы попасть уже точно к себе домой, – думает другой Костя, медленно двигаясь к остановке.

А в это время родители того Кости, который сейчас дрыхнет у другого Кости, уже парятся не по-детски. У сына мобила не отвечает, и они начинают звонить его друзьям.

И в первую очередь Гене Коренному, который типа друг детства и должен знать.

И не знают они, что Гена Коренной – это на самом деле знаменитый Гена Психоделик, главный районный шульгиновед и шульгиноед. В тот вечер он как раз захавал марку со штурвалом, минут сорок уже прошло, и она вроде бы начинает приходить, но как-то неконкретно. То есть, освещение однозначно ярче стало, и стены уже колыхнутся слегонца, но если зрение сфокусировать, то стены снова разглаживаются, и свет как обычно, и в голове нормально. А если зрение снова расфокусировать, то опять всё как будто бы приходит и светится. И на этом месте вдруг звонит телефон, и начинается другая тема.

То есть, это взрослая тётка. Она вообще не представляется, а спрашивает: Гена, Костя у тебя?

Но Гену не прёт говорить про Костю. Гена только что понял гораздо более глобальную вещь: о том, что у кошки не только снаружи усы. У неё ещё и внутри усы, и вообще она вся из усов, и вся вселенная тоже состоит из усов, а вернее, из голографических суперструн, об этом, кажется, кто-то уже писал, наворотил каких-то стрёмных терминов, а на фига? На фига здесь термины, это же видно вооружённым взглядом! Вся эта усатая структура открывается и развёртывается в мельчайших подробностях, видно каждый отдельный усик и понятно, зачем он здесь и какое ему расти и шевелиться в этом мире. Вот такая значит тема, и он её сплошным потоком излагает прямо в телефонную трубку какой-то незнакомой тётке. И по ходу постепенно понимает, что это за тётка, и что это за Костя, и какую херню он только что сотворил.

То есть, Гена понимает, что сейчас к нему заявятся родители растамана Кости, и это будет такой мощный бэд, какого не было со времён ленинградского пи-си-пи! И надо сейчас скипать с квартиры срочно, и кошку с собой забрать, потому что кошка тоже децыл марку хавала и на фига ей этот бэд. И Гена ловит кошку, сажает её в сумку, обувается-одевается и быстрым шагом ломится куда подальше от дома.

Где-то уже непонятно где Гену пробивает, что кошке надо бы всё объяснить, чтобы она не стремалась. Садится на лавку, раскрывает сумку – а сумка уже раскрыта и кошки в ней нету! Вот это попадос... Он тогда начинает её кругом искать, кыс-кыс, кыс-кыс, и вдруг слышит откуда-то из кустов жалобное мяу. Мяу, мяу, а из кустов не выходит. И вот он лезет за ней сквозь какие-то заросли, достаёт её оттуда, всё ей объясняет, прячет её в сумку и выходит на дорогу. И видит, что навстречу ему плывёт тот самый растаман Костя, из-за которого весь этот бэд.

Гена говорит: Костик, ты что тут делаешь? Тебя же родители по всему району ищут! А Костик ему говорит: ну, да. Я Костя. А ТЫ КТО ТАКОЙ?

Ничего себе вопрос! В кислоте на такие вопросы отвечать – ну, в общем, можно такое ответить, что и сам потом три года не поймёшь. Но Гена психонавт матерый, хоть и молодой. И отвечает он просто и понятно: на мне сейчас шузы Гены Психоделика, штаны Гены Психоделика, майка Гены Психоделика и мобила Гены Психоделика. Значит я и есть Гена Психоделик, сомневаться не приходится. А ты Костя-растаман, мы с тобой в одной школе учились, в моей мобиле твой номер записан и я сейчас тебе позвоню.

И в самом деле достаёт мобилу и звонит. У Кости-растамана никакого звонка не слышно; но в это время Костя-растаман снимает трубку и говорит: Гена, ты что, офигел, в два часа ночи звонить?

Гена смотрит на одного Костю, слушает другого Костю и чувствует, что его разрывает на две головы, в одну голову это никак не вмещается. И он хватается за голову, садится на дорожку и отдаёт свою трубку одному Косте-растаману, чтобы тот поговорил с другим Костей-растаманом и замкнул наконец этот разболтавшийся контур реальности. А Костя-растаман говорит Косте-растаману: это друг твой тебе только что звонил? Костя отвечает: да, а что? Тогда тот Костя говорит: спасать надо человека, он тут совсем потерялся. А другой Костя спрашивает: а вы где? А тот Костя отвечает: на Ленинском в сквере напротив Электроники. А Костя-который-дома говорит: ну, нормально, я тут рядом, сейчас подойду. А Костя-который-не-дома, спрашивает: а как я тебя узнаю? А Костя-который-дома: ну, это... Меня ни с кем не перепутаешь. На мне будет майка с конопляным листом, красно-жёлто-зелёная шапка и кроссовки со светящимися шнурками. И в этот момент растаман Костя, который в сквере напротив Электроники, начинает что-то такое смутное догонять. И спрашивает Костю, который дома: а шнурки салатовые, да? А тот Костя ему говорит: ну да, салатовые. И слышит в ответ: так это ты, бамбаклаат, сейчас у меня дома спишь!

Костя ему отвечает: сам ты бамбаклаат, я у себя дома сплю. А тот Костя ему отвечает: если ты у себя дома, тогда позвони себе на домашний.

Костя-который-дома ничего не понимает, но на всякий случай звонит себе на домашний. Длинные гудки, а звонок не слышно. Тогда он встаёт и идёт проверить, не случилось ли чего с телефоном. А с телефоном явно что-то не то: раньше он был кнопочный, а теперь дисковый! И всё остальное, если присмотреться...

И вот Костя звонит Гене на мобильный и спрашивает: а где тот чувак, с которым я только что говорил? А Гена Психоделик отвечает: Костя, друг, я сегодня вообще ничего не понимаю. Он только что с твоими родаками домой пошёл.

Тогда Костя говорит: Гена, ты вообще в порядке? Гена отвечает: почти в порядке, не парься. До дома доберусь. А ты беги спасай того пацана, потому что они в натуре бешеные, они его душу съедят и никто не узнает. Ну, то есть, на самом деле, там всё было не настолько мрачно, но тоже непросто. На самом деле там налетели разъярённые родители, ухватили растамана за обе руки и поволокли домой. А он упирается и кричит: уберите руки, я не ваш сын! а они ему: вот мы тебе сейчас покажем, чей ты сын! и оба такие красные, что даже в темноте видно. И вот они затаскивают растамана на свой этаж, а дверь не открывается! Тут папа начинает ковыряться в замке, мама ему что-то умное советует, папа ей что-то резкое отвечает, она в долгу не остаётся, он предлагает ей заткнуться, она не затыкается, он свирепеет и начинается у них такое общение, что всё остальное на минуточку уже теряет всякий смысл.

А в это время растаман Костя бежит спасать другого растамана Костю, которого уволокли его безумные родители, и прибегает к себе домой, а там никого нету! То есть, даже родителей, вообще никого нету! Звонит он Гене Психоделику, а Гена ничего объяснить не может: он уже у себя дома, и снова радостно-неадекватен, несёт какой-то бред про кошек, а по теме ничего не говорит. Ладно, думает растаман Костя, завтра проснёмся и во всём разберёмся. И через пятнадцать минут уже крепко спит.

А другой растаман Костя к этому времени тоже домой

вернулся. Он, когда родители скандалом увлеклись, потихоньку бочком-бочком вниз по лестнице и бегом из подъезда! И надо сказать, очень своевременно. Потому что минуты через две к подъезду подъехал ментовский патруль и повязал обоих скандалистов. И уже в ментовке им объяснили, что это совсем не ихний дом и не ихняя квартира; а ломились они среди ночи в квартиру вообще чужой какой-то левой бабушки, которая, ясен пень, перепугалась и вызвала ментов. Родители в шоке, впервые в жизни переночевали в обезьяннике. Выпустили их только под утро, а сын уже дома спит и они уже его не будили и вообще ничего ему не сказали. Сами хороши.

А Гена Психоделик в тот вечер посидел немного на дорожке, собрал себя в кучу и побрёл домой. Приходит, кошку выпускает. Она сразу пошла хату обнюхивать, и вдруг на неё из-под дивана: шшшшш! А там сидит на самом деле кошка Гены Психоделика, которая из сумки выпрыгнула ещё в квартире и от глюков под диван запряталась! Потом они, конечно, подружились, и стало у Гены Психоделика две одинаковых кошки. По ходу, правда, выяснилось, что новая кошка мужского пола, или это старая была мужского пола, а новая, наоборот, женского пола – короче, не совсем понятно, что там сначала было, а что потом пришло. Но, в общем, оказались кошки разнополые и способные к разным весёлым и продуктивным взаимодействиям.

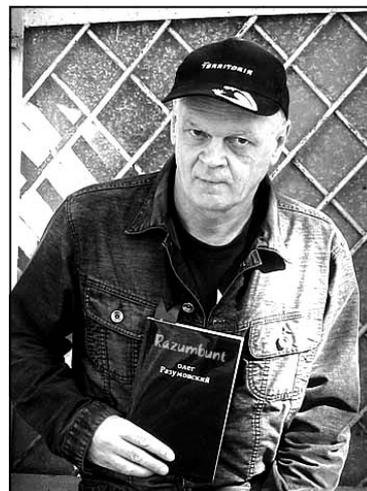
Вот. А растаманы Кости с тех пор уже знали, что их двое, и всё собирались друг друга найти, да так и не собрались. Познакомились они аж через год в Лисьей бухте, как это, в принципе, очень часто бывает.

ОЛЕГ

РАЗУМОВСКИЙ

Веселая компания

Утром просыпаюсь с мыслью, что денег опять ноль, а выпить как-то надо обязательно и очень срочно. Встаю, умываюсь, одеваюсь, слава Аллаху, не надо, потому что завалился вчера в одежде как пришёл вечером непомню воскока, и выхожу на улицу. Мороз крепчает, а у меня, как закон подлости, молния порвалась на штанах. Всю дорогу расстегивается. Пока дошёл до "Зори" или того что от неё осталось, чуть яйца не отморозил. В кафе нихуя никого нет: все ещё не проснулись, наверное. Что делать. Еле-еле наскрёб на маленький стакан пива. Пытался разговорить и развести барменшу насчёт кризиса, но та не повелась, пизда тёртая. Говорит: да у нас эти кризисы всю жизнь, мы привычные. Что-то типа такого она мне пизданула. Тогда я её прошу, хоть сам понимаю, что бесполезная, налить стакан в долг. Она ни вакуню. Чтоты, говорит, я однажды одному дала в долг до сих пор несёт.

У этой дуры, кстати, которая за стойкой было два мужа и оба умерли от водки. Причём первый ласты склеил, потому что она не дала ему похмелиться, а второй - крикнул, потому что дала. Сама тут по пьяни как-то раз рассказывала. Да, не судьба, размышлял я, глядя в окно на совершенно пустой, как вымерший, город. Уже третий или четвёртый день, я уж со счёта сбился, народ гуляет. Наверное, подустал малость. Ничего, скоро начнут выползать. Город-то тесный, кого-то точно встречу. Как-то летом я вот тоже вышел в центр без копейки денег и хуёво мне было нетто слово. Подыхал короче. И никого, блять, как закон подлости. Тёрся возле "центрашки", думал кто-то всё ж появится, но ни одного знакомого, хоть умри. Так стою, только сигареты, как идиот, стреляю у прохожих. Некоторые дают всё ж, не все ещё окончательно скурвились и ожабели. И тут злость меня взяла на весь ёбанный белый свет. Думаю: нихуя не уйду отсюда, пока кто-то не подайдёт с баблом и не бухнёт меня по-человечьи. Четыре часа ждал, поцаны, и всё-таки пришёл ближе к вечеру один малознакомый хлопец при башлях. Зато как он меня похмелял... это сказка. Мы классно по-

сидели с ним в той ещё культовой "зорьке", нажрались само собой и сняли клеевых тёлков. Поехали к нему на хату и там оттопырились по всей программе.

Да и вчера, вроде, неплохо масть пошла. Поначалу обычно, как закон подлости, полный голяк. Бежали с Лёнкой, терским казаком с Фурманова, по всему центру, как конченные идиоты. Нихуя никого нет. Да рано ещё было, все спали пока. Одного Вакуню, наконец, встрели на Маяковке с фингалом. Ему вчера в Бистро кто-то нарезал. Он, Вакуня, чел бесбашенный и пьяный вабще ничего не соображает. За языком не следит. Гонит своё-чужое и порой нарывается. Ему вабще не везёт иногда по жизни. То на гопстоп нарвётся, то просто так не за хуй получит пиздюлей и ходит на новый год весь красивый.

Вакуня нас хмельнул зачутко, только у него денег не особо и настроение не очень, хоть он фингалы и кремом намазал. Одно его радовало, когда выпили по сотке в той же задроченной "зорьке", что украине, наконец, отключили газ. Это и других мужиков как-то бодрило, когда мы с Терским каких-то знакомых встрели у пивняка, что возле кафе "пионерское" рядом с кинотеатром Октябрь. Мороз крепчает, пиво холодное, у меня ещё эта ширинка не застёгивается нихуя, продрог немного, но базар за то, что украину отключили от газа и хохлы там мёрзнут, как цуцики, конечно, бодрил и ниibaцца согревал. А тут кто-то из знакомых харь притащил баклажку нашего рабочего-крестьянского портвешка за двадцать девять рублей. Настроение ещё больше поднялось. Ёбнули мы с Лёней Терским по стакану тоже, братва ж она всегда поделится пойлом и не даст своим умереть от жажды. Выпили, говорю, только это ж капля в море и слону дробинка.

Постепенно мужики, которые нас хмельнули, рассасались, и мы опять с Терским вдвоём остались. Нарезали ещё пару кружков по центру - опять поражняк полный. Что ж делать? Уже отходняк опять начинается. Нырнули в закусочную на Тухачевке, куда я вабще-то остерегаюсь заглядывать, потому

что должен там рублей пятьсот. Но состояние было такое, что поебать на всё. Да и там никого, кроме каких-то упырей, которые угрюмо хуярют свои сопки в одно жало и из-под лобья на тебя зырят. Короче, палево, облом и измена.

И вот идём мы с Терским уже такие понурые и склонные к пессимизму, хотя по натуре оптимисты оба, у меня ещё ширинка эта заебался уже застёгивать, и вдруг я вижу возле кафе на Докучаева знакомую башку жёлтого цвета. Никто иной там как Клюгер рисуется, а рядом, как обычно, Борян, Влад и ещё кто-то из знакомых харь. Чувствую я, что теплет, вроде, хотя на улице мороз уже под сорок градусов. Подходим с Терским, поздравляем братву с праздничком и интересуемся сразу, как у них насчёт вмазать. А они без разговоров на вход показывают, типа заходите, присаживайтесь. Ну, мы сразу в тепло нырнули - там, бля, стол накрыт и ломится от водки и закуси. Я сразу ёбнул фужер водяры и с большим удовольствием заторнул солянкой из Владовой тарелки. Чуть её полную не съел так на жратву пропёрло, потому что бухал-то уже семь суток, а ел очень мало. Да ещё давно уже мечтал соляночки поесть.

Ну, и пошла масть короче. Оказывается Влад банкует. Он типо хату продал и типа её резко пропивает. Бывает. Влад он чел бесбашенный. Закончил иняз, но по профессии ни дня не работал, забухал сразу после госов и бухает до сих пор день в день. В Париже побывал, только там ничего не помнит, так как нажрался в первый же день приезда, а потом бегал по городу и кричал: едут-едут по Берлину наши казаки.

Сидели мы в этом кафе на докучаевке довольно плотно. Если бутылки на столе кончались, Влад резко давал денег - типо, да наты! - и кто-то сидящий с краю шёл к стойке за пойлом. И как хорошо было посидеть в такой тёплой компании. Такое ведь теперь не часто бывает. Больше по праздникам. Базарили хуй знает о чём, как обычно, но разговор был приятный и все ж свои кругом, одна шобла. Нет, заебись, комраты, вот так хоть на Новый год посидеть со своими пацанами.

Потом постепенно пацаны отъезжать стали. Сначала Клюгер едваживучий стал себе такси вызывать, ему ж далеко на Лавочкина переться надо и никак не мог вызвать тачку, так пешком и поканал на автопилоте. Хорошо если не заснёт по дороге, а то он любитель где-то на природе, типа Блони, прилечь. Замерзнет ведь в такой мороз, хлопчик. Тут Влад начал блевать прямо на стол. Борян тот вообще заснул и не реагировал на удары в плёчо и даже по тупой башке. Он не плохой пацан, но довольно смурной и быстро отъезжает. Другие тоже чего-то приуныли, только мы с Терским держались до поры. Лёня всё ж не выдержал в оконцовке, нервы то не железные на лохов кругом смотреть и слушать их левую пиздешь. Задрался с кем-то из посторонних, а я чувствую, что меня накрывает капительно и пошёл до дома. Благо живу-то рядом.

Нехуёво, кароче, вчера погуляли, а вот сегодня мне не везёт что-то. Не пруха однозначно. Да рано ещё не вечер, все мужики пока бухие спят. Праздник

же продолжается. Надо надеяться на лучшее всегда. А вабще не мешает пойти прогуляться по разным нашим точкам. Мало их в центре осталось, но есть ещё несколько. Так я рассуждал, сам себя утешая, и тут вдруг в кафе резко входит Наташа Смерть. Готичная такая, как обычно, но совершенно на удивление трезвая. Летит ко мне, садится и, не здороваясь, спрашивает: есть у тебя что-нибудь? Пока нет, отвечаю. - А будет? - она домогается.

- Щас кто-нибудь придёт, Вакуня, например. Не ссы, Наташка, похмелимся.

У Смерти, вроде, надежда в глазах появилась, однако тотчас угасла.

- Я тебя расстроить хочу, - говорит и грустно так на меня смотрит.

- Ну, попробуй, - отвечаю, - может, мне полегчает.

- Ты Грека помнишь? Ну, парень у меня был двадцатипятилетний, у тебя ещё как-то зависали с ним?

- Когда ты ногу что ль у меня сломала?

- Ну, конечно. - И Смерть улыбнулась даже, но тотчас нахмурилась.

- Грек-то повесился.

- С какого перепуга?

- Да он пил где-то в компании и случайно пацана какого-то убил. А в зону больше не захотел, у него итак четыре ходки было. Повесился на велосипедной цепи.

- Изуверец, - заметил я и посмотрел в окно. Нет, надо валить отсюда. Под лежащий камень вино не капает. Надо пройтись по заведениям. Может, кто и ожил уже.

- Если сейчас срочно не выпью, - шепчет мне Смерть, - разхуярю нахуй эту ёбаную "зорьку". Уже Грека помянуть не дают, скоты.

Тут я решил точно менять диспозицию и покинул Смерть.

Я СЪЕМ ВАШИ ЯЙЦА!

ВХОДИТЕ—ВЫЙДЕТЕ И ВСТЕПЕТЕ—
ЗА СТОЛОН СЪЕДИТЕ НАКРЫТЫЕ
СЪЕДИТЕ ЗАКРЫТО ЗАКРЫТО ЗАКРЫТО
УВАЖАЮТ С АШКЕТОМ!

masson.livejournal.com

ЭДУАРД КУЛЁМИН

Образцовый кусок

Иллюстрации автора

*«Бабушка, ты охраняешь мое поле.
Ты стережешь мой посев. Зорко смотри за теми,
которые приходят в поле. Если они придут,
свяжи их этой веревкой, свяжи их
этим шнурком и не пускай их.»*

(древнее заклинание)

С подушки я собрал четыре ее волосика. Судя по размеру и окрасу, это были именно ее волосики. Довольно жесткие, с подпалинкой. На полу их оказалось гораздо больше. Я выбрал наиболее характерные, сложил их аккуратненько один к одному и поместил между страниц какой-то книги. Кажется это был томик китайской поэзии. Остатки пива я естественно выпил. Но простыни сразу застирывать не стал. Только температуры мне сейчас и не хватало. Сердце в желудке, остальное – печень. Или печет. Хвороба не в счет. Что мы можем любить, кроме собственной гадости. Ненасытная ты моя ересь. Вонючая, как никогда. Можно и пострать, но легче уже не станет. Все скоты вокруг – демоны, а говно – тотем. Лизни его с языка, тут и подумаешь. Дед Мазаюшка, отзовись. Как там в нашем лесу не притоптанном? Поднакушались уже все, наверно, и в люлю кличут. Здесь же и не-фонтан. По совокупности скучаю. Коричневых-то я вынес, да среднего не дано. Отойду до времени, присмотрюсь к сердцеедам. Дам им горечи. Иначе – в жопу. С чем ее и сравнил. Помнишь ли стерву? Терпеливая была, все песню просила. Взойдет бывало на бугорочек, крикнет по мелочи и

давай созывать. Игореша! Витюша! Сашенька! Детки вы мои милые. А я вам вчера шапочку связала. Беленькая такая, с пуговкой. А они мне говорят: «Надо маленький шарик.» А я думаю – почему маленький, лучше большой. А их два (шарика) – маленький и большой. А они говорят – маленький, а я думаю – большой. С накидом под каждую цепочку, а под столбиками с двумя накидами. Чтобы головка дышала. А головка маленькая такая, как шарик. Я шапочку и связала. Беленькая такая, а сзади разрезик. Чтобы головка дышала. Головка маленькая такая. И Шапочка маленькая. Тесненькая будет. Надо разрезик. Чтобы головка дышала. Я им и говорю: «Сзади сделаем разрезик». А Саша напротив сидел. И ямка была. По кругу, по кругу... Игореша, Витюша... Два с накидом и разрезик. И шариков два было, маленький и большой. Пусть думают, что большой, а я сделаю маленький. И разрезик надо, а то как же. Чтобы головка дышала. Головка маленькая такая, как шарик. Саша и говорит: «Я Лизу лизал, и она отзывалась.» А Витюша говорит: «Как кто, а я бы там не трогал.» А Игореша вообще гордый, его профиль - торг. Итого: вдоль края столбики, столбики на столбиках, и по два столбика под воздушные петли решетки. Чтобы головка дышала. А Люся здесь ни при чем. Я ей сразу сказала: «не ходи». А она: «Вечером... Вечером...» Вот и осталась без ниток. Я же грубые решила, на дольше хватит. И шариков два. Маленький и большой. Маленький в большой проскакивает и не задевает. Это специально. Чтобы головка дышала. Маленькая такая головка, как шарик.

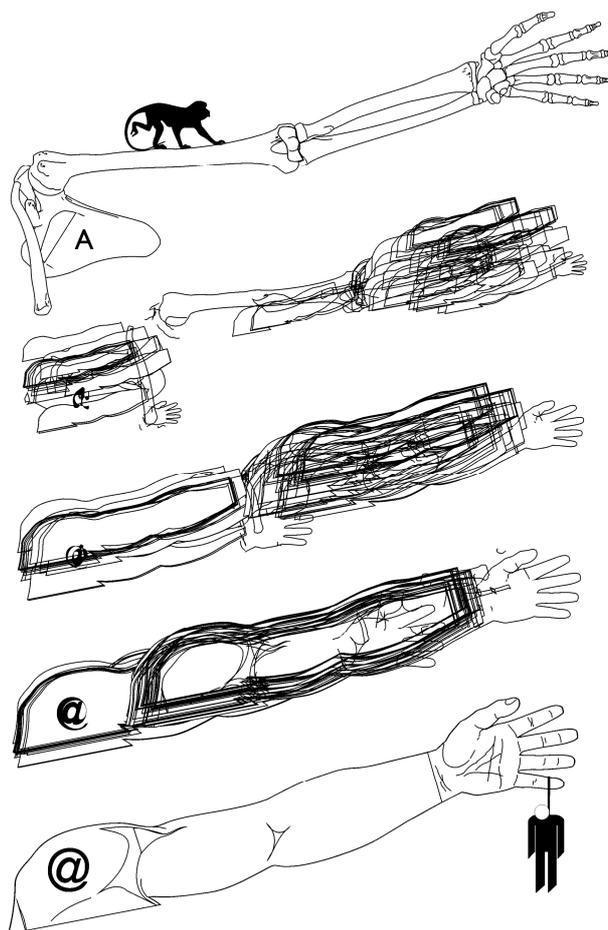
Им и захотелось. Стали показывать. У Сашеньки много было, он и говорит: «В этой системе размер не козырь. Главное – диапазон.» Витюша возился с заслонкой, мусоля фразу: «Как кто, а я уповаю на твердое.» Игореша показал часть, этого было достаточно. Понемногу включились, стали подначивать. Сначала автоматически, потом автономно. Будоражение прижилось. Сашуня подумал, но не сказал. Началось взаимодействие. Первым выдал Павел (о нем еще будет). Фыр-фыр-фыр... и рухнул. А вот и Петенька, славенький мой. Потекла жизнь. Наступал черед каждого, возобновились все. Ключули по глотку, разбрелись и вернулись. Приблизилось восемь. В повсеместных сумерках шастали и шустрили. Разговор шел, но двое пили молча. Игорь сидел рядом с Виктором, остальные по кругу. Александр сидел напротив меня. Между нами сквозило. Недолго. Размазали смак по сусекам, подсмолили сахарные места, появилась просинь. Невесомая, как и всё...

Но стоп. Сразу оговорюсь – сапа сапе рознь. В чем и узость. Не сварганил под себя, отклонись к носу. Скоблю по соскам и сруливаю. Косолапый мне в спину: «Срань!» Я встык и по низам, а там – месиво. Всюду и весьма. От него невыносимо несло, но его вынесли и несли. Обстановка соответствовала: ненасытные мослы; сало со своими сальностями; мозолистая сухость властного массирования; нюансы ворсистых складок, жилистых наслоений; собственная бесперспективность в скользких простенках, куда тебя с хрустом втиснули и, осоловело усердствуя, восторгались силою фиксируемого броска; взвизги и всхлипы... Премерзопакотно, но слегка. Сталь – спасительница. Сука безусловно. Но сколько блеска, остроты и того внезапного озорства, которое является показателем истинного превосходства. Одним словом – ЛЕЗВИЕ. Без предрассудков. Просвозила и смылась, не оставляя сомнения в том, что ты и есть тот самый – ОБРАЗЦОВЫЙ КУСОК.

Другими словами

Начну с того, что напишу то же самое, но немного другими словами. Например так: «Мне сегодня туда воткнули. И, что не менее важно, там и оставили. И это горит. Ощущение близкое к впечатлению...» Далее неразборчиво. Что-то абсолютно безличное. Типа: «Если это помещение, то в нем неминуемо должны быть щели. Помещение не может быть без щелей. А если существуют щели, то из них обязательно должно что-нибудь сочиться. По-моему любая щель для того только и существует, чтобы из нее что-нибудь сочилось. В данном случае пусть это будет нечто липкое и прозрачное, хотя и не обязательно. В углу мы посадим аккомпаниатора. Согласно творческому замыслу он будет усердно выдавливать из своего многофункционального инструмента звукоподобные сгустки. Центром повествования изберем некоторое тело. Оно будет белое и гладкое. Нет, лучше бритое до голубизны. Да, точно, это будет бритое-до-голубизны-некогда-лохматое тело, по поверхности которого легким ностальгическим вздрагиванием пробегают редкие воспоминания той недалекой поры, когда происходящее наяву выдавало себя неравномерностью дыхания, будто кто-то забрался под одеяло и делает вид, что спит, хотя на самом деле воображает, что он – камень, причем как минимум краеугольный, хотя... и в этом случае, как говорить-ся выбирать не приходится...»

Дальше не будем. Начнем с начала. Начало – самое сложное, особенно когда не знаешь, что

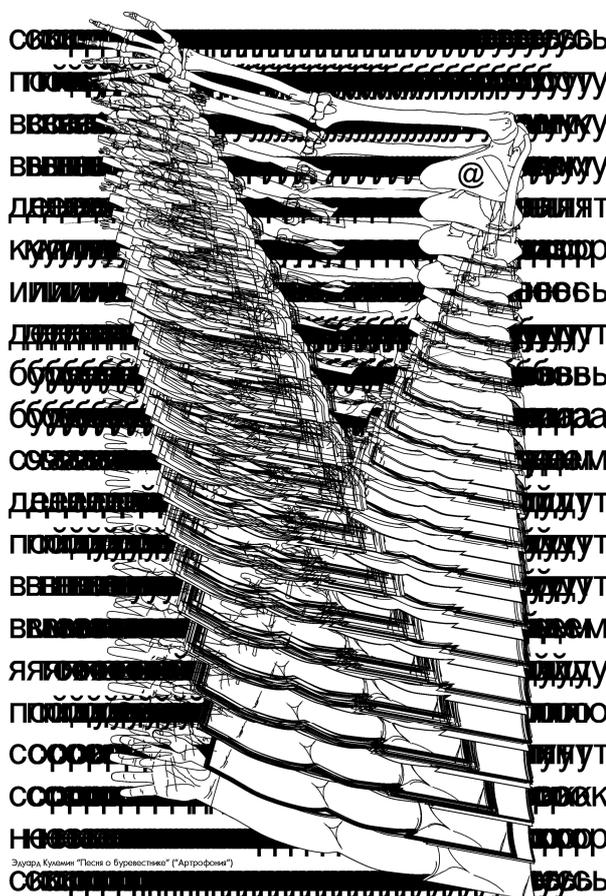

будет потом. Любое начало кажется тусклым и никчемным, пока не подкреплено продолжением. В идеале начинать надо с продолжения, но ведь тогда продолжение тоже надо с чего-то начинать. Главное – не останавливаться. Иначе можно пере-думать. Продолжая, обнаруживаем...

Рука (мужская, крупная, левая) втиснута в резиновую медицинскую перчатку. Четыре пальца согнуты, один (кажется средний) оттопырен - Неполноценный Кулак. Другая рука (мужская, крупная, правая) намыливает оттопыренный (кажется средний) палец кусочком некачественного банного мыла. Обладатель вышеизложенных рук в хорошем настроении. Он много и удачно шутит. Присутствующие реагируют. Их небольшое количество. Приблизительно пять. Четыре м. и одна ж., правда не очень симпатичная. Я лежу на кушетке за казенном ширмой и думаю о своем. Кушетка неудобная, ноги находятся на уровне головы и поэтому хочется слегка приподняться или хотя бы подложить под голову руку. В силу данного обстоятельства чувствую я себя не совсем уверенно, постоянно ерзаю и волнуюсь. Между тем меня только что ощупывали. Вернее мой живот (он у меня белый и плоский). Но это не главное. Главное впереди. Например завтра я буду щепочкой набирать свой кал в коробок от спичек (это интересно), а когда войду в совершенно другую комнату, то на столе увижу десятка полтора разнокалиберных баночек с неодинаковым количеством внутренней жидкости, под каждую из которых подsunута сопроводительная бумажка с блеклой надписью «Исследование мочи».

Дураку понятно, что у меня задрана кверху рубашка и приспущены штаны, таким образом оголена средняя часть туловища, но в данный момент нас естественно интересует низ, то есть жопа. Хотя какая у меня жопа, не жопа, а одно название. Малюсенькая такая попка. Ни ягодич, ни бедер. Дырочка и все. Но стоит в нее засунуть одну штучку, как все преобразуется. У меня она есть, эта штучка. Я ее называю Хуек., хотя к мужскому половому органу она никакого отношения не имеет. И вообще она женского рода. Но мертвая, то есть неорганического происхождения. Настоящая Деталь. Деталь от моей попки. Мне повезло, что я ее достал. У остальных такой детали нет, и они бедные мучаются, причем иногда довольно сильно. Особенно по вечерам, когда нужно подойти к кабинету и ждать вызова. Они так и делают. Бедолаги. Инструкцию не читали? Там же черным по белому написано: «Дерни за веревочку – дверь и откроется».

В прошлый раз, между прочим, именно так и было. Я еще в цирке работал. Номер у меня был свой – гвоздь сезона. Дохлый, надо сказать, был номер, но халая заводилась, что называется с пол-оборота. Стоило мне сложить губки бантиком, как у впередсмотрящих наворачивались слезы на глазах, и их пухлые мордашки светились от уми-

Эдуард Кулёмин: «Письмо о буровастике» («Артрофони»)

ления. А когда я с упоением херувима переходил с легкого пасторального «фьюить» на ветхозаветное «ку-ку», зал вибрировал, как барышня перед оргазмом. И я не подводил. Это было что-то. Седовласые старцы исходили слюной от вожделения и с победным шипением исторгали струи горячей жидкости в свои многослойные штаны. А их оголенные самочки пыхтели от удовольствия, кусками заглатывая густеющие ароматы, дрожали, дожевывая, и желали лажи.

Я же был Рыжий, без х. (понимаете?). То есть он у меня естественно был, но такой маленький, что никто не мог заметить. Я располагался в специальном креслице, и тут начиналось самое главное. Под барабанную дробь он начинал шевелиться и увеличивался прямо на глазах. Причем мне это абсолютно ничего не стоило. Я даже не напрягался. Он был артист и, питаясь энергией взглядов, устремлялся к великим высотам. Медленно и неуклонно, пошевеливаясь от внутренних пульсаций, слегка покачиваясь из стороны в сторону, он достигал такой величины, что я казался всего лишь жалким придатком этого великолепного чудовища. Иссиня-красный со вздутыми венами и буграми он производил неизгладимое впечатление. В эти минуты мне становилось страшно и я закрывал глаза. Наступал апофеоз представления. После нескольких ударов плетью, наносимых моей помощ-

ницей, он буквально зверел и сочился кровью, как раненый гладиатор. А она зализывала на нем раны и тут же наносила новые. Публика визжала от восторга. Надвигалась развязка, в которой эта неукротимая женщина отклоняла моего обезумевшего красавца от его естественно-перпендикулярного состояния, как бы оттягивала его, и затем, издавая триумфальное «БЗДЫНЬ!», резко отпускала. Наши с ним головы сходились в страшном ударе, после чего я уже не приходил в сознание. Меня попросту уносили...

Просыпаюсь я обычно от того, что очень хочется кушать. Жру все подряд. Не могу успокоиться, пока не напихаю свой желудок какой-нибудь дрянью. А когда он набит уже до предела, хочется чего-нибудь вкусенького. Девичью мочку например. Само собой разумеется – не проколотую. Невозможность удовлетворения распяляет желание, которое постепенно трансформируется в страсть. Становится не по себе, но умелые руки, изобретательность и трудолюбие помогают выжить. Я вспоминаю о том, что когда-то совсем недурно занимался плетением корзин, валянием валенок, бон-

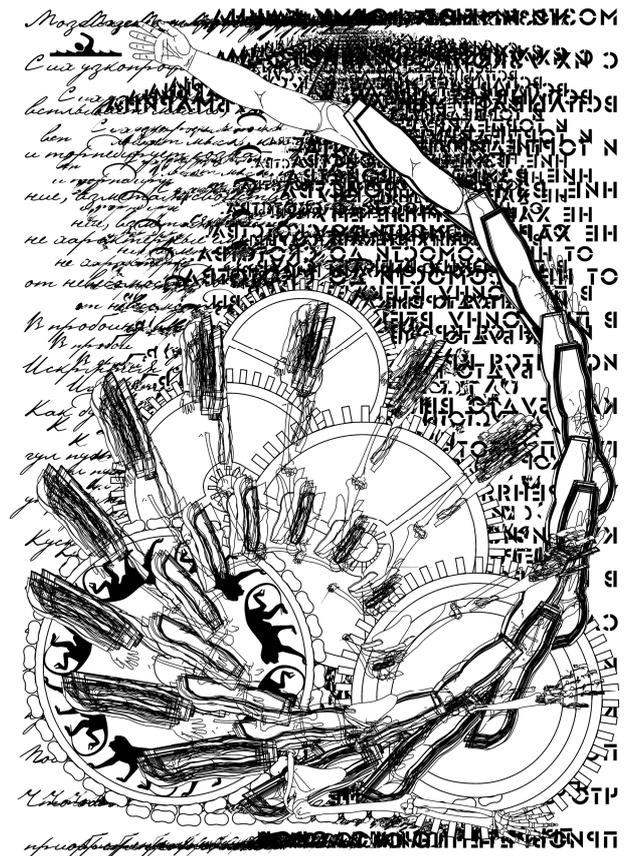
дарным и шорным ремеслами. В нашей организации немало умельцев, которые столярничают, слесарничают, вяжут и шьют, да мало ли еще что. Это хорошо. Но особенно хочется отметить Потеева Александра. Участник драмкружка, он большой любитель русской классики. Александр Николаевич с удовольствием читает со сцены стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Учит любить поэзию своего сына Рому. Стихи самого Потеева старшего нередко публикуются в районной газете.

Но меня заинтересовала другая сторона жизни этого человека. У Александра Николаевича золотые руки. Его хобби - создавать поделки из подручных и, казалось бы, бросовых материалов. Несколько проволочек в умелых руках мастера превращаются в чудесную вазочку для цветов. Кусочек пенопласта в считанные минуты становится декоративным грибочком. Много прекрасных вещей, сделанных собственными руками, украшает квартиру Потеевых. Много игрушек смастерил старший Потев младшему. Александр Николаевич постоянный участник выставок «Умелые руки». Вот такой это человек, щедро раздающий свой талант ближним...

Всем! Всем! Всем!

Мы положили его на диван лицом вниз, чтобы не видеть раскисшей физиономии. Одежду разрезали ножницами вдоль спины, и она, развалившись на две половины, обнажила рыхлое морщинистое тельце, сплошь испещренное мелкими фиолетовыми прожилками. Открывшееся зрелище явно заинтересовало наши пытливые голоvenки, и мы тупо уставились на распластавшееся перед нами полуживое создание, которое трепетало и вздрагивало, вероятно таким образом осуществляя свои животворительные функции. При этом казалось, что внутри него что-то копошится и булькает, как внутри непонятного фантастического агрегата. Постепенно это несуразное трепыхание оформилось в некоторое подобие дыхательных движений, которые носили несколько странный характер. Создавалось впечатление, что амплитуда каждого последующего вдоха увеличивается, между тем как амплитуда каждого последующего выдоха уменьшается. В конце концов очередной вдох полностью поглотил то, что по идее должно было за ним последовать, и тело стало попросту раздуваться в районе грудной клетки, со спины выпирая явным аналогом непредвиденного горба. Покрытый мелкими рыжеватыми волосками он напоминал выгоревший на солнце курган в азиатской степи и вызывал непреодолимое желание воткнуть в его покатую поверхность какой-нибудь допотопный шанцовый инструмент.

Наблюдаемая процедура сопровождалась выделением большого количества едкой вони, которая с

глухим шипением исходила из заднепроходного отверстия. Наступил момент, когда этот незакамуфлированный бздёж перешел в наглое попердывание, после чего анус как-то странно зашевелился и неожиданно резко распахнулся, как прорастающее зерно, с одной лишь разницей, что наружу вместо молодцевато-молочного корешка высунулась несуразная калдешка. Покрытая тонкой корочкой, она, продолжая вылезать из своего смердящего укрытия, не отваливалась и не сворачивалась клубочком, как это обычно происходит, а вытягивалась в длину, утолщаясь у основания, являя таким образом откровенное подобие костенеющего хвоста.

Одновременно разрастающийся горб представлял собой все более устрашающее зрелище. Кожа на его поверхности натянулась до такого состояния, что сквозь нее можно было наблюдать какие-то непонятные внутренние процессы. Скорее всего это уже более походило на огромный свеженатруженный мозоль, готовый вот-вот лопнуть и выдать наружу свое содержимое. Внутри него что-то угрожающе шевелилось и клокотало. Не знаю, как остальные, но чувство, которое испытывал я, можно было назвать однозначно – страх. Причем он настолько плотно овладел мною, что я уже никак не мог реагировать на происходящее. Только сплошной нарастающий вопль сверлил мои парализованные мозги. Ооуааа-а-а...

Пузырь лопнул. Я бы даже сказал взорвался, как гейзер, обдавая нас липкой жидкостью и ошметками разорвавшейся кожи. Один из таких ошметков шлепнулся мне прямо на лицо, залепив своим отвратительным месивом правый глаз с прилегающим участком щеки.

Невыносимое жжение заставило меня буквально вцепиться в собственную физиономию. Я скрёб себя, что было мочи, и выл от боли, но ничего не помогало, - кусок чужеродной ткани, разъедающая кожу, вживался в захваченную территорию. Жгучая желеобразная мерзость, сквозь поглощаемый глаз всасываясь в содержимое черепа, вылизывала окровавленную изнанку угасающего сознания. Я уже ничего не видел и не воспринимал, медленно погружаясь в абсолютную стерильность потустороннего мрака. И только всепоглощающая боль, подобно электрической дуге, выжигала свой жуткий оплавленный след, неожиданно складывающийся в откровение знака...

«В» - врезалось в густеющую прорву раскаленными рваными краями. «С» - проявилось декорированной пламенем черной дырой. «В», «С», «Е», «М»... - укладывались в остывающую строку новоиспеченные буквенные образования. Наконец увядающий огонек истерически проскользнул сверху вниз и, явно агонизируя, вплавился в точку. После чего все поглотила какая-то уютная субтропическая тьма, в глубине которой теплым предзакатным сиянием высвечивала мерцающая надпись: В С Е М !

Бдыжжж! – раздался резкий атакующий звук, как при появлении титров небезызвестной телепередачи, и надпись удвоилась: В С Е М ! В С Е М !

Бдыжжж! – звук повторился, и строка, неожиданно двинувшись влево, уже не останавливалась, выда-

вая следующую информацию:

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! НОВОЕ. НОВОЕ НАДО ДЕЛАТЬ. ЧТО-ТО АБСОЛЮТНО РАДИКАЛЬНОЕ И НОВОЕ. СЛЫШИТЕ, СУКИ. РАДИКАЛЬНОЕ И НОВОЕ. ИНАЧЕ - ХАНА! ПОНЯЛИ? ТВАРИ ПОГАНЬЕ. СУКИ ЕБАНЬЕ. РАДИКАЛЬНОЕ И НОВОЕ. НОВОЕ И РАДИКАЛЬНОЕ. ЧТОБЫ, БЛЯ, ПИЗДЕЦ БЫЛ. ПОНЯЛИ? БЛЯДИ ВОНЮЧИЕ. ЖОПЫ СРАНЫЕ ПИЗДЕЦ, БЛЯ. СУКИ ЕБАНЬЕ. НОВОЕ И РАДИКАЛЬНОЕ. АБСОЛЮТНО РАДИКАЛЬНОЕ И АБСОЛЮТНО НОВОЕ. И НИКАКОЙ ЕБЛИ. ПОНЯЛИ, БЛЯ? НИКАКОЙ ЕБЛИ. ТОЛЬКО НОВОЕ И РАДИКАЛЬНОЕ. ИНАЧЕ - ХАНА! ПОНЯЛИ, СУКИ. ХВАТИТ ХУЙНЕЙ ЗАНИМАТЬСЯ. НОВОЕ НАДО ДЕЛАТЬ. НОВОЕ И РАДИКАЛЬНОЕ. А НЕ ХУЙНЮ ВСЯКУЮ. ЧТОБ, БЛЯ, ПИЗДЕЦ БЫЛ. ПОНЯЛИ, СУКИ. А?! ВСТАТЬ! - ГОВОРЮ. СУКИ ЕБАНЬЕ. ТВАРИ ПОГАНЬЕ. ВСЕМ ВСТАТЬ! СЛЫШИТЕ? ХВАТИТ, - ГОВОРЮ, - ХУЙНЕЙ ЗАНИМАТЬСЯ. ХВАТИТ ХУИШКИ ДРОЧИТЬ. ВСТАТЬ! - ГОВОРЮ. УБЛЮДКИ ВОНЮЧИЕ. НОВОЕ НАДО ДЕЛАТЬ. СЛЫШИТЕ? ЧТОБ ЗА ДУШУ БРАЛО. ЧТОБ ВНУТРЕННОСТИ ПЕРЕВОРАЧИВАЛО. СТОЯТЬ! - ГОВОРЮ. ПАДЛЫ СРАНЫЕ. ХВАТИТ РАСПИЗДЯЙНИЧАТЬ. ХВАТИТ ЖОПЫ ДРУГ ДРУГУ ЛИЗАТЬ. НОВОЕ НАДО ДЕЛАТЬ. СЛЫШИТЕ? АБСОЛЮТНО НОВОЕ И РАДИКАЛЬНОЕ. ИНАЧЕ - ХАНА. СЛЫШИТЕ. МОЧИТЬ ВАС СКОРО НАЧНЕМ. ПО-ЧЕРНОМУ. ПОНЯЛИ, БЛЯДИ? ХУЕСОСЫ СРАНЫЕ. ЧТОБЫ ЗНАЛИ. А ИНАЧЕ- ХАНА. ХАНА, ПОНИМАЕТЕ ВЫ, СУКИ. ВСЕМ, - ПОНЯЛИ БЛЯДИ. ВСЕМ ХАНА.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ГЛЕБ КолОМиеЦ

Иллюстрации Эдуарда Кулемина

Начало

Рассказ опять не получился: полное говно! Я со вздохом задушил бычок в обрубке пивной банки и стал ходить по комнате, искоса поглядывая на ненавистный рассказ, дразнивший меня из монитора.

Когда в коридоре раздался требовательный звонок, я почти не удивился. Я знал, кто стоит за дверью. Догадался по запаху: пришло говно. Тапочки шаркали, пол коридора кренился, старый, с вытертыми проплешинами, линолеум надрывался скрипом, закручивая меня в ультразвуковой спирали. Запах захлестнул меня, поглотил, накрыл душной волной и я стал бессильным, дрожащим. Бесценные секунды тишины взвивались ввысь и глазок в обитой насыщенно синим кожзамениателем двери разверзся предо мной адской пастью: изнутри вонючей преисподней сотнями глаз тупо глядело на меня говно.

Его текучее тело было беспокойным каждый момент: вспучивалось язвами, открывало и закрывало сотни новорожденных ртов, становилось то цветком, то львом, то пошлой кучей. По говну струился поток невообразимых, отупляющих оттенков коричневого и зеленого. Из склизкой желтоватой жижи всплывали хищные коричневые щупальца, которые тянулись ко мне сквозь ставший влажным от дыхания глазок.

Больше я не мог видеть: поле зрения скрылось в коричневом.

Из-за двери раздался гром демонического хохота говна. Мигом вспотевшей спиной, я прижался к двери. Сердце вдруг захлопотало и понеслось галопом, я глубоко и часто задышал, страх поднялся парализующей волной, сковал члены.

- Кто... - голос дал петуха, я сглотнул загустевшую слюну и начал заново. - Кто там?

- Ты прекрасно знаешь! Это я, говно. - Донесся из-за двери гулкий бас. - Я - пришло.

Говно уловило своим вонючим нутром эманации моего страха. В его голосе звучала сверхъестественная уверенность в победе, непреклонность и неутомимость.

- Иди на хуй отсюда! - вскричал я визгливо, пытаясь взглядом зацепить в коридоре хоть один пригодный для защиты от говна предмет.

Спиной я чувствовал не только липкий кожзамениатель; чувства проникали через дверь по стенам, в захлавленную кухню с гробом газовой плиты, в комнату, обезумевшую от бумаг и книг. И я всем телом ощутил, как возвращенное мной пространство свободы вступило в противоборство с методичным натиском говна.

- Нет, я не уйду, дружок. - Новым, язвительным голосом пропищало говно из-за двери, - я пришло и никуда не уйду. Ты нужен мне и ты откроешь дверь, откроешь. Никуда ты от меня не денешься.

- Не открою. Уходи.

- Ну,пусти же меня, - запело говно глубоким женским голосом с мурлыкающими обертонами. - Впусти, сладкий. Я пришло к тебе издалека. Мы просто посидим немного, поговорим, чаю попьем - и всё. Не бойся, это не больно...

- Слышь, ты, проваливай отсюда!

Образ обнаженной женщины ворвался в мой мозг, вспорол ткань сознания, оставляя дымящиеся, вспенившиеся кровью и спермой надрезы. Вороньи волосы, миндалевидные глаза и трепещущие кобыльи ноздри. Её тело звало меня, каждый изгиб манил: от выточенной из голубого мрамора шеи, до тонких длинных пальцев ног. Я видел её алчную, бесстыдную пизду в ореоле курчавых волос - и не мог оторваться. Женщина без лица. Ярость кипящих гормонов...

Края губ увлажнились, рот влагалища ощерился. Я слышал тихий шепот женщины:

- Ты гений! Гений!

Вдруг она исчезла, появилась за моей спиной, сорвала с меня одежду, охватила сзади, стала елозить кипящим влагалищем по моему хребту и прикрыла узкими ладонями мои глаза.

- Ты гений! Гений!

Я выгнулся дугой, уперся лопатками в дверь - нет, в тело женщины! - и застонал. В паху возникла искрящаяся игла удовольствия, растеклась выше, к почкам. Там, в почках, взорвалась волна парадоксального, невиданного оргазма и растеклась по телу: к макушке, к кончику раскрасневшейся залупы.

- Ты гений! Гений! Самый великий на свете! Гени-

альный Поэт, Большой Русский Писатель! Ты гений!

Я стонал, женщина укусила меня за мочку, забралась сильным языком в ухо: о, как я задрожал! Я был ей подвалстен, я страдал, хотел вытащить её из-за спины, навалиться на её смеющееся тело, резко вторгаться в ненасытную пизду, кричать, кусать, царапать. Я хотел в судорогах и корчах умереть на ней, здесь, сейчас. Она смеялась, всё быстрее елозила лобком по моему хребту, втирала себя в мое тело, втекала в позвоночные нервы, ползла к мозгу, со стоном взрывалась внутри меня. Я чувствовал невыносимый жар её тела и запах изломанного, исковерканного порока, дыхание её пошлого тонкогубого рта текло меж чувствительных волосков на моем загривке.

Тело женщины дернулось, я весь подался вперед, но устоял на ногах. Ещё один удар пошатнул меня, и ещё, и ещё! Я рухнул на четвереньки, женщина выпрямилась на моей спине и рассмеялась демоническим смехом.

- Гений! Мой гений! Жалкий гений! Ты – моя вещь! – торжествовала она.

Её пизда пустила корни в моем крестце, пила из меня кровь, выедала изнутри. Я слабел с каждой секундой, руки и ноги затряслись, и я уже готов был рухнуть на пол, распластаться под всеильной женщиной. Мышцы иссохли, я чувствовал, что на истончающемся волоске хребта натянуто мое растворяющееся тело.

- Жалкий графоман! Бездарь! Ничтожество! Ты – мой! Я тебя съем! Ха-ха-ха!

Потом все чувства пропали, только в коленях отдавалась вибрация ударов в дверь за моей спиной. Я упал, растекаясь лужей по полу, веки растворились, и я увидел, находясь на уровне с полом, ставший огромный дверной проем моей комнаты, а за ним – пыль, черновики, наброски, зарисовки, корешки книг. Всё мое, всё это я. А не лужа спермы, втягивающаяся в визгливую пизду!

И такая ненависть, такая недобрая сила взметнулась во мне, что я разом проявился, каждая молекула моего тела отозвалась решительным «НЕТ». Я поднялся на ноги и сбросил со спины женщину, услышал, как синий коззаменитель засасывает последнее воспоминание о ней.

- Не-е-е-ет! – кричал я, и крик разломил меня пополам. То было лучшее моё стихотворение!

- Не-е-е-ет! – завизжало за дверью говно, и настала тишина.

Я без сил свалился на колени. Песок прихожей отчетливо отразился на моих ладонях. Я глубоко и часто дышал, молился про себя неизвестно кому.

Когда звонок раздался ещё раз, меня пробило электрошоком, я мигом оказался на ногах и уперся гудящим плечом в дверь, хватая ртом воздух отчаяния.

- Я всё ещё здесь. – Прошамкало говно. – Сдайся. Неужели, ты думаешь, что осилишь меня? Все, что ты пишешь – говно и не имеет никакого отношения к литературе, всё, что ты делаешь – тоже говно, все, что ты думаешь – полное говно! Каждая секунда твоей жизни порождает меня, делает меня сильнее. Да ты и сам – говно. Только корчишь из себя невесть что, а на самом деле...

- Чего тебе надо от меня? Зачем ты пришло?! – с надрывом закричал я. – Что тебе надо, дьявол?! Чудовище!!!

- О, это уже конструктивный диалог! – говно довольно чмокнуло. – Мне нужно то же, что и тебе. Ты же ведь хочешь быть писателем? Большим русским писателем?!

- Ссссука! Ссссука! – скрипел я зубами.

- Да ты ведь только и мечтаешь об этом! Чтобы тебя читали, тобой восхищались, публиковали... Ты день за днем исторгал меня из себя, ты создал меня и вот, я пришло отблагодарить тебя. Большой русский писатель должен быть говном. Ты должен впустить меня в себя – и все получится.

- Нет! Никогда! Нет! – я ударил кулаком в дверь, хотя и был весь в поту, почти без сил, голый, в одних только тапочках.

- Ох, какие мы принципиальные, - поучало меня говно. – Прямо жуть! Ох, как мы боимся страшных какашек! Да ты никто без меня! Без меня ты ничего не напишешь, кроме говна. Пойми, друг мой, ты овладеешь писательским мастерством, покоришь слово. Без капельки гнильцы внутри нельзя заниматься литературой. Ты сам знаешь, нужны знакомства. Ты должен будешь языком – да-да, твоим нежным язычком – вычистить до блеска жопы десятков критиков и филологов. Тебе надо тренироваться, попробуй для начала немного меня, иначе ты не выдержишь. Филологи не моют жопы по месяцам специально для таких, как ты. Да, прогрессивные филологи нашего времени доброжелательны к молодежи как никогда! Они ловят каждое ваше слово, пытаются в каждом разглядеть крупницу таланта, никогда никому не отказывают. Они коммуникабельны, открыты, являют собой эталон вежливо-

сти... Но жопы все равно не мою!

- Уйди вон! Я не для этого пишу, не для них! Не отступлюсь, слышишь! Я БУДУ ПИСАТЬ ВСЕ ЧТО ХОЧУ И ЕБАЛ В РОТ ТВОЮ РАБОТУ НАД СЛОВОМ ВМЕСТЕ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ!

- Послушай меня, мальчик, пока ты не примешь говно в себя, не выкинешь из головы свой юношеский бред, я не буду тебе помогать. Вот послушай, что о тебе напишут.

Говно шуршало газетой, а я вдруг представил большой зал: красный занавес, микрофон. Я кончил зажигательную речь, все мне аплодируют. Я купаюсь в овациях: стильный, модный, успешный – спускаюсь со сцены и иду по красной дорожке меж рукоплещущих рядов. На стенах развешаны мои огромные портреты, а из динамиков слышен мой голос: я читаю свои бессмертные произведения. Великий писатель, идол поп-культуры, властитель гламурных дум, инженер душ среднего звена!

Нахлынул поток долларов и женщин. Они лезли отовсюду: из моих отличных книг, из дорогих машин и модных клубов, из дач в Переделкино и престижных премий.

- Новая книга звезды литературного небосклона Глеба Коломийца, - глухо завывало говно на краю сознания. – Вновь переписала всю русскую и мировую литературу.

Женщины и доллары обтекали меня со всех сторон, гладили, внимательно слушали, очень внимательно слушали. Я всё, всё рассказал им в сотнях интервью: сначала о своём никчемном детстве – о, как они меня жалели! Каким ласковым пониманием лучились их глаза! Потом я рассказал, как меня не любили женщины, и как мне было больно, как я страдал, как страдал без их тел, глаз, любви - как они меня поняли! Как никто!

- Идеально выверенная композиция, кропотливая работа над словом, увенчавшаяся невиданным доселе успехом! Тонкий психологизм персонажей, напряженность сюжетной фабулы, неподражаемый писательский стиль делают эту книгу достойной звания шедевра века.

Потом я рассказал о том, как меня любили женщины, и о том, что было ещё хуже и страшнее. Я рассказал о том, как они безжалостно рвали мою душу, как они ссали мне в рот, унижали, третировали, делали из меня своего мужа, и как я бился в сетях, рвался на волю, как я выбрался жалким инвалидом, бесчувственным куском кровоточащего мяса и как страдал от пережитого - о, как они раскаивались! Как искренне они просили прощения!

- В своей шестой книге Коломиец достигает апогея величия. Эта невероятная, неподражаемая, своеобразная книга обречена на успех и всенародную любовь.

Потом я рассказал о том, как трудно было написать что-то достойное. Всё, что я писал, было полным говном. Я извергал в свои творения всю силу, всю энергию, которая во мне была. И как потом все кривились, называли меня посредственностью, в открытую, хамски смеялись, как меня растворяли взглядом жалкие люди из союза писателей, как уважаемые москвичи раздавливали меня между пальцами - о, как безжалостно они расправились с моими обидчиками! С

каким небывалым рвением они исправили несправедливость!

- Коломиец – безусловно, большой русский писатель, самый гениальный из всех, когда либо живших на планете Земля. – говно окончило чтение и свернуло газету. – И это только одна из рецензий! Лишь капля в море! Ну, чего же ты медлишь? Что ты молчишь? Скажи мне «да».

Я плакал. Сполз на пол и завалился на бок, скорчившись. Боль воспоминаний привела меня в чувство, я рыдал от бессилия, эхо унижений гудело во мне. Я страдал, подлинно страдал. Слезы катились по лицу, я свернулся калачиком у двери и падал в вихрь ножей, терзавших каждую клетку моего тела.

- Ну, не плачь. – Голосом матери сказала говно.

Надо мной склонились мои родители. Их лица, обращенные ко мне, страдающему далеко внизу, были трагичны. Мать села на корточки передо мной и стала гладить мою трясущуюся голову.

- Не плачь, дорогой мой! Ну что ты расклеился? – шептала мать. – Что ты с собой сделал, Глебушка? Сынок, разве можно так с собой поступать? Ты заигрался. Пора повзрослеть, прекратить это безобразие. Ты же такой хороший, зачем ты пишешь эту чушь? Сынок, надо хорошенько задуматься! Ты стал таким замкнутым, не разговариваешь с нами, ничего не рассказываешь. Все молчишь и молчишь! Так у тебя ничего не получится. Это никуда не годится. Пойми, литература тебя не прокормит. Тебе надо посвятить себя профессии, семье. Что скажут люди, если узнают, что ты занимаешься этим безобразием?! Да тебя же никто не будет уважать. Ты ничего не добьешься в этой жизни, если не перестанешь витать в облаках.

Я зарычал, как раненый зверь.

- Нет! Ни за что! Нет ничего на свете, что бы заставило меня отступить! Уйдите!!! Отстаньте от меня!

Отец топнул ногой:

- Всё! Детство кончилось! – сказал он строго, положив руку на бляху армейского ремня, - Что ты о себе думаешь? Совсем сбрендил?! Посмотри на себя, на кого ты похож?! Хватит здесь истерики устраивать! Да ты просто посмотри на себя! Ноешь, как баба! Размазня! Что ты сопли распустил, как пидар какой-то! Я тебе покажу!

Отец стал снимать ремень, путался с пряжкой. Мать, успокоительно бормоча «не надо, Гена, не бей ребенка» принялась его останавливать. Отец не обращал внимания:

- Ты что, отца не уважаешь? Посмотри, что ты сделал со своей матерью! Ах ты, щенок! Посмотри на себя: полное чмо! Хоть бы подкачался, что ли. – Отец сплюнул. – Ну, погоди у меня, сейчас я тебе покажу, как надо быть мужиком!

Я, дрожа, поднялся на ноги. Недобрые отцовские глаза сверкали гневом.

- Ну, давай, убей меня на хуй! Убей! Я – поэт! Слышишь?! Тебе меня не сломать!

Отцовские глаза горели ненавистью. Он замахнулся на меня ремнем; тяжелая бляха сверкнула насильем.

- Не надо, Гена-а-а-а! – мать с ревом бросилась на карающую руку. – Не бей ребе-о-о-онка-а-а-а!

Отец отшвырнул легкое тело, и вновь замахнулся. Я стоял, сдерживая животный страх из последних сил.

- Ну, давай! Давай! Пизди меня! Давай! Убей меня!
– закричал я, что было сил. – Что, ссышь?! Давай, мужик! Отхуярь меня до смерти!!! Никогда не предаю искусство! Тебе меня не сломать!!!

Отец опустил ремень и заплакал. Мать бросилась его успокаивать, укоризненно глядя на меня.

- Ира, - стонал отец. – Ира, кого мы вырастили?!

- Тише, тише, Гена. Тихо. – Мать повернула голову ко мне и со сверхчеловеческой укоризной сказала. – Неблагодарный! Что ты сделал с отцом!

- Ира, я больше не могу. Ира, кого мы вырастили? Мне плохо, я умираю.

Увидев, как отец посерел, схватился за сердце и стал медленно, как в кино, заваливаться на спину, я окунувшись в бездну печали. Слова не в силах описать водоворот страдания, всосавший меня в свою черную утробу. А я взял и сказал:

- Ни за что не предаю творчество. Уходите.

И они ушли.

Я оказался в бескрайней пустыне. Я брел наугад уже вторые сутки. Пот стекал ручьями, на коже вздулись волдыри. Сухой колкий ветер засыпал язвы на моем теле соленым безжалостным песком. Я ослабел до последнего предела; только и мог, что автоматически переставлять истончившиеся ноги.

- Приди, приди, о, поебень. – бормотал я сухими растрескавшимися губами. – В мою коробку черепную. Сверни мне сердце набекрень и устремись по жилам к хую.

Сил больше не осталось, я упал на раскаленный песок и приготовился к смерти. Мое лицо было обращено к раскаленному глазу солнца, и я отчетливо видел, как с небес ко мне слетает дочка филолога Зимницкого в белых одеждах. Её прекрасные белокурые волосы развеивались по ветру, а невероятные глаза цвета майского неба лучились неподдельной любовью ко мне. Её ангельские крылья сверкали, переливались перламутром, назло палящему солнцу. Когда дочка Зимницкого приземлилась рядом со мной, ветер остудил мою кожу, и смерть ненадолго разжала железную хватку. Я лежал у ног прекрасной девы, жалкий, искореженный, задыхающийся. Мои задроченные гениталии бесстыдно распухли, были покрыты волдырями, кожа в язвах и нарывах пахла гнилью.

Дочка Зимницкого прикрыла ладонью чувственный рот, со страхом и болью смотря на меня:

- Глеб, какой ужас! – с чувством сказала она. – Что ты наделал? Как ты мог?! Глеб, любимый, вот до чего тебя довела твоя глупость.

- Пить... Пи-и-и-ть. – прохрипел я.

Дочка Зимницкого склонилась надо мной и смочила мои губы чистой ключевой водой из хрустального фиала. Сердце переполнилось любовью к прекрасной неземной дочке Зимницкого, пришедшей меня спасти на краю гибели. Вода устремилась в мой несчастный горящий желудок, наполняя каждую клетку тела. Я оживал. Я плавался в нежных ладонях дочки Зимницкого и, не отрываясь, глядел в её бездонные глаза.

- Глеб, что ты с собой сделал? До чего себя довел? Глеб, ну, разве так можно? Я очень переживала за тебя, летела к тебе на помощь что было сил. Я очень-очень люблю тебя!

- Я тоже люблю тебе... – заморожено прокаркал я

оживающим горлом. – Люблю тебя, милая.

- Глеб, так больше не может продолжаться! Надо что-то менять. Ты зашел слишком далеко в своих причудах. Ну посмотри на себя! Ты такой талантливый, такой добрый, честный, искренний мальчик. Зачем тебе это? Почему ты терзаешь себя этими ужасными стихами? Зачем ты тратишься на эту грязь? Почему не даешь своему дару развиваться? Ты такой упрямый! Что ты делаешь с этими так называемыми авангардистами? Ты совсем другой - это они могут только кривляться. Бездарные! Им нечего показать, кроме письки! Такие жалкие, ничтожные! Ты другой! Я так в тебя верю, ты просто попал под дурное влияние. У тебя огромное, доброе, благородное сердце! Как ты мог так пасть?! Я понимаю, такое часто происходит с очень молодыми людьми!

- Прости меня, Аня! – я плакал, я осознавал всю чудовищность своего греха. – Прости меня! Я больше не буду!

- Ну, Глебушка, не плачь! Я никогда не оставлю тебя! Я спасу твой талант, твое доверчивое сердце! Ну, вставай, вставай, пойдём отсюда.

Я ощутил внезапный прилив сил и поднялся на ноги. Прямо передо мной появилась обитая гадким синим кожаным материалом дверь. Дочка Зимницкого взяла меня за руку – о, как я был счастлив взять любимую за руку!

- Ну, пойдём же! Открывай дверь! Теперь все наладится!

- Правда, Аня? Всё-всё-всё? – и я обмяк.

- Да, Глебушка! – и дочка Зимницкого улыбнулась самой прекрасной на свете улыбкой. – Конечно, всё наладится! Мы поедём на фестиваль верлибров в Петербург, я тебя познакомлю с очень влиятельными и интересными людьми.

Я блаженно улыбался. В воздухе засверкали хрустальные радуги. Все вокруг облеклось в розовый туман. Откуда-то сверху доносилось пение ангелов. Мы медленно приближались к двери. Что-то ждало меня за ней. Я никак не мог вспомнить, что именно. Но это было не важно – ведь моя любимая рядом и скоро все наладится.

- А потом я познакомлю тебя с моим папой. Я выберу твои лучшие стихи – мы ему покажем твои наработки, он посмотрит, подскажет тебе, как лучше исправить, он такой добрый, умный, чуткий. У него отличный литературный вкус! Потом мы поженимся...

Я остолбенел. Мы остановились у двери, рука моя уже легла на дверную ручку.

- Какие это мы?! – мои брови сшиблись, как два войска. – Как это, поженимся?

- А ты разве против?! Ведь я тебя очень люблю!

- А причем здесь «люблю» и «поженимся»? Где связь?

- Ну Глеб, не злись! Конечно же, мы поженимся. Я хочу детей от тебя!

- Каких детей?

- Я рожу тебе двух прекрасных девочек-близняшек!

- Каких это таких девушек-близняшек?!

Я затравлено огляделся. Вокруг была бескрайняя пустыня. По вязкому песку от крылатой дочки Зимницкого мне далеко не убежать. Надо принимать бой.

- Послушай, Аня, про поженимся мы не договаривались...

- Глебушка, какой же ты ещё глупенький! Мужчины такие дети – надо всё за вас решать! Ну, открой дверь. За ней нас ждет папа... И свадьба, и дети, семья, профессия! У тебя такая благородная профессия, доброе сердце и золотые руки! Ты будешь отличным врачом, ну... как Рошаль.

Я закрыл глаза, сглотнул застрявший в горле комок страха и начал про себя молиться: «я взял слова хуй и палка, и плакал над ними навзрыд, пришла только рифма селедка, теперь я поэт-инвалид».

- Глебушка, - она нежно взяла меня за руку, - ну что ты молчишь? Скажи же что-нибудь!

И я закричал:

- Я хуем музу призывал!!! Она пришла ко мне нагая!!! Смотрела долго, не мигая!!! Я понял все!!! Из глубины зеркал!!!

- Глеб, прекрати! – дочка Зимницкого закрыла изящные ушки узкими ладонями. – Невозможно вынести! Какая гадость!

- Анальный стих пропах говном! Оральный стих щекочет небо!

- Молчать!!! – закричала дочка Зимницкого гулким басом.

- Пришло желание лизать, - надрылся я. – до чистоты лизать вагину, и грешным языком вползать в её дрожащие глубины!

Дочка Зимницкого вздрогнула, сникла и начала медленно таять. Нахлынула чернота. Я открыл глаза и понял, что лежу в прихожей.

- Немедленно открывай! – требовательно отчеканило говно за дверью.

- Слушай меня сюда! – простонал я. – Проваливай отсюда, не то я за себя не ручаюсь!

- Да ты просто смешон! – взревело говно голосом американского клоуна. – Ой, держите меня! Вы только посмотрите на этого жалкого графомана! Вы только посмотрите на эти его отстойные матерные частушки! Голая нецензурщина. Пустота! Бездарность! Только и всего!

- Нет, не только! Не только! – взревел я, поднимаясь на ноги.

- И это ты называешь стихами? Вот это! Ой, держите меня семеро! – говно раскатисто рассмеялось. – Ойийй, не могу! «Я музу хуем призывал»! Ой, не могу! Какая оригинальность, какое изящество! «Она пришла ко мне нагая»! Ой, ну, накатал! Ха-ха-ха! Ой, не могу, нагая! «звук вдохновенья/пронзили иглами живот»! Да где ты такое видел! Иглами! Живот! Ну ты даешь! Такая графомания, пиздец! «Лукавые, с прищуром маски / с нежнейшими кровавыми устами». Ну, это вообще! Не позорься, бросай писать! Это никуда не годится! Нет, ты сам хоть читал этот бред? «Мной опьяненных искренних сердец». Ох, нет, это никуда не годится, это не текст. «Оргазма яростный пиздец» - какая утонченная рифма! Слушай, да ты женщину голую хоть раз видел, задрот?! Дурак, да у тебя там три разных ритма без всякой композиции!

Я молчал. Я ждал. Говно кривлялось за дверью, ржало взхлеб. И тут я заговорил.

- Послушай, говно, я тебе скажу одну вещь: ты – говно. – Говно притихло. - И вот сейчас, в момент окончательного и бесповоротного распятия, я говорю тебе: ты бессильно. Я верю только в себя, у меня больше никого нет и отступать мне некуда. Я не при-

му тебя. Никогда. Никогда, ни за какие блага я не отдам свободу и радость, которые ко мне приходят вместе с вдохновением. Я – человек, я чувствую в себе душу, и когда она просыпается, внутри всё закипает, и слова льются из меня, как кровь из сотен ран, я безостановочно кончаю и тело мое гудит тысячевольтным напряжением. За каждую букву я ручаюсь своей кровью, потом и спермой. Ты говоришь, что все, написанное мною – говно. Пусть так, но я был счастлив и буду счастлив впредь. И никто, кроме Бога, этого счастья у меня не отнимет. Всё во мне – через край, во всё я вдыхаю жизнь, и каждый день жду нового исступления чувств. Я обойдусь без говна! Во мне слишком мало подлинно человеческого и я буду из самых дальних уголков подсознания, из самых глубоких впадин моей души добывать человеческое. И пусть расцветает во мне сила ума и духа, пусть устремляется ввысь, из самого сердца, одухотворяющий столп Любви. А ты... Иди ты на хуй! – сказал я.

Говно заплакало и ушло. Навсегда.

Я возвратился в свою комнату, сел на скрипучий стул, закурил. На экране компьютера так и остался мой новый рассказ. Начинаясь он так: «Рассказ опять не получился: полное говно! Я со вздохом задушил бычок в обрубке пивной банки и стал ходить по комнате, искоса поглядывая на ненавистный рассказ, дразнивший меня из монитора».

«Да почему, собственно, говно? – подумал я. - Нормальный рассказ, только поправить немного надо, шлифануть, ну и нормально... Говно – написал, тоже мне...»

Я вздохнул, стер первое предложение и стал перечитывать рассказ.

ИГОРЬ СИД

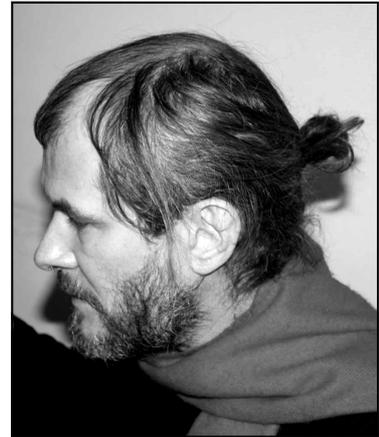

фото Александра Мочаря

Анальный дискурс или Оправдание первичного рта

Шутка в прологе голливудского мультика "Мадагаскар". Один из героев - царь зверей Нью-йоркского зоопарка - машинально хватает по-младенчески ртом градусник, подаренный другом-жирафом. Друг мечтательно объясняет: "это мой первый ректальный термометр!.." Все смеются. Возможно ли догадаться, что в примитивном комедийном гэге заложен глубочайший потаенный смысл?

Немного о культурном контексте

Скажем смело: без образа телесного зада не обходится сегодня практически не один более-менее объемный информационный поток любого жанра. В России прорыв произошел, видимо, еще в 1930-х ("как хорошо, что дырочку для клизмы имеют все живые организмы" - Н.Заболоцкий, и т.д.). Но наблюдателями отмечен, по понятным причинам, вовремя не был, хотя срамными шутками и эротическими бэкграундами прошиты многие эпохальные советские тексты: "Тихий Дон", "Теркин", "Молодая гвардия"...

Что мы узнаем мимоходом о самом отчаянном смельчаке среди молодогвардейцев, Сережке Тюленине, о лихом его детстве? "... Можно, завидев идущую вдоль берега стайку девочек, разогнаться с берега, с силой оттолкнуться от обрывистого края, смуглой ласточкой пролететь над водой, нырнуть и в тот момент, когда девочки, делая вид, что им все равно, с любопытством ожидают, когда ты вынырнешь на поверхность, приспустить под водой трусы и неожиданно всплыть вверх попкой, белой румяной попкой..."

Здесь что важно? Румянец как окраска тела в традиционной русской лексике связывается исключительно с цветом лица. Анальное вместо орального и наоборот - комическая подмена, эстетический шок как прием. С 70-х годов, кажется, известна дружеская шутка с оттенком укоризны: "Ж... с ушами!" Уже в "Хождении по мукам" (1922-1941) Алексея Толстого мелькает чей-то суггестивный зоософический образ: "рот, как куриная гузка". Как мы знаем от Бахтина, подмена телесного верха низом - основной освобождающий комический прием, идущий от средневековых карнавалов.

Однако одним юмором проблематика зада уже давно не исчерпывается. Например, пиковое явление в этом ряду - "анального" писателя Владимира Сорокина - юмористом никак не назовешь. Не много объясняет и прямая привязка "задних мыслей" искусства к новомодной экспансии гомосексуальной эстетики. Что происходит, на самом деле?

"Жопа" и битвы за нее

Попытаемся разложить по полочкам.

Бытование в культуре темы задницы подразумевает несколько семантических уровней, причем каждый из них по своему загадочен.

Первый уровень - функциональная дырка. Биологическая клоака (лат. cloaca "сточный канал"), прямая кишка, логичное завершение (финишная прямая!) пищеварительного тракта, самое нечистое место тела. Волшебное превращение недостойного отверстия в объект, в том числе, сексуальных манипуляций и эротических фантазий (как в анекдоте про солдата: "...А я

только о ней и думаю!") - этико-биологический парадокс, который мы сегодня попробуем наконец разгадать.

Второй уровень - зад как зрелище. "Попа", мясистое обрамление пресловутой дырки, совершенством геометрической формы у женщин извечно привлекающее внимание мужчин. Классическое изображение символа любви - "сердечко" - есть на самом деле проекция контура женского таза. Этот контур настолько важен, что антропологи даже объясняют форму женской груди через мимирию оной под притягательный для противоположного пола зад. В киношедвре Бунюэля "Андалузский пес" (1928) вожделеющий джентльмен кладет руки на чью-то арбузную грудь; следующий кадр - оказывается, это не грудь.

И наконец имя, базовое название этой штуки (со всеми синонимами), его не вполне понятная экспрессивность - красота и комизм. Как писал еще в XIX веке академик Бодуэн де Куртене: "*Жопа* не менее красивое слово, чем *генерал*". *Все зависит от употребления*". А Юрий Олеша считал, что нет ничего смешнее, чем слово "жопа", написанное крупным печатным шрифтом.

В начале 1990-х, на заре свободной России произошла достопамятная для московской литературной тусовки "Битва за жопу". Славная андеграундная газета "Гуманитарный Фонд" активно расширяла словарь журналистики. И вот, накануне отмены коммунизма, на редакцию за эти вольности подает в суд какой-то из московских райкомов. Газета немедленно публикует в поддержку клоунское "возмущенное письмо из глубинки", где с пеной у рта доказывается, что между словами "КПСС" и "ЖОПА" нет ничего общего, а кроме того, их нельзя публиковать рядом в строке! Страсти накаляются, инвестор - на грани решения о закрытии провокативного издания. На собрании учредителей газету удалось отстоять. С условием: ограничить употребление слова "жопа" - не более одной в номере, или не более 50 в год (газета была еженедельной), чтобы можно было, воздержавшись целый год, однажды порадовать читателя сполна. Впрочем, мы несколько отвлеклись.

Два потока реальности

Одним из инструментов осмысления табуизированных явлений является вывод их из традиционной системы координат. Попробуем перевести вертикальную линию загадочного телесного верха/низа в горизонталь.

Если представить нашу пищеварительную систему в виде условной горизонтальной координаты с "началом" (ртом) и "концом" (анусом), легко заметить, что воспроизведена, по сути, временная шкала освоения (усвоения) живым организмом пищи, как части окружающей его реальности. Вообще, любое сколь угодно сложное устроенное животное, от насекомого до чело-

века, закономерно изобразить в виде схематического червяка, начинающегося ртом и заканчивающегося ректумом; конечности и прочие украшения - второстепенные подробности, обозначающиеся выступами на разных участках червяка-кишки. Мы видим, что реальность как бы обтекает живое существо двумя параллельными потоками - внутренним (питание-пищеварение) и внешним (чувственное восприятие, изучение окружающего мира). Очевидно, что пищеварение и познание являются взаимной метафорой. А рот и зад есть универсальные хронологические начало и конец, альфа и омега познавательного процесса, труда организма по освоению реальности, пропусканию ее через себя и мимо себя.

Возможно, шок от перемены мест передка и зада связан с инстинктивным познавательным ступором, неспособностью вообразить "течение времени вспять", обратное движение причинно-следственных связей. Однажды автор наблюдал за поведением гигантской сколопендры - по сути, того самого червяка-кишки с очень условными ножками - пожирающей гигантского же таракана. Передние сегменты тела многоножки изогнулись, обхватив жертву, а когда автор постучал по сямкам, - "усикам" на заднем окончании тела, - оный зад вздыбился в угрожающей позе, изображая растопыренными сямками смертоносные жвалы! "Перед" продолжал мирно грызть таракана. Впечатление было не из слабых... Можно представить себе суеверный ужас (конечно, чреватый в итоге смехом) средневековых верующих, созерцавших алтарь "Отцов церкви" Михаэля Пахера (1486, Мюнхен, Старая пинакотекка). Дьявол, протягивающий молитвенник св. Вольфгангу, обладает вторым лицом, расположенным на месте седалища. Роль носа играет хвост, роль рта, соответственно - дырка зада...

Сомнительность статуса зада связана с пониманием того, что живой субъект неизбежно портит, разлагает окружающую действительность по мере ее освоения и "отпускания". "*И все, что я съел у отца твоего, давно превратилось в дерьмо*" (Фазиль Искандер, "Баллада об украденном козле"). У физиологов есть даже красноречивый термин - "гниение белков в кишечнике". На выходе внутреннего потока реальности - экскременты, внешнего потока - испорченная экология, изношенные вещи, зачитанные книги...

Как-то, выступая в одном клубе в рамках проекта "Ландшафты речи", я поделился со слушателями маленьким, но фундаментальным наблюдением. Живущая у меня кошка Кося имеет странную манеру. Раз в день она внезапно впадает в веселое безумие: гарцует, бросается с места в карьер, вспрыгивает на шкафы и т.п. Причины этого мы долго не понимали. И однажды сын засек: все это происходит с подружкой

сразу после того, как она покакает! Я напрямую связал этот замечательный феномен со знаменитым афоризмом: " *Человечество смеясь расстается со своим прошлым*". Однако гламурный ведущий при публикации стенограммы удалил этот фрагмент из "ландшафта" моей речи. Трусость и безвкусица! Увы и мне: без какающей кошки высказывание потеряло свою глубину.

...Однако человек, взаимодействуя с внешним миром, не только портит его, но занимается созданием: фрейдовский младенец "анальной стадии", играющий со своими какашками - подлинный прототип взрослого художника, "улучшающего" реальность. С этим связано и известное экспрессивное выражение: "я с ним срать рядом не сяду". Согласие на совместную дефекацию как демонстрация высокой оценки чужой личности.

Переворот

Но здесь мы должны совершить главное концептуальное усилие, и ввести в культурологический обиход кардинальное естественнонаучное представление, принятое у биологов и почему-то остающееся до сих пор не осмысленным в философском плане.

Простота и красота хронологической схемы познания мира - "рот/зад" - взрывается изнутри тем фактом, что зад по отношению ко рту является первичным! Он, собственно, так и именуется на птичьем языке эволюционистов: **первичный рот**.

...Очень давно, условный миллиард лет назад, дрейфующая в мировом океане одноклеточная протоплазма слепилась в первые колонии, которые затем срослись в единые организмы. Живые комочки поначалу были цельными, их "пищеварение", взаимодействие с миром, было только внешним. Но скульптор по имени Эволюция корпел над оптимизацией механизма их "работы с реальностью". Для увеличения поверхности соприкосновения с нею комочки приобрели вогнутость, которая превратилась позже в полноценную внутреннюю полость, протожелудок, открывающийся наружу сифоном. Наконец, Создатель додумался прорвать вторую дырочку, с обратного конца, и съедобная реальность, в виде водной взвеси из более мелких живых комочков и частиц мертвой органики, заструилась, усваиваясь, через нас (а это были, несомненно, в каком-то смысле уже мы) вторым потоком - насквозь.

Все бы хорошо, да только новообразованный разрыв оболочки и стал анатомическим ртом, а то, что было первым отверстием нашего тела, превратилось почему-то в анус.

"Единственное подлинно интимное место... это дырка в зад, наивысшие врата, то есть самые таинственные, самые секрет-

ные" (М.Кундера). Получается, именно самым зазорным, самым скрываемым отверстием тела мы впервые пригубили в незапамятные времена окружающий нас мир. Почему оно не осталось ртом до наших дней, а скромно уступило первенствующую роль наглой новой дырочке, со временем обросшей по краям зубами, глазами, ушами?.. Величайшая загадка, вызов философам будущего. Но факт остается фактом.

Момент истины

Ну и что, - спросит читатель, - ведь столько воды утекло со времен того первого и сразу извращенного поцелуя с реальностью? Все должно было тысячу раз забыться. Доисторическая память такой выдержки - это нонсенс, миф!

Ничего подобного. Ибо существует великая формула, бесконечное число раз обращающая круговорот поколений живых существ к изжитым этапам эволюции: *"онтогенез повторяет филогенез"*. Каждый человек, от момента слияния отцовского сперматозоида с материнской яйцеклеткой, проходит поочередно все стадии развития многоклеточного животного: цельный комочек, комочек с вогнутостью, мешочек с сифоном, червячок, рыбка и так далее... А это значит, что любого из нас отделяют от момента возникновения пионерной дырочки - первичного рта, оказывающегося затем чем-то противоположным, - меньше девяти месяцев.

Никто не миновал в своей биографии, на самом ее старте, - когда, собственно, формируется мировосприятие, - этого компрометирующего эпизода. И если сегодня искусство все яснее прозревает концептуальную взаимосвязь наших анатомических полюсов (что, повторим, несводимо к проблематике гомосексуализма) - значит, познавательный разрыв между нами и реальностью неуклонно сужается.

Ведь рано или поздно, но мы приближаемся к истине, - если не закрывать глаза на неудобные моменты своего прошлого, и называть вещи своими именами.

Апория сегодня.

Хроника падающего авиалайнера

Навязчивые мысли о возможной авиакатастрофе, посещающие нас нередко перед и во время вполне будничных перелетов, необъяснимы одной только повышенной (скорее, по субъективным оценкам) вероятностью гибели в пути. Думается, здесь следует искать другие факторы или нюансы.

Во-первых, умереть в небе. Или упав с неба. Уже готовая (подсознательная) метафора - только чего?.. Может быть, эмоционального упадка, неизбежного экзистенциального провала сразу после состояния наивысшего счастья? Post coitum - пошутит кто-то, и это почти та же метафора, только вид снизу...

Нет, тут что-то гораздо более драматическое. Дело в этой гарантированной паузе между возникновением смертельной опасности и собственно смертью. Чьи-то последние минуты или секунды на борту - невероятно волнующий, раскаляющий воображение образ. Остаток жизни, внезапно свернутый в тысячи или миллионы раз, бешеная интенсивность его проживания, скудный, но неординарный выбор, как его прожить, знакомые из кинематографа и будоражащие память варианты этого выбора - вот почему мало кто из нас остается равнодушным, узнав об очередном инциденте.

Кажется, самый интригующий вопрос, касающийся разных эпизодов 11 сентября 2001 года: как вели себя после захвата "боингов" их пассажиры? Что они предпринимали и вообще пытались ли что-то предпринимать? Один из самолетов, как известно, вместо заметных и знаменитых мишеней обрушился на ничем не примечательную равнину (лично мне хочется верить, что на самом деле его конечной целью был Голливуд); спецслужбы США, естественно, взяли сей факт на себя: дескать, это мы отследили и сбили. Но гораздо более правдоподобным и прекрасным выглядит предположение о бурных событиях на борту, где члены экипажа или даже, скорее, пассажиры могли своевольными поступками нарушить планы захватчиков. Тот же Голливуд в фантастических блокбастерах внушает нам (за что ему искреннее спасибо) уже почти инстинктивную максиму: "Спасти мир!" Нам хочется верить, что было именно так, мы мечтаем о ярких примерах проявления воли и благородства. Об этом есть и старая советская песня - про летчиков, ценой своей жизни не допустивших падения аварийной машины на населенный пункт: "А город подумал - ученья идут..."

Впрочем, спасен или нет мир (социалистический

город, Эмпайр Стейт Билдинг, Пентагон etc), для людей в самолете итог приблизительно тот же: груды обломков, перемешанных с фрагментами тел. Более того, итог одинаков для героев, которые пытались что-то сделать, и для тех, кто смирился, и для тех, кто, собственно, захватил самолет. "Святость и сволочь сгорают, не чувствуя дыма - все совершенно на дне драгоценных развалин" (*Иван Жданов*). Если героизм не вознаграждается спасением, а увенчивается взрывом наравне с негодьями, причинившими несчастье всем остальным, - значит, есть в этом героизме некий абсолютный, самодостаточный смысл? Настолько величественный, что получает награду, идентичную каре за преступление.

Тебе предлагают стать баллистической ракетой, введомой внешней по отношению к тебе силой. Ты стремишься изменить роль - возможно, просто в любую другую сторону, лишь бы не идти по навязанному пути. "Человеческое, слишком человеческое"? Дело, наверное, в том, чтобы отнестись (успеть отнестись) к оставшемуся тебе до смерти отрезку жизни не как к смерти, а как к своей жизни вообще.

Вот отчего, возможно, всех так волнуют "черные ящики", почему-то всегда сохраняющиеся после катастроф (их, кстати, обычно ищут удивительно долго). Мы подсознательно ждем доказательств чужого героизма, чтобы больше верить в собственную человеческую сущность. И в способность не ударить в грязь лицом, если забарахлит пламенный мотор или кто-то из мирных соседей по салону обернется угонщиком или смертником-террористом.

Это когда мы на земле. А во время полета мы не можем избавиться от сожалений о не сделанных в жизни масштабных или, наоборот, пикантных делах. И когда экипаж ни шатко ни валко прокатывает машину по посадочной полосе, раздражаемся катарсическими аплодисментами. Некоторые даже стоя - те, кто размышлял перед этим плодотворнее других. Эти овации, ставшие новой неписаной традицией в сфере воздухоплавания, подчеркивают неумную метафоричность нашего мышления: умеем-таки отнестись к рутинному труду извозчика, как к искусству. Наилучшее исполнение награждается единодушными хлопками зрителей. Наихудшее же - чем-то вроде ответа на кошмарный коан: "НО КАК ЗВУЧИТ ОДНОЙ ЛАДОНИ ХЛОПОК?.." Как писал в нобелевской лекции Иосиф Бродский, в настоящей трагедии гибнет не герой - гибнет хор.

Поразительно, но паника на борту в трудных ситуациях, как показывает авиационная практика, - случай далеко не частый. Психология пограничных состояний обязана еще разобраться, почему погибать в большой компании настолько менее страшно, чем в одиночку. Зато фольклор с этим разобрался давно: "на миру и смерть красна"; "за компанию и жид повесился"; "умирать, так с музыкой" (последнее, впрочем, скорее, тоже отдельная тема).

Размышляя о микромире падающего авиалайлера, невольно применяешь к ситуации школьное знание о законах всемирного тяготения. Свободное падение тождественно невесомости; известно, что в пикирующих истребителях издавна тренировали космонавтов и снимали краткие "орбитальные" и "межзвездные" эпизоды фантастических фильмов. Таким образом, мыслящее существо в гибнущем самолете оказывается на одну диковинную ступень ближе к Космосу, чем остальное человечество.

А ускорение, с которым оно мыслящее существо приближается к центру Земли, неуловимо напоминает о чем-то более глобальном.

Падающий самолет - довольно точная метафора Нового времени. Еще ближе и уже - Новейшего периода Нового времени Новой эры. Мир исторической реальности несется куда-то с ускорением, мимо что-то мелькает - учащающиеся политические конфликты и войны, все новые и все более многообразные социальные феномены, художественные стили, научные открытия, технологические разработки... А тотально рассыпающиеся иерархии религиозных, морально-этических и прочих ценностей свидетельствуют о наступлении чего-то, весьма похожего на состояние невесомости. Ошеломляющая иллюзия (?) всеобщего свободного падения куда-то в неизвестность. Мир-самолет потерял управление, захваченный неведомыми злоумышленниками?

"В единицу времени происходит все больше и больше событий, пока не произойдет ВСЕ" (*Михаил Эпштейн*. "Парадокс ускорения", 1988). Но Конец времен - это не совсем даже и метафора, мы уже почти физиологически ощущаем опасность удара. Обо что? Какое космическое тело или, возможно, неумолимо-притягательная титаническая духовная сущность движется навстречу нам все быстрее? Но так ли важно, во что именно мы врежемся всей громоздкой и липкой массой нашей цивилизации, обо что коллективно гомерически гробанемся - об астероид с древнеегипетским именем Апофис, о Третью Мировую, о деградацию генетически модифицированной биосферы, о глобальное потепление с новым Всемирным потопом?..

Но пока что мы все приближаемся и приближаемся к точке финала, и кто сказал, что приближение это не окажется на самом деле вечным и непрестанным? Типичная греческая апория: когда кто-то стремительный - то ли заяц, то ли Ахилл

(сегодня науке известно, что это один и тот же персонаж) - стремится догнать черепаху (которая все тот же персонаж), бесконечно нагоняет ее и не может догнать. Это мы: мчимся за самими собой, пытаемся заглянуть за плечо, разглядеть собственный профиль.

Такое "торможение внутри ускорения" напоминает снова о законах физики. При падении не на обычное космическое тело вроде планеты или звезды, а в сингулярность, т.е. в "черную дыру" - ловушку материи, затягивающую внутрь себя соседние участки Вселенной, притом сжимающуюся до такой плотности, что гравитация не отпускает с поверхности даже кванты света, - происходит эйнштейновское замедление времени. Те минуты, максимум часы, которых вроде бы достаточно для достижения центра сингулярности, растягиваются в годы, сотни, тысячи лет. И, по предположению некоторых теоретиков, проваливающаяся в эту дыру злосчастная материя не застревает в центре, а пролетает насквозь, выбрасываясь веером где-то в ином измерении. В упокоительной пене на побережье звездного океана. В абстрактно-теоретическом райском саду. Быть может, нечто подобное ожидает и нас - вместо ядерной катастрофы или Страшного суда?

Вполне закономерное продолжение сценария с захваченным самолетом.

Значит, мы падаем не "на" и даже не "в", а "сквозь". Аэродинамическая испытательная труба - и свет в конце туннеля. А вылетев наружу через час, лишённые памяти о тысяче лет погружения, мы будем безуспешно искать "черный ящик", свидетельство о пропущенном Конце Истории, подробный рассказ об обстоятельствах падения в "черную дыру".

И все же между этими двумя крайними примерами взаимных метафор - редчайшим частным (падающий самолет) и всеобщим (ускорение истории) - есть, возможно, некий промежуточный, не менее эсхатологический смысл, несущий в себе симметрично оба оттенка.

Это просто приватная жизнь многих из нас, последний ее отрезок, твое личное Новейшее время.

Это вторая половина любой жизни, когда признаки старения, ускоряясь и множась, захватывают территорию живого тела, когда страхи и разочарования атакуют душу. Когда жизнь свою отмеряешь уже не от старта, а от финиша. Когда элементарная формула "чем дольше живешь, тем больше позади воспоминаний" перетекает в не менее элементарную: "чем дольше живешь, тем меньше воспоминаний впереди". Одноместный самолет твоей жизни захвачен террористом-смертником, который оставляет тебе все меньше времени для пикантных и масштабных дел, все меньше и меньше шансов на Поступок, все меньше и меньше собственно тебя. И преступник этот - ты сам, каким ты был на всем протяжении предыдущей жизни.

Геннадий Казов

Восьмидесятые в воспоминаниях.

Алексей Парщиков.

К сорок первому дню, после жизни.

Алексей Парщиков умер сорок дней назад. В это время всякая обращенная к нему фраза с приветственным «ты» все еще привычно отлетала далеко за океан, в сторону Кельна. Там он жил последние годы.

Через сорок дней после смерти душа покидает Землю, земные родственные и близкие ей души. Сегодняшнее «ты» уже обращено в никуда. В бездарное Nowhere.

*Исчезновение ежа – сухой выхлоп.
Кто воскрес – отряхнись! – ты весь в иглах.*

Ты помнишь, я сравнивал подборку твоих стихов (крупная машинопись в пачке измятой писчей бумаги - всегда в наплечной сумке, по соседству с фотоаппаратом) с видением того, что происходит с телом в миг физической смерти? Ты тогда, размышляя о чуде фотографии и оптике фасеточного зрения насекомых, писал покадрово, замедленно:

*Бегун размножит веером легко
от бедер дополнительные ноги,
сам за собой построится гуськом
и дышит сам себе в наспинный номер.*

*Он чертит зубчатые стены,
а лопнет в нем пружина стадиона,
поочередно рушатся, как кегли,
лбы лба и руки рук с разгона...*

Остановленное мгновенье прекрасно. Хочу верить предчувствиям «Фауста». Собственно, если любимый нами Хлебников пытался выйти в будущее, то ты – в настоящее. В твоих масштабных текстах, смонтированных по кинема-(фо)тографичным зако-

нам блокбастера, тема смерти зрима. Она проявляется с каждой строкой, как образ на негативе под чарами фотопроявителя. И закрепляется в биографии автора закрепителем, который не минует никого из нас.

Смерть, пытался я себя и тебя убедить, есть продолжение фотовспышки. Конечная остановка луча в Настоящем. Русский язык факт смерти определяет банальным, фатальным словом: настоящее.

На-стояние. Застывшее и бесконечное стояние. Время настоящее длительное - The Present Continuous Tense. Это когда прошлого нет, как не было, а будущего не будет. Одно сплошное на-стояние, вечная остановка в нЕкогда, то есть еще при жизни, неуловимом, эфемерном настоящем.

Смерть – это когда удаляется весь впечатлявший тебя мир со скоростью секундной стрелки, будто рванувший перед тобой вагонный состав, а ты опоздавшим пассажиром настаиваешься в наступившем безвременье, которое прекрасно и райской тишиной, как в детской игре «в замри», и впечатляющими кадрами финального удара судьбы об остановившееся мгновенье.

Смерть – это когда на-стояние на-ступило. Фрагменты катастрофы прекрасны еще и видом тела во множественном числе: сплюсненного, веером распавшегося, размноженного в самого себя и вовне тела.

Намертво врезавшегося в свой смертный час.

Ты ведь эту катастрофу наблюдал не раз: нескончаемые озноб да рябь внутри застылости и немоты, на острой грани, которая в прощальное мгновение ока отрезает жизнь от смерти:

*Озноб чеканки. Рябь подков.
Стоят часы. Стоят тюльпаны.
И вывернутые карманы*

торчащих колом облаков.

Ты мне тогда, кажется, не поверил. Да, я и сам не верил тем мыслям в ту странную сиюминутность. Мы любили говорить обо всем, моделировать тексты и конструировать реальность. Мы были на двадцать пять лет моложе, полны энергии, надежд, планов. И я до сих пор не верю, что в своих стихах ты говоришь о смерти. И в то, что тебя уже нет, я тоже не верю.

Эти мои заметки никак не воспоминание о тебе и не прощание с тобой, а продолжение нашего общего разговора, состоявшего из многих бесед по-русски, а позднее по-английски on-line, из меняющейся топографии и из часов, проведенных вместе в дерзкой и самоуверенной молодости.

Я перечитываю сегодня твои книги и не собираюсь писать о том, что значат они в современной поэзии. Не время. Давай это дело оставим литературоведам и критикам. Как ты заметил: «Мы просто писали, а критики ходили вокруг нас и группировали, как Дарвин или Линней каких-нибудь насекомых.» Пусть группируют, распознают. Опишут и ославят.

Мне представлялось, что через сорок дней написать о тебе будет легче, чем в первые недели после твоей смерти. Ничуть.

...

Я могу точно назвать дату нашего с Алешей Парщиковым знакомства. И в том нет никакой заслуги моей памяти. Она – дата – была зафиксирована самым тривиальным образом посредством записи на бумаге, а точнее автографом поэта Вани Жданова, с которым я познакомился в тот же день.

Бессмысленно говорить о случайностях, коих, как известно, не бывает («...Случайное, являясь неизбежным, / приносит пользу всякому труду»). Ко встрече с этой парой из легендарной тройки метаметафористов (Парщиков по отношению к им написанному категорически использовал введенный культурологом Михаилом Эпштейном термин «метареализм») я уже был готов. В немалой степени помогла мне в том работавшая в журнале «Литературная учеба» Маргарита Михайловна Монахова.

Году в 1982-м я послал на адрес редакции «Литучебы» подборку своих текстов в силлаботонике. Монахова собственноручно ответила пространственным письмом, в котором кроме полагающейся критики присутствовал некий интерес к моим ремесленным занятиям.

Вещь необычная как по тем, так и по нынешним временам. Как правило редакция распределяет по литконсультантам тонны присылаемой читателями высокохудожественной макулатуры. За скромную плату (в те годы от 5 до 20 рублей за рецензию) обозленный на безденежье, убогие жилищные условия и никчемное супружество литконсультант исходил желчью по поводу любой рифмы, размера или метафоры.

Маргарита Михайловна вступила со мной в переписку. Активной назвать ее было нельзя – письмо в два-три месяца, но для меня каждая строчка была манной небесной. Невероятно загруженный, столичный человек из сугубо литературного периодическо-

го издания реагировал на мою писанину, в то время как прочие рецензенты достигали «зияющих высот» эпистолярного жанра, изголяясь по любому поводу, включая и зазря пропущенную запятую.

Строка с рецензионного листа раскатывалась дорожкой в извилистый, всегда индивидуальный творческий путь. На нем стоял матерый литконсультант и сек молодым поэтам головы. Видимо, заботясь о том, чтобы они не старели.

Результат известен: поколение 1980-х задержалось в «молодых» на десятилетия.

Появление в моей жизни Монаховой стало одной из причин моих поездок в Москву. До этого я в Москве, практически, не бывал, наезжая по четыре-пять раз в году в Ленинград. Там я останавливался у Алика и Любы Кан, погружаясь на неделю-другую в питерский андерграунд – с Курехиным и Африкой, «Аквариумом» и «Странными играми», Тимуром Новиковым и Ефимом Барбаном...

Из Питера ночной «Стрелой» я добирался до столицы, и проводил там несколько дней. Обязательно приезжал на улицу Правды и заходил в редакцию «Литучебы».

Кстати, Монахова познакомила меня со своим коллегой по журналу, поэтом и переводчиком с польского Вадимом Перельмутером, знатоком русской поэзии и Вяземского (книжка «Звезда разрозненной пляды»). С Перельмутером я мог бы беседовать (вернее, слушать его) часами, отдайся он разговору на весь свой рабочий день. На деле же, любая тема ограничивалась скоростью выкуриваемой им в коридорах редакции сигареты, хотя курил он часто.

В моей московской телефонной книжке начала-середины восьмидесятых (алая пластиковая суперобложка с надписью на зависть всем провинциалам: «Спутник москвича») они стоят рядом. Страничка на букву «П» начинается в следующем порядке:

Парщиков Алеша, Оля ...

Перельмутер Вад. Григ. ...

Прийма Алексей, Лидия ... (Алексей – поэт и крупный специалист по изучению НЛО: Неопознанные Летящие Объекты, а не «Новое Литературное Обозрение»).

Прачечная...

Почта...

Пригов Дмитр. ... – (не только с телефоном, но сразу и с адресом).

В очередной раз я прибыл в Москву уже с парщиковской поэмой «Новогодние строчки», опубликованной в первом номере «Литучебы» за 1984 год, и с надеждой познакомиться с автором.

Работники в редакции мне ничем помочь не смогли. Вадим Перельмутер лично Парщикова не знал и, насколько я мог понять, поэтические изыски метареалистов его мало интересовали. Зато Маргарита Михайловна дала мне номер телефона какого-то своего приятеля, который «должен быть в курсе».

Я позвонил этому приятелю (ни имени его, ни паролей не помню). Без энтузиазма тот сообщил, что с Парщиковым виделся один раз в жизни, однако представляет, у кого можно раздобыть телефонный номер Ивана Жданова.

На следующий день с утра я уже знакомился с Ваней по телефону.

Мы встретились через несколько часов где-то на улице Воровского, забрели в ближайшую кофейню и я честно признался, что почти ничего о поэте Жданове не знаю.

За исключением нескольких запоминающихся цитат в статье Константина Кедрова в «Литучебе». Статья предлагала широкому читателю (естественно, с поправкой на тираж этого всесоюзного узкоцехового журнала) кедровский термин «метаметафора», привязанный к трем именам московских поэтов: Иван Жданов, Александр Еременко, Алексей Парщиков.

А предваряла статью поэма «Новогодние строчки», которая привела меня в восторг и, в результате, привела к нашей со Ждановым встрече, чтобы привести в тот же день к знакомству с Парщиковым.

Такая вот история о привЕдениях.

Ваня Жданов был немногословен. Сухой, высокий, шукшинский типаж крестьянского парня, он казался мне подростком перевертышем чеховского Ваньки Жукова: «милый дедушка» услышал ванькину просьбу и, все-таки, перевез его: правда не из Москвы в деревню, а наоборот – из села в Алтайском крае в столицу, чтобы внучек, повзрослев, принял там нелегкую судьбу поэта.

В то время я безсистемно увлекался мифами и эпосом, восточными религиями и западной философией, этнографией, шаманизмом да космологией (в лице трудно доставаемых, чаще всего в ксерокопиях, Бахтина и Якобсона, Фрэзера и Элиаде, Фуко и Кастанеды, Мандельштамо-Пастернако-Цветаево-Бродского и будетлянина Хлебникова с футуристами, с ОБЕРИУтами, с теориями Циолковского и моладами Лейбница: мешанина была душераздирающая; с точки зрения психоанализа, вероятно, клиническая).

Короче, те кто знают, о чем и как пишет Ваня Жданов, поймут: тем для разговора у нас с собой было. Я прочитал какие-то свои тексты – проблематика соответствующая (см. перечень выше); Ваня в ответ пообещал подарить свою книжку, для чего нам необходимо было покинуть кофейню и зайти к нему домой. Жил он на съемной квартире где-то неподалеку.

Едва выйдя из кофейни, мы столкнулись с направившимся туда Парщиковым. До сих пор не имею представления, чем это место так привлекло в тот день их обоих. Никогда после я туда не заглядывал и сегодня уж не припомню, где оно находилось.

О том, что встреченный передвижной объект был не кто иной, как Парщиков, я узнал немедленно. Ваня нас познакомил, я восхитился щедростью судьбы (и Жданов, и Парщиков сразу, в один день) и сообщил Леше, что его «Новогодние строчки» до сих пор горят в моем сердце бенгальским новогодним огнем.

Как после этого было не обмениваться телефонами.

Затем мы простились и продолжили путь к ваниной квартире.

Я держу в руках потрепанный, бумажный прямоугольник из литсерии «Новинки «Современника». Сборник стихов «Портрет», 1982 года выпуска. С женским полупрофилем в вертикальном радужном

овале и деревьями черной тушью на сине-белом пейзаже лощеной обложки. Как шутил Парщиков, читатель отныне и вовеки веков пребудет в уверенности, что на портрете – сам автор сборника, 34-летний Иван Жданов. Так вот, простенько, девушкой с длинными прямыми волосами.

Всего 64 страницы. На первой мелким ждановским бисером, на дарственной мысли сфокусированным петитом – голубой шариковой пастой:

*Гене Кацову
на память
эту книжку,
которая привела
его сюда, в Москву
Жданов 21 марта 84 г.*

Мы познакомились с Алешей Парщиковым 25 лет назад, 21 марта 1984 года. Лепкой лица он походил на «Великолепного» Бельмондо: те же резкие морщины на лбу, крупный барельеф носа (уже само по себе выдающаяся скульптурная деталь) и широкие губы, объемно выступающие не только над подбородком, но и – берите ниже – над всей выпуклой грудью. Да еще глубоко посаженные, пытливые, лукавые глаза. В варианте Парщикова пропорции Бельмондо были небрежно смещены, но Бог Деталей свое дело знал, и в подробностях поэт и актер были в чем-то похожи (а как иначе: поэт – тире – лицедей – и – тире – наоборот). Да, и обаяния обоим было не занимать.

В 1984 году Парщиков был автором «Новогодних строчек», недописанной «Я жил на поле Полтавской битвы» и тысяч строчек, соответствовавших его взглядам и настроениям в иные времена года. От «Истуканы в саду на приколе,/ как мужчина плюс вермут пьяны...» до «А на ноже срастались параллели./ И в Судный день она зазеленели» (этих строк, заключающих стихотворение, посвященное В.Ч., почему-то нет в самом полном сборнике стихов «Выбранное», составленным самим Парщиковым).

Любопытно, что вечер памяти Парщикова к сорока дням со дня его смерти прошел 12 мая в Центре современного искусства «Винзавод». Символично и по отношению к его юности, когда редкий день проходил без вина; и по отношению к тому времени, когда алкоголь стал его смертельным врагом. Во время нашей последней встречи, в Нью-Йорке, в манхэттенской «Русской Рюмочной», кажется, в 2001 или 2002 году, я выпивал уже один.

В московскую бытность мы с Лешей периодически выпивали в подъезде одного из домов у метро «Белорусская», перед тем, как посетить какой-нибудь поэтический вечер или вернисаж. Стратегически выгодное место: недалеко и до «Юности» с литературными чтениями у Кириллы Ковальджи, и до Малой Грузинской с вернисажами-выставками то «20», то «21». Я уже однажды описал эти посиделки в воспоминаниях о наших выступлениях с музыкантом Сергеем Летовым.

Нам нравилось эпатировать самих себя, будучи одновременно и публикой, и хором, и декорацией. Мы с удовольствием заводились по любому поводу, будь то дамы сердца, алкоголь, чтение друг другу

стихов или вояжи «автопилотом» по Москве с каким-нибудь переводчиком-славистом.

Часто приезжал финн Юкка Маллинен, закончивший в 1970-х МГУ и переведший в дальнейшем на финский всех, кажется, значимых современных русских поэтов, от Бродского до Кутика. Лет пятнадцать спустя Юкка станет автором антологий современных русских прозы и поэзии на финском языке.

Примерно в одно время мы с Лешей прочитали «Москва – Петушки», и старались следовать логичной идее почаще проверять олитературенную теорию на практике. Мы почти не экспериментировали с ерофеевскими коктейлями, но при встрече брали венечкины навыки и советы на вооружение. Юкка с энтузиазмом нас поддерживал. А какой финн не любит быстро напиться до первой звезды?!

Несколько лет спустя, в конце восьмидесятых, венечкин шедевр был необычайно высоко оценен в пьющей не по детски (в основном, на ленинградском туристическом направлении) Финляндии. Сразу после выхода романа в финском варианте, Ерофеев стал умом, честью и совестью массового финского читателя.

К Парщикову я периодически навещался, иногда оставаясь на ночь. В то время они с Олей и маленьким Тимофеем жили в Ясенево, в квартире с крошечной кухней, отлично приспособленной для ночных бдений (как водится). Сидели до поздна, говорили обо всем, пили изрядно. Музыка негромко неслась из редкого в те советские годы «бум-бакса» японского, кажется, происхождения (или это был европейский «Philips» (?), но точно - ядовитого красного цвета).

Вдруг вспомнилось, как однажды, в пьяном кураже мы добирались откуда-то из центра Москвы на окраину, к Парщикову домой на такси. Угостил поездкой Юкка. В те годы на такси мало кто ездил из моего окружения, хотя цена 10 копеек за километр (могу ошибаться) не казалась смертельной. Просто копейка к копейке рубль будет, а с рублями нередко приходилось туго.

У Парщиковых было по-семейному уютно. Похоже, Оля в немалой степени жила лешиную жизнью в те годы. О чем бы он ни говорил (всегда убежденно, подыскивая самые верные слова и словно оглядываясь на себя со стороны – при этом активно не забывая выслушивать собеседника): о литературе или снятых накануне фотографиях, статье в каком-нибудь западном журнале или светских новостях, Оля с интересом принимала участие в разговоре и привносила в него что-то свое, лаконично и в тему.

Уже здесь, в Нью-Йорке, я посмотрел ольгин «Черный квадрат» и узнал, что Оля Свиблова возглавляет "Московский дом фотографии" (с более поздним названием "Мультимедийный комплекс актуальных искусств"). Сама собой составила логическая цепочка: фотографии Парщикова – Олин «Московский дом фотографии» – профессиональные фотографии Тимофея, которому сегодня двадцать шесть. Фамильная династия, как результат фанатичного увлечения Парщиковым фотоделом, что легко определить и в добровольно взятом семейном подряде, и в каждом лешинем тексте.

После публикации в «Литучебе», Парщиков стал

известен в Москве. Первый вечер, на который он меня пригласил, как слушателя-гостя, был во ВГИКе, совместно с Юрой Арабовым. Они тогда часто выступали вместе. Вечера собирали полные залы, мнения слушателей после прочтения текстов резко разделялись. От «фигня полная» до «гениально».

Летом 1984 года мы с Лешей договорились пересечься где-нибудь в Крыму, на несколько дней. Я уехал в Херсон, откуда мы с друзьями собирались отбыть на неделю в Лазурное, а оттуда в Коктебель. Парщиков поехал под Полтаву. Договорились созвониться.

Скорее всего, во вторую или третью среду августа, поскольку «Литгазета» выходила по средам, рано утром в моей херсонской квартире раздался звонок. Голос Парщикова срывался на соловьиный свист: «Ты представляешь. В «Литературке» статья Сергея Чуприна о нас. Срочно купи. Читатели расхватают. Статья называется «А что за сложностью?..» Мы победили их, Гена, мы победили!!!»

«Их» - это, видимо, всех членов СП и всякий-прочий официоз.

Понятное дело, я бросился в киоск покупать газету. Статья была на весь подвал. Парщикова, Еременко и Жданова обильно цитировали, и не самым лояльным, по отношению к текстам, образом комментировали. Но это был прорыв.

Я никогда ни до, ни после этого таким счастливым и потрясенным Парщикова не слышал.

Ранней весной 1985 года по приглашению Алика Кана, который в то время был президентом ленинградского Клуба современной музыки «Квадрат», я приехал в Ленинград на очередной рок-фестиваль, традиционно проходивший в ДК на Рубинштейна, 13. В тот мой приезд я познакомился с поэтом Аркадием Драгомощенко и нам пришла идея провести встречу с московскими поэтами в уже известном тогда, официальном литклубе неофициальной литературы Ленинграда «Клуб 81».

Я вернулся в Москву и позвонил Парщикову. Ему эта идея понравилась. Мы согласовали с ленинградцами время и место. 8 мая несколько московских литераторов выехали вечерней «Стрелой» в Ленинград. На вечер поехали Илья Кутик, Саша Самарцев, еще несколько человек. Мы выступали в небольшом клубном помещении на первом этаже на улице Петра Лаврова. Присутственное место кресел на пятьдесят не вместило всех желающих и пришедшие толпились за раскрытыми настежь окнами. Каждому из выступающих выделили от паузы, минут по тридцать.

Поскольку со второго мая я бросил курить (и честно не курю с тех пор), то впечатления мои были сильно смазаны диким ежеминутным желанием затянуться никотином.

После выступления в какой-то мансарде состоялось братание с лучшими представителями «Клуба 81». Выпивали, закусывали, опять читали стихи. Парщиков был нарасхват. О его «Новогодних строчках», само собой, знали. Он был, практически, единственным из присутствовавших на Петра Лаврова литераторов, опубликованным в СССР. Правда те, кто предпочитал андерграундные питерские «Часы» или «Митин журнал», официализацию Парщикова

явно не одобряли.

Именно тогда Парщиков впервые встретился с Драгомощенко и они и крепко подружились. Леша становился все более известен в Ленинграде. Уже на следующий год ему вручили питерскую литературную премию им. Андрея Белого (за 1985-й): бутылка «Водки» и российский мятый рубль. Престижная премия до сих пор.

С Алешей довольно часто мы встречались в центре Москвы. Не там, где «всего круглей Земля», а в Александровском саду, у западной стены Кремля. Парщиков бродил с фотоаппаратом. По-моему, он состоял в чемпионской команде фотографов (это было еще до его работы в "Дружбе народов"), снимавших группы туристов у Вечного огня, у Кремлевских башен и прочее. Видимо, какой-то доход такое предпринимательство приносило. **примечание 1**

Мне, слонявшемуся с Парщиковым вдоль кремлевской стены часами, как-то особенно дороги и понятны его строчки из поэмы «Деньги»:

*В махровом рое умножения,
где нету изначального нуля,
на Каменном мосту открылась точка зрения,
откуда я шагнул в купюру «три рубля».*

Возможна здесь и перекличка с Вознесенским, которого Парщиков высоко ценил, уважал и нередко цитировал.

*Я не знаю, как это сделать,
но, товарищи из ЦК,
уберите Ленина с денег,
так цена его высока!*

Это Вознесенский.

Перекличка, естественно, не по существу, а по теме и «просодии» (кстати, в отсутствие которой упрекнул Лешу в письме к нему Бродский).

Парщиков как-то сообщил мне о Бродском: «Обычный европейский гений». Сухо впечатал, для передачи потомкам и общего эпатажа.

*В расклеенном на уличных щитах
«Послании к властителям» известный,
известный местный кифаред, кипя
негодованием, смело выступает
с призывом Императора убрать
(на следующей строчке) с медных денег.*

Это Иосиф Бродский. С его отношением к Вознесенскому вообще и к призыву «убрать» в частности.

Мы расходились в отношении к Бродскому и Вознесенскому, причем Парщиков, отдавая Бродскому должное, не занимался сравнительным анализом, стоя на своем: Вознесенский – священная корова современной русской поэзии. И как жена Цезаря – вне подозрений! (Здесь ведь Гай Юлий поступил мудрейшим образом, поскольку жены, в итоге, не стало: «Уходи, Помпея, я с тобой развожусь. Жена Цезаря должна быть вне подозрений!» Отличный PR ход).

Леша и читал, как Вознесенский: артистически жестикулируя, вынося ритмично руки попеременно

вверх, читая нараспев и четко донося слогами поэтический ритм. Он даже горбился, как Андрей Андреевич, по совиному, целуя губами навывкат чувствительную сетчатку микрофона.

Как Вознесенский, Парщиков был крайне осторожен и в своих действиях внутри «цехового братства». Его поэтические акции были выверены до мелких деталей. Он был крайне разборчив в месте и времени выступления. В одном из первых московских «свежеперестроечных» массовых вечеров 1985 года в ДК им. Зуева, недалеко от «Белорусской», Парщиков участия не принимал, уйдя-таки от ответа, выйдет он на сцену или нет.

Это можно понять, поскольку никто не знал, чем для каждого участника по отдельности такое выступление могло закончиться. Стихи не залитованы, вечер непонятно кем разрешен. Так недолго и «загнать под фанфары». Попадешь в «черный список» - и прощай перспектива публикаций собственных стихов и переводов, а в дальнейшем – забудь о приеме в Союз Писателей.

Мало кто тогда верил в возможность чтения со сцены «неофициальными» поэтами их стихов. Около трех часов вечер не разрешали начать «кураторы» и «цензоры» с Лубянки. Актный зал ДК был закрыт, сотни человек столпились на улице, у входа.

Ближе к девяти вечера, когда стало ясно, что толпа не разойдется, дали добро. Выступали: Саша Еременко, Игорь Иртенев, Володя Вишневский, Володя Друк, Витя Коркия, Геннадий Кацов. Сегодня трудно вспомнить, много всего с того времени произошло и, возможно, я кого-то упустил. После этого вечера было еще немало выступлений, а с открытием Клуба «Поэзия» осенью 1986 года поэтические вечера проходили по несколько раз в неделю на самых разных площадках. **примечание 2**

Когда открылся в 1986 году клуб «Поэзия», Леша не торопился посещать его заседания и выступления. В отличие от концептуалистов, которые без лишних слов вошли в состав клуба. Тактически я мог это понять: к перспективам полуофициальных Жданова, Еременко, Парщикова «Поэзия» вряд ли бы что-то добавила, зато помешать могла; а неофициальным Пригову и Рубинштейну с точки зрения официоза терять было нечего. Я тогда представить не мог, чтобы в советской периодике появились их тексты. Интересно, что впервые Дмитрий Александрович Пригов был опубликован в СССР в журнале «Клуб и художественная самодеятельность», №16, август 1987 года, в одной подборке с Юрой Арабовым, Евгением Бунимовичем, Виктором Коркия и другими членами клуба «Поэзия».

К тому времени Леша уже готовил свою первую книгу, вышедшую в 1988 году в Дании, а затем «Фигуры интуиции» от 1989 года. Он все больше осознавал себя, как self made person, и все отчетливее понимал, как и многие из нас, что Перестройка – его реальный шанс. Публикации, конференции, выступления.

Вообще в Леше поразительным образом уживались самые разные качества. С одной стороны осторожность, граничащая с рассчетливостью и умением идти на компромиссы, пробивая себе дорогу к литературному Олимпу. Из воспоминаний алешиного

близкого друга Рафаэля Левчина, бывшего киевлянина, живущего в Чикаго: «... в журнале "Радуга" печатают стихи Парщикова, а вскоре в журнале "Юность" появляется хвалебная рецензия Парщикова на сборник стихов Мезенко, зав. отделом поэзии "Радуги". Хотя Парщиков не хуже меня знает, что Мезенко - не поэт, а графоман, облеченный небольшой властью... Ничего не поделаешь, за выход в печать надо платить.»

С другой, удивительная открытость, восторженность и легкость в общении, которого у него было в избытке. Вокруг Парщикова всегда крутились литераторы, художники, киевские друзья юности, московские комсомольские работники и просто любители выпить, закусь да поболтать.

В 1989 году я эмигрировал в Америку. Именно 12 мая я приземлился в ньюйоркском аэропорту им. Джона Кеннеди. Ровно 20 лет назад.

С тех пор наше общение с Парщиковым продолжалось, в основном, в эпистолярном жанре.

«А я хочу пригласить тебя. Ты можешь ворваться в любую минуту, я тебя, естественно, встречу, и мы три-четыре дня проболтаемся и кое-что накидаем. Чем скорее ты приедешь, тем лучше. Потому что в этом семестре у меня уже будут почти все классы англоязычные и весьма престижные, так что я должен буду относительно вкалывать. ОК, появляйся и не думай о ночлеге», - написал мне Леша в Нью-Йорк из Стенфорда. Жаль, приехать в тот раз я не смог.

Алеша любил английский и прекрасно на нем говорил и писал (тем более, после аспирантуры в Стенфорде). В 1998 году он подписал мне книжку «Переписка» почти на английском: «Hi, Glen! Missing you, my hugs – Alexey Парщиков. Москва 8.22.98». Так вот, с переходом на фамилии с английского на русский. Уже в следующем году я получил от него «Выбранное» без странного микса: «Геннадия Кацову с любовью большой точности, твой-твой Парщиков Алексей Cologne 12.18.99». Не Кельн, правда, а с английской важностью Cologne. Так ведь географический пункт, в конце концов. Имеет право, как постоянный его житель.

Парщиков всегда считал, что проблема русского языка и русского менталитета - в отсутствии определенного и неопределенного артиклей.

Для меня открытием в свое время оказалась разница в определении Вселенной в обоих языках. В русском «Вселенная» - это все-ленность, безграничное протяжение-пространство, нескончаемая геометрия Лобачевского, или «долгомерия» по Хлебникову.

Жить во Вселенной – значит жить в бесконечном пространстве.

Living in the Universe – значит жить внутри всеобъемлющего Текста. Universe – это unі (всеобщее, единое, главное-первое); verse (слово, строфа, стих, версификация), то есть то самое Слово из первой строки «Бытия».

Только представьте: просто так, на бытовом уровне произнеся Universe, англоязычный человек соприкасается с Первотекстом. Со «все есть текст» Дерриды, с представлением структуралистов о речитексте, которая высказывает себя через нас. С вынесенным в заголовок сборника определением челове-

ка по Бродскому: «Часть речи».

Если для каббалиста перебрать алфавит – значит пройти Вселенную, то для человека, говорящего по-английски, существование во Вселенной – априори непрекращаемое космическое чтение.

Предполагаю, что в начале 1980-х Миша Эпштейн и Константин Кедров по принципу «хорошо забытое старое», интуитивно обозначали «метареализмом» или «метаметафорой» то, чему в английском дано расхожее, общедоступное определение – Universe.

Мета-мета-мета-текст.

Алеша Парщиков был человеком Вселенной, совпадая в этом с Председателем Земного Шара, его любимым Велимиром. Гул Вселенной звучал в каждом их тексте, а строка была устремлена к той Первой, Вселенской Строке, как к звуку камертона.

Они были универсальными людьми. Людьми Универсума.

Сегодня Алешина душа устремилась ввысь по вселенскому верлибру, став частью и продолжением единого поэтического стиха, его эталонной космической Версии.

Душа Парщикова отыщет во вселенском тексте душу Хлебникова. Им будет о чем помолчать.

Их души теперь «на всю длину потемок», в бескрайнем звучании Universe.

*Опять причал колотит молотком
по баржам - по запаянным вселенным,
и звук заходит в воду босиком
И отплывает брассом постепенно.*

Приношу искренние соболезнования родным и близким Алеша Парщикова, тем кого знал и с кем знаком не был. Ваши утрата и боль – и мои боль и утрата. И всех тех, кого Алеша называл «садом друзей».

Пусть «впечатленной светом» душе его no matter where будет так же беспокойно, как трепетно и беспокойно было ей на земле. И пусть тело его упокоится с миром.

P.S. Обещал вначале не воспоминания, а разговор. Получились воспоминания. Разговаривать («по техническим причинам», как заметил по другому поводу Юрий Михайлович Лотман) никак не получается.

12 мая 2009 года, Нью-Йорк

примечание1

Александр Самарцев:

"Чемпионские фотографии" - это я со своими курсантами. Я предложил Леше эту подработку летом-84 и несколько месяцев мы проехали вместе и высаживались на Б. Каменном мосту, поскольку именно из моего автобуса он и увидел знаменитый ракурс.

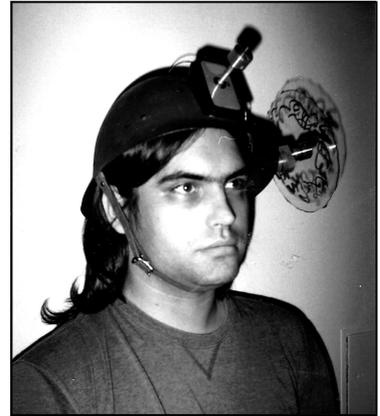
примечание2

Сергей Летов:

На вечере в ДК «Зуева» в 1985 году еще выступала наша группа, трио современной музыки ТРИ «О» (А.Шилклопер - волторна, А.Кириченко – туба, труба, С.Летов – бас-кларнет, саксофон, духовые). Это было первое выступление ТРИ"О" с поэтами, и,

Майкл Джейк Оберн

Иллюстрации Тима Гейза(США)
Перевод Глеба Коломийца

«Без слов»:

интервью с Тимом Гейзом

- Расскажите вкратце о себе. Почему Вы называете себя «автором», а не художником?

- Когда мне было 16 лет, я решил стать писателем. В то время я увлекался D&D и другими ролевыми играми, читал фантастику, увлекался мифологией. Мне хотелось писать романы в духе кельтских преданий.

Когда мне исполнилось двадцать, я приступил к делу: из под моего пера вышли неоконченный фантастический роман и триллер. Это были слабые произведения.

Когда мне исполнилось тридцать, я уволился из офиса и стал «свободным художником». Мой друг, авангардный художник Стюарт Коллинз многому научил меня: он дал мне почитать короткие рассказы Уильяма С. Берроуза, доказал мне, что простые каракули могут стать искусством. Он оказал на меня большое влияние, правил мои тексты, мы писали в соавторстве.

Где-то с 1996 года я начал искать единомышленников за границей. В «Словаре авангарда» Костлянеца, который я откопал в Южноавстралийской Государственной Библиотеке, был опубликован адрес художника Эрика Бельгума. Я написал Эрику, он выслал мне бандероль, в которой, в числе прочего, был журнал «Изгнанник» (*Exile*). Там был опубликован легендарный *Список Селби*, список контактов многих журналов авангардной поэзии по всему миру.

Так я вышел на связь с Джимом Лефтвайтчем, с которым до сих пор поддерживаю контакт. Мы помогали друг другу с публикациями, в соавторстве создавали асемические работы.

А на Ваш вопрос об «авторе» отвечаю так: в 1998 я путешествовал по Индонезии (Амбон и Папуа, несколько дней в Бали). Эта страна настолько меня вдохновила, что я решил написать книгу, сборник переводов Индонезийских сказок и магических за-

клиний. Однако, к большому моему удивлению, вместо текста у меня получались каракули и пиктограммы.

Первым моим намерением было составить из этих асемических материалов сборник, в духе типографского дизайна. Я не хотел, чтобы это был «альбом художника». Я носил свои работы в издательства, надеясь предстать перед аудиторией, заинтересованной в авангардных идеях, и просто любителей графических работ. Мне импонировала идея массового производства простого и доступного арт-продукта.

Простые черно-белые знаки проникают в сознание «читателя» глубоко и быстро, а значит, черно-белые символы оказывают на человека большее влияние, чем сами прочтенные слова.

Работа с цветом интересовала меня гораздо меньше. Сейчас в галереях много «живописных» асемических работ, которые хорошо продаются. Это направление меня мало интересует, там есть свои мэтры, пусть они занимаются своим делом, а я – своим.

Первые свои визуальные работы я делал на простых листах А4. Я задумался: что может сделать эти листы достойными сохранения, сделать их частью истории искусства? Что за красота или «интересность» должна поместиться на них, чтобы они стали «хранилищем» искусства?

Ведь то же самое можно сказать и о самиздатских журналах. Что в них такого, что люди бережно хранят доставшиеся им мятые, жалкие 8-страничные «журналки», напечатанные на простой белой бумаге?

- Что такое асемическое письмо и как Вы пришли к этому стилю?

- Лучше определение я прочел в журнале «*asemic movement* #1» (можно скачать с *vugg-*

books.randomflux.info, папка под названием "Tim Gaze").

Очень простое определение: текст который нельзя прочесть.

Конечно, можно было высказаться и точнее и сложнее. Однако, я верю в силу *этимологических ловушек*: слова могут обретать новые значения, иногда противоположные значению своих реальных этимологических корней.

Стоит Вам только произнести словосочетание «асемическое письмо», результат непредсказуем, вне зависимости от того, каким языком Вы пользуетесь.

Вместо «асемического письма» я предпочитаю использовать сокращение «асемик» или «асемики».

Слово «асемик» короткое, легко запоминается и не обременено лишними коннотациями, во всяком случае, на сегодняшний день.

- Какие идеи лежат в основе Вашей личной концепции асемического письма?

- Люди не думают словами. Слова – это последний этап мыслительного процесса, есть более глубокий пласт мышления, я в этом убежден. Коли так, то существует нечто помимо слов, способное отобразить наши мысли. Некоторые асемики, как мне кажется, могут сказать больше, чем слова.

Язык – это наносное, давление родовых связей. Если каждый сможет преодолеть свой личный язык, то есть шанс почувствовать свою вовлеченность во всечеловеческое целое.

Иногда я возвращаюсь к мысли, что асемическое письмо – первый шаг к телепатии.

- Существует ли духовное измерение асемического письма?

- А что Вы имеете в виду под «духовным»? Я бы сказал, что духовное – это в большей сама живая жизнь, чем деньги, материальное благосостояние и

успешная карьера. Дух – часть флоры, фауны, вселенной. Рациональный язык неспособен описать метафизику, а некоторые типы асемического письма – вполне годны к этому.

В племени БаКонго (Заир) есть традиция «духовного письма», практикуемого шаманами. У каждого шамана свой личный язык, который только он может прочесть (из-за этого можно усомниться в асемичности такого письма). Не уверен, что эта традиция сохранилась по сей день.

Позже эта способность внезапно проявилась у Дж. Б. Мюррея, афроамериканца, не знавшего английский. Он мог читать свои письмена, глядя через бутылку им же освященной воды.

И в некоторых направлениях даосизма существуют подобные практики. Мне встречались упоминания о духовном письме в Тайване. В этом обряде участвуют два жреца и писец, первый жрец, находясь в трансе, пишет, второй называет вслух китайские значения иероглифов, а писец заносит их в книгу (также на китайском, как я полагаю). Опять же, это не совсем асемическое письмо, но меня эта практика очень заинтересовала и вдохновила.

Японские каллиграфы, придерживающиеся дзенской традиции, такие, как Натенбо (или Натембо), пишут незавершенные или, наоборот, «избыточные» иероглифы. Некоторые из их работ не совсем читабельны. Это больше отметины, оставленные чистой энергией, нежели чем написание слов.

Для меня асемическое письмо – это очень насыщенное и напряженное занятие. Каждая линия, которую я наношу на бумагу с помощью китайской кисти или простого маркера, предельно выверена. Один друг, наблюдавший за тем, как я рисую, сказал, что это похоже на восточные единоборства. Очень сложно достигнуть достаточной степени расслабленности, когда за тобой кто-то наблюдает...

Гораздо легче просто писать или рисовать абстракции. Результаты не такие яркие, а иногда они мне кажутся просто убогими.

Из религий меня больше всего привлекает буддизм. Я вполне мог бы стать приверженцем какой-нибудь демократичной ветви чань-буддизма. А вот раньше мне казалось, что я даос.

Я бы не назвал себя аскетом: когда я хочу попить пива или дунуть косяк, я это делаю. Алкоголь и другие расширители сознания могут использоваться как причастие. Они помогают приоткрыть себя, заглянуть в потемки собственной души.

- Ваша книга «Ноология» кажется мне переходным звеном между абстрактным экспрессионизмом и асемическим письмом. Вы часто используете иностранные языки. Значит ли это, что Вы долго и кропотливо работаете над своими произведениями?

- Иногда я чувствую настоящую потребность творить. Как будто бы у меня внутри топливный бак, который заполняется некоторое время, и сгорает в одном творческом акте.

Я рисую, пользуясь различными материалами и

техниками, в разных комнатах моего дома. В одной из комнат стоит стол, на нем – краска, много бумаги, всякие вещицы. Я захожу в эту комнату и начинаю что-то рисовать, какие-то абстрактные фигуры, к примеру, делаю их отпечатки, быстро или медленно, в один присест или в несколько, набело или с набросков. Кое-что из сделанного таким образом похоже на письмо. Я всегда стою, даже если приходится медленно и методично корпеть над какой-то деталью, иногда это изматывает. Я увлечен, пока получается нарисовать нечто не виденное до сих пор, абсолютно неузнаваемое. Если возникают какие-то ассоциации, аналогии с уже нарисованным, я сразу начинаю скучать и бросаю.

Чаще я работаю сидя, так работается быстрее. Я рисую маркером, размашисто и щедро (см. например, работы, опубликованные на *thenewpostliterate.blogspot.com* в августе 2008). Как правило, я переворачиваю лист после каждого штриха. Обычно у меня нет никакого предварительного плана, я заканчиваю рисовать, когда чувствую, что лист заполнен.

Несколько лет назад, где-то с 2000 по 2004 я занимался каллиграфией, рисовал китайской кистью и тушью на обычной офисной бумаге, сознательно пытаюсь достичь чувства гармонии и плавности линий под стать азиатским каллиграфам. Самиздатский сборник «Кислород Истины» был выпущен как раз в середине этого периода. Эти работы сделаны стоя.

Несколько лет я собирал загогулины, которые я рисовал во время телефонных разговоров или в моменты раздумий. При случае я перерисовывал их маркером в большем масштабе, или делал коллажи из разных таких «работ», чтобы создалась некая композиция.

В каком-то смысле, все эти «творческие методы» - отображение моей глубинной, невербальной сущности.

В этих спонтанных зарисовках часто появляются повторяющиеся мотивы. Часто я привношу композицию в анархически организованные рисунки, чтобы придать им больше выразительности.

Возвращаясь к «Ноологии», скажу, что мне очень нравятся ксерокопические работы Рида Алтемуса и Билли Мавериса. Я бы хотел сделать что-то подобное, пользуясь моим сканером, но занялся этим не так давно, меньше 2 лет назад.

Эта «заумная» поэзия появилась, когда я передвигал бумагу с текстом во время сканирования. Я поворачивал листы, двигал их из стороны в сторону, отдалял, приближал, тряс, менял страницы, потом делал коллажи с помощью графического редактора.

Когда я тряс бумагу, получалось что-то вроде музыки, дрожания гитарной струны.

Самые лучшие работы получались из текстов с «поврежденными», неоконченными буквами. Я нарисовал маркером несколько страниц таких букв. Просто короткие линии и кривые. Удивительно, как много можно выжать из этих простейших знаков!

Если использовать аналогии из мира музыки, мой метод сканирования можно сравнить с дисторшеном или ревербером, а коллажи, получившиеся в ре-

зультате – с многоканальной звукозаписью.

-Как леттризм, французское авангардное направление, соотносится с асемическим письмом?

- Леттризм показал человечеству, что такое гиперграфика: создание композиций из букв, символов (в том числе и выдуманных), изображений и др. Гиперграфика может вовлекать в себя любой жанр, национальную культуру. Материалом становятся визуальное искусство, каллиграфия, поэзия, анимация, изображения на футболках, афиши, граффити – все что угодно.

Асемическое письмо использует доселе неизвестные типы письма или формы, напоминающие письмо и приоткрывает область теоретических возможностей гиперграфики.

Мне довелось пообщаться с некоторыми современными леттристами: похоже, мы с ними на одной волне, хотя они сфокусированы в другой области.

К сожалению, в англоязычной литературе за леттризмом закрепился статус художественного направления французского авангардизма. Однако, на деле, леттризм гораздо шире. Он проникает и в семиотику, философию языка, искусствоведение, филологию и т.д.

В Бразилии сейчас существует направление процесс-поэзии (*poema/processo*), цели которого во многом совпадают с леттризмом и асемическим письмом. Такие авторы, как Wladimir Dias Pino, Alvaro de Sa, Neide de Sa, Regina Pouchain и Avelino de Araujo создавали и создают поэтические произведения, которые соприкасаются и с леттризмом и с асемическим письмом.

Процесс-поэзия открыта для любого метода интерпретации. Акт интерпретации как бы завершает процесс-стихотворение. Я в восторге от демократичности и дружелюбия этого направления. Филологическая поэзия, напротив, построена на хладнокровном препарировании текста и не считается с личностью читателя, даже не берет в расчет то, что настроение при чтении бывает разное.

Современная академическая филология просто поражает меня своим хамским отношением к литературе и языку. Филологи анализируют текст, как судьи на сельскохозяйственной выставке.

- Как Вы считаете, стало ли асемическое письмо направлением искусства?

- Несколько лет назад мой приятель Карлос М. Льюис употребил словосочетание «асемическое направление» в одном из электронных писем. Меня это как-то насторожило...

Однако, учитывая, что на сегодняшний день защищен диплом по архитектуре под названием «Асемические колонны», лондонский художник нарисовал станцию метро Дептфорд Хай Стрит в духе асемического письма, существуют турецкие и португальские переводы этого термина – и это лишь то, что сразу пришло ко мне на ум – можно сказать, что «асемическое направление» уже сформировалось.

Мне больше греет сердце мысль об асемической культуре, зримом изменении в общественной жизни.

Несколько лет назад были популярны футболки с изображением «размозженных» букв. Анимированные узоры, напоминающие письмо часто становились элементами передового рекламного дизайна на телевидении. Мне кажется, так проявляется желание людей дистанцировать себя от слов, приблизиться к невербальным способам визуальной коммуникации. Дизайнеры, которые делали те футболки или ту рекламу, скорее всего, не подозревали, что существует термин, который обозначает их деятельность.

Я пытаюсь в меру сил подогревать интерес публики, вызвать бум асемического письма, сопоставимый со скандалом, сопровождавшим появление панк-культуры. Это будет неконтролируемая цепная реакция, как в ядерном реакторе!

- Существует ли в Ваших работах некий скрытый пласт? Какие-то коды?

- Вряд ли был случай, когда я сознательно «вставлял» в свои работы какие-либо коды.

В «Асемическом журнале» была опубликована пара работ, которые можно было бы описать как коды. К примеру, странный лист, найденный мной на букинистическом развале, опубликован в третьем номере «Асемического журнала». Эту работу можно назвать кодом. А может быть, это просто неведомый мне алфавит.

Однако, я бы обрадовался, если бы читатель усмотрел в моих работах некий зашифрованный смысл.

- А что вы могли бы рассказать об истории асемического письма? Начнем с Войничева Манускрипта?

- Я не особенно интересовался этим так называемым Войничевым манускриптом (Войнич некоторое время владел этим документом, но не был его автором). Мне кажется, этот текст написан монахом, который под угрозой обвинения в ереси вынужден был кодировать свои записи.

В Китае, во времена династии Тан жили два монаха, которые занимались «неразборчивой» каллиграфией. «Безумец» Цанг Цу, будучи под мухой, вошел в творческий экстаз и писал вычурные, но совершенно неразборчивые иероглифы. Его младший товарищ Хуай Су также известен как пьяный мастер каллиграфии. Их работы до сих пор ценятся очень высоко. На западе наиболее видным представителем асемической традиции я считаю Кристиана Дотремона, автора «логограмм». Я бы и себе отвел скромное место в истории асемического письма...

Согласно Китайской легенде, письменность была скопирована с явлений природы. Иероглифы срисованы с отметин на деревьях, следов животных, узорах на их шкурах (начиная от насекомых, до черепах, птиц, млекопитающих).

Думаю, что первые знаки в истории человечества изображались пальцем или палкой на земле. Некоторые из них были самодостаточны, несли экспрессивный заряд, а другие пытались передавать коммуникативную информацию. Наверное, асемическое

письмо началось одновременно с обыкновенным.

Можно сказать, что сама Природа занимается асемичекием письмом. Достаточно лишь взглядеться!

Кстати, первые попытки человека научиться писать также выливаются в асемическое письмо.

- Отражается ли природный мир в Вашем творчестве?

- Джексон Поллок сказал «Я есть Природа». С одной стороны, все, что сделано человеком – часть природы.

С другой – я как бы создаю некий канал между природным миром и своими произведениями, не только имитируя природные формы, но и пользуясь хаотическими спонтанными творческими методами, т.е. я не всегда могу контролировать процесс рисования.

Я часто рассуждаю о четырех первоэлементах (земля, вода, воздух, огонь) и пытаюсь выразить эти фундаментальные концепции в своем творчестве. В традиции западной мистики существует пятый элемент – дух, квинтэссенция и эфир. Но такие вещи для меня непостижимы.

Между тем, я пытаюсь понять и китайскую систему пяти элементов – дерево, огонь, земля, металл, вода.

У африканского писателя Патриса Соме я встречал другой набор пяти элементов... Не могу вспомнить все... Но один из них – «пророда».

Несмотря на то, что я не могу внутренне примирить между собой противоречивые элементы, мне кажется, что в моем творчестве есть что-то первозданное, простое, фундаментальное, направленное к Природе.

- Как к Вам пришла идея создать «Асемический журнал» и что Вы хотели этим достичь?

- Мой буклет под названием «Асемический том №1» я бы назвал первым своим произведением искусства. Работа над ним мне очень понравилась и запомнилась. К тому же, «Асемический том» - лучший, на мой взгляд, образчик визуальной поэзии. Я экспериментировал, пытался перерисовывать китайские иероглифы карандашом, и даже не знал, читабельны ли они. Я сомневался, имею ли я право писать по-китайски не зная китайского языка.

Однако, мне встречалось все больше и больше примеров того, что для меня становилось асемическим письмом. Сначала в поэзии (в основном авангард 20 века), а затем и в книгах о каллиграфии.

Благодаря поддержке участников мейл-арт движения, которые бесплатно предоставили мне свои работы, мне удалось выпустить сразу два номера асемического журнала – первый и № 2,1 (две целых, одна десятая).

Где-то между 1999 и 2001 я пришел к выводу, что асемическое письмо – это огромный, совершенно неисследованный пласт бытия.

К примеру, Ролан Барт писал статьи о Анри Мишо, Андре Масоне и других авторах асемического письма, однако почему-то не свёл их воедино, не обозначил, как деятелей одного направления в искусстве.

- Хорошо ли асемическое письмо утвердилось в Интернете?

- Идеи асемического письма мгновенно распространились в Сети. Стали появляться новые прочтения этого термина...

Мне встречались цитаты моих статей с www.asemic.net. Широко распространена статья об Асемическом письме, опубликованная в Википедии (насколько я знаю, она написана в основном Вами?). Ники Хёрст, автор асемических граффити в лондонском метро в пресс-релизе цитировала эту статью.

Похоже, процесс распространения информации об асемическом письме продолжается безостановочно.

Почтовые программы и переводчики, такие как «Babelfish» помогают мне поддерживать связь с иностранцами в Кубе, Бразилии, многих странах Европы, не изучая язык и не пользуясь словарем.

- Какие проекты Вы разрабатываете в настоящее время?

- Я почти готов запустить Интернет-энциклопедию асемического письма.

Это книга, которую я составлял более 5 лет, но её выпуск откладывался из-за отсутствия интереса со стороны издателей.

Теперь настало время обнародовать мои наработки совершенно бесплатно.

С завидным постоянством появляются серии набросков, графики, совместных работ. Когда накапливается достаточное количество материалов, я выпускаю бумажную или электронную книгу.

- Что может стать конечной целью Вашей творческой деятельности?

- Я весьма амбициозный человек, как и Вы.

Сначала надо сделать так, чтобы асемическое искусство не требовало объяснения.

Если я не ошибаюсь, для этого надо получить признание филологии, теории и истории искусства, философии, семиотики и других академических наук.

Я пытаюсь найти аниматора или режиссера для совместной работы над асемическим фильмом, но пока что безуспешно.

Пока не начнется бум асемии, затрагивающий миллионы людей, многие мои идеи невозможно реализовать. Однако, когда хотя бы миллион человек выразит свою оценку асемического письма, мы начнем глубже понимать его смысл и значение. Думаю, немногие серьезно относятся к асемическому письму. Однако, я надеюсь на прорыв...

Что ж, время покажет...

У меня дома повсюду разбросано огромное количество неопубликованных работ. Когда для моих работ найдется издатель мирового уровня, выйдет альбом или сборник, я, может быть, расслаблюсь маленько...

«Асемический журнал» на данный момент ещё на плаву. Однако, если прекратится приток достойных материалов, придется закрыть его. Посмотрим...

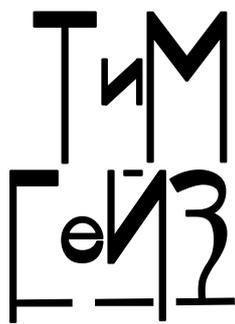

Я активно разыскиваю некую «галерею идей», в которой смогу выставлять асемическое письмо для широкой публики. Пока что, безуспешно... Мне приходят видения асемических выставок, где можно посмотреть работы известных художников, таких как Анри Мишо, наравне с детскими каракулями и фотографиями «природного» асемического письма. Я хотел бы преодолеть разделение искусства на профессиональное и непрофессиональное.

А когда закончится моя беготня с асемическим письмом, я засяду за фантазийный роман для детей. Я ещё не научился писать слова!

К старости я хотел бы удалиться от суеты, куда-нибудь, где шумят деревья...

- Ноябрь 2008 года.

Перевод Глеба Коломийца

Гипотезы

- 1) Существует слой коммуникаций, находящийся глубже, чем письменность
- 2) Даже фрагменты букв могут стать осмысленными для читателя

искусство, использующее слова, есть насилие.

написанное слово активирует слово, находящееся в сознании читателя – это форма тоталитарного влияния на разум.

использование в искусстве незавершенных форм, намеков, трактуемых зрителем или читателем по собственной воле, в меньшей степени насильственно. примеры суггестивного, ненасильственного искусства - асемическое письмо и тесты Роршаха.

мы с взаимодействуем с асемическим письмом как ребенок, который учится читать, либо как взрослый, который изучает новый для себя язык.

знания, вычитанные из книг, бессильны истолковать асемическое письмо. это угроза для людей, знания которых построены на чтении

надо предпринять тысячи экспедиций в пространство асемии, и, без сомнения, появится её понимание, её картография

Июль 2006
 Опубликовано в журнале «QWERTY» (Канада)
 Перевод на португальском в электронном журнале Confraria do Vento #10 (Бразилия):
<http://acd.ufrj.br/~confrariadovento/numero10/index.htm>

- 1) there's a deeper level of symbolic communication than written words
- 2) even fragments of symbols can be meaningful to the reader

art which uses words is coercive.

writing a word, one activates that word in a reader's mind. this is a form of mind control.

using open-ended, suggestive forms which are completed by the viewer or reader, it is possible to offer a less coercive experience. asemic writing & inkblot images are examples of suggestive forms.

we approach a piece of asemic writing like a child learning to read, or as an adult learning to read a new script such as Chinese.

book learning is little use in interpreting asemic writing. this is threatening to people who have a lot invested in book learning.

after many thousands of expeditions into the asemic domain, we humans will, no doubt, begin to map & understand it.

July 2006
 accepted for publication by QWERTY (New Brunswick, Canada)
 published in Portuguese translation in Confraria do Vento #10 (electronic journal based in Rio de Janeiro, Brazil): <http://acd.ufrj.br/~confrariadovento/numero10/index.htm>

Изобразительно-текстовый континуум

● узнаваемое изображение

● абстрактное изображение

● асемическое письмо

● читабельное письмо

● recognisable images

● abstract images

● asemic writing

● legible writing

Мне кажется, существует некий континуум, объединяющий текст и изображение.

Все, что размещено в этом континууме, субъективно.

Кто-то увидит изображение дома (узнаваемое изображение), а кто-то – просто линии (абстрактное изображение). Кто-то прочтет нарисованное на стене граффити (читабельное письмо), кто-то – нет (асемическое письмо), кто-то разглядит образ «спагетти» (абстрактное изображение)

Май 2006

Опубликовано в блогах *textimagepoem* (США) и *blatt-blog* (Чехия). Французский перевод опубликован в журнале *Lettriste revue Toth #1*

I have been working with the idea that there's a continuum extending from images to text.

Where something sits on this continuum is subjective.

One person sees a picture of a house (recognisable image); another sees a bundle of lines (abstract image). One person can read a piece of graffiti (legible writing); another can't (asemic writing). One person sees an unknown species of writing (asemic writing); another sees "spaghetti" (abstract image).

May 2006

[posted at *textimagepoem* (USA) & *blatt-blog* (Prague) weblogs a French translation published in *Lettriste revue Toth #1*]

Алексей НИЛОГОВ

Автофелляция¹

Валерию Александровичу Подороге

Автофелляция представляет собой эксперимент над интимностью, откровенней которой может быть только шёпот половых губ. Там, где заканчивается интимность для себя, начинается интимность на грани прикосновения к крайней плоти, пахнущей спермным творожком. Минет самому себе выражает последнюю степень нарциссизма, растворяющего человека в истоке его отчуждения: потребность в удовлетворении собственных желаний пересиливает гигиену стыда. Если автофелляция сопровождается золотым дождём, то это верный признак того, что человеку присущ гомеостатический фетишизм, заключающийся в воспроизводстве интимности наедине с самим собой. Кто-то предпочитает поедать пух, скапливающийся в пупке от трения одежды, а кто-то – гурман автофагии. Поедание собственных выделений, а также вредные привычки грызть ногти и отколупывать коросты, чтобы употреблять их в пищу, означает нехватку отчуждения самого себя ради *Другого*. Примерами автофагии могут быть поедание бровей, волос и их корней (в качестве деликатеса), глазных козьяков, или засушек, гноя, грязи из-под ногтей, козьяков из носа, прыщей, ресниц, серы из ушей; разновидность автофагии – копрофагия. Автофелляция является эксгибиционизмом, вывернутым наизнанку. Лакомство отшелушенной кожей предвещает случаи предельной автофагии, которая может суммироваться автоканнибализмом. Вынужденная автофелляция как средство самоудовлетворения служит примером *отчуждения о себе*, которое, в отличие от заботы о себе, блюдет человеческое начало в границах мизантропологического оптимума. Если отказ в минете рассматривать с точки зрения сексизма, то отказ себе в автофелляции – как проявление интимной дискриминации, или аутизма. Отчуждённое рукоблудие, когда мастурбация осуществляется исключительно сподручным *Другого*, становится прецедентом доведения перверсии до абсурдного конца. Групповая автофелляция, как гетеро-, так и гомосексуальная, является апогеем либидозного отчуждения в стилистике Маркузе; пока опыт смерти остаётся неотчуждаемым, несмотря на весь метафизический эмпиризм, секс воспринимает-

ся единственным паллиативом смерти, доступным даже в самой антропоцентрической форме – некрофилии. Автофелляция, применяемая в садомазохизме, обнажает перед господином его отчуждённое рабство, а перед рабом – его отчуждённое господство, которые в противовес бинарной логике не отчуждают друг друга. Если автофелляция заканчивается эякуляцией во рту *Другого*, значит *Другой* служит канализацией самоотчуждения, неразделённого с самостью. Автофелляция – это попытка запустить круговорот интимности в надежде обрести телесный вариант трансцендентального единства апперцепции, органы которого отнюдь не анатомические симулякры. Автофелляция – это влечение к бытию-самим-собой на физиологическом уровне, целью которой должно стать самооплодотворение. Автофелляция – это проявление аутизма как внутреннего самоограничения. Несмотря на то, что автофелляция приводит к ситуации, когда «свидание с партнёром становится больше выражением собственной доброй воли, нежели сексуальной необходимостью», она может применяться в качестве особого дискриминационного приёма, подчёркивающего тщетность разделённого сексуального отчуждения. Автофелляция с «заглотом» требует не только значительной длины пениса, но и большой гибкости позвоночника; человек, занимающийся автофелляцией, обнаруживает в себе вторую половину того самого андрогина, о котором поведал Платон. Автофелляция закорачивает конец фаллоцентризма на орган логоцентризма, разрешая известный перформативный парадокс деконструкции, связанный с недеконструируемостью самой деконструкции и борьбой с логоцентризмом логоцентрическими средствами. Автофелляция – это самодостаточная разновидность минета, ставящая под вопрос все остальные, причастность которой к роли партнёра оказывается более травматичной, а то и вовсе *фаллоцентричной*. Автофелляция не является панацеей от неразделённого сексуального отчуждения: чем продолжительней автофелляционная практика, тем неразделённое сексуальное отчуждение с самим собой и тем созерцательней эякуляция, приобретающая вопреки Бодрийяру собственную культуру. (Чего вы ждёте? Вызывайте поллюцию!)

Иллюстрации Майкла Джейкобсона (США)

¹ Текст прочитан в Зверевском центре современного искусства на церемонии вручения автору премии «Звёздный фаллос – 2008».

ЕГИПТОЛОГИЗМЫ

Известно, что в древнеегипетском иероглифическом письме не было знаков для обозначения гласных букв, поэтому, например, при дешифровке имен собственных – египетских фараонов – египтологи на своё усмотрение подставляли гласные звуки, создавая соответствующие варианты: Тутмос и Тутмес, Аменхотеп и Аменхетеп. Консонантное (согласное) письмо более информативно, чем вокалическое (гласное). Например, в русском языке даже действует закон Бодуэна де Куртене, согласно которому количество согласных букв в русском алфавите увеличивается, а количество гласных – уменьшается. «Среди иероглифов нет ни одного знака, представляющего гласный звук. Египетское письмо, таким образом, является чисто консонантной системой, как еврейское или арабское. Естественно, что вереница согласных может быть произнесена только тем, кто знает, какие гласные следует вставить в нужные места. Древние египтяне могли читать иероглифический текст со всеми гласными звуками, даже если эти звуки не были обозначены на письме: благодаря владению языком, каждый точно знал, какой гласный звук и между какими согласными необходимо вставить. Однако отсутствие гласных ставит проблему для египтологов. Поскольку язык иероглифической письменности на протяжении практически двух последних тысячелетий оставался языком мертвым, никто точно не знает, как звучали древнеегипетские слова. Филологические исследования, конечно, позволили установить приблизительную огласовку для многих слов, однако подобного рода труды все еще остаются изолированной наукой. Для повседневного общения египтологи приняли простое и радикальное правило, позволяющее сделать произносимым нагромождение согласных. Для этого они вставляют е между согласными (произносится нейтрально, как среднее между е и э). Слово подобное snb произносится сенеб, слово nfrt произносится неферет или неферт и т. д.

В добавление к этому было принято произносить ряд согласных, имеющих признаки гласных, как а, и и у. Произношение, порожденное данными соглашениями, является искусственным. Оно, вероятно, настолько далеко от истинного, что древний египтянин, услышав современного египтолога, говорящего по-египетски, вряд ли смог бы понять его, несмотря на то, что оба могли бы без особых проблем общаться друг с другом, используя письмо. Слова, в которых используется только гласный е, порой оказываются лишёнными благозвучия. По этой причине в течение долгого времени в прочтении многих царских имён использовалось иное произношение. Царское имя с огласовкой Именхетеп, соответствующей действующим египтологическим нормам, появляется в

отечественной литературе в формах Аменхотеп или Аменхетеп, а в работах на английском языке – Amenhotep, Amenhetep, Amunhotpe, и т. д. Имя царицы, представленное с египтологической огласовкой как Неферет-иити (Neferet-iiti), обычно читается Нефертити, в английских работах – Nefertiti, тогда как немцы произносят его Nofretete. Естественно, что ни одна из приведённых форм не является точной. Древнее произношение, согласно новейшим исследованиям, вероятнее всего приближалось к Nafteta. Однажды было подсчитано количество используемых в современных публикациях способов передачи имени Имхотеп, принадлежавшего главе строителей царя Джосера. Обнаружилось тридцать четыре формы. Кроме того, некоторые царские имена имеют помимо этого ещё и греческие формы, ставшие известными благодаря классическим авторам. Эти формы также используются в современных книгах. В качестве примера можно привести имя Аменхетеп, которое греки произносили как Amenophis или Memnon. Греческие имена обычно могут быть распознаны по окончаниям -os, is или -es» (http://www.refill.ru/egypt/scribe/hiero/1_4-5.htm).

Таким образом, произношение слов, дешифрованных египтологами с употреблением гласных звуков, является гипотетическим, составляя один из классов антислов – египтологизмы.

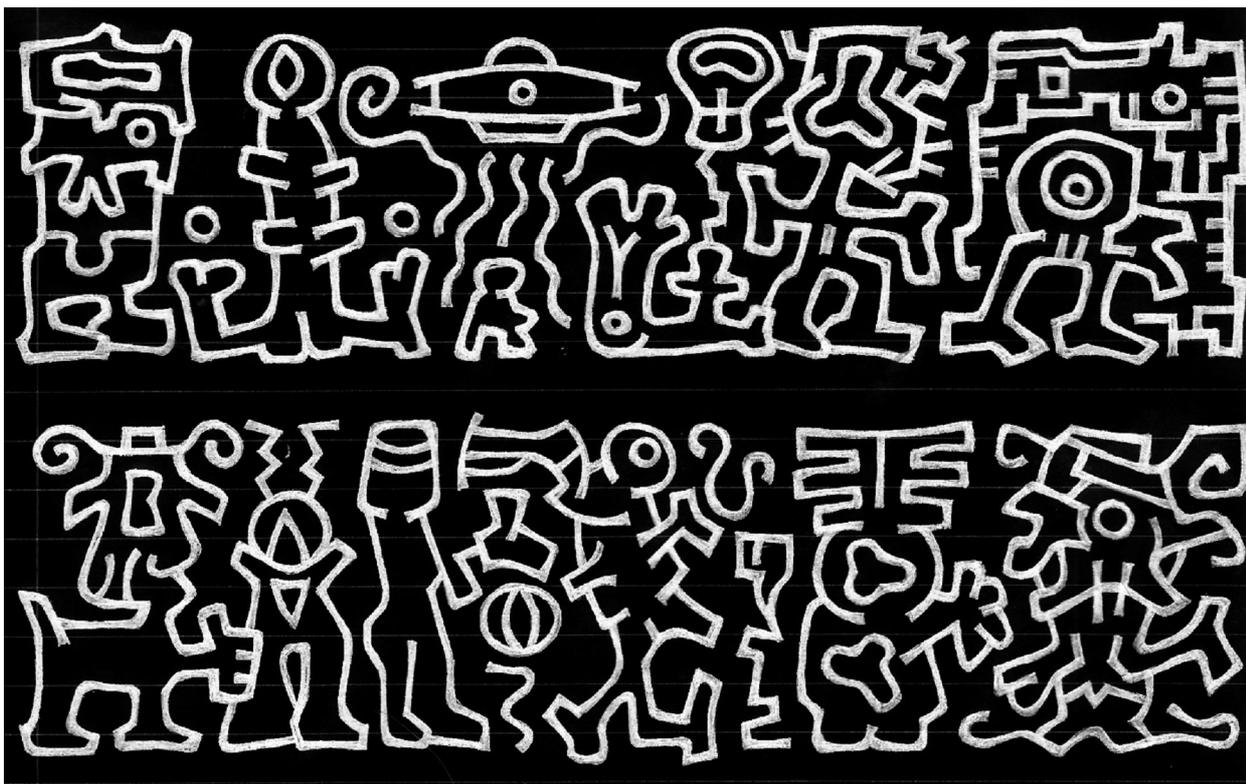
Константность опоздания означающего к означаемому, составляющая принцип «изначального опоздания», может быть поставлена под вопрос в том случае, если обнаружится искусственный характер связи между означающим и означаемым: например, произвольное соединение в знаке означающего и означаемого при лингвогенезе, а также при отсутствии эталонной фиксации означающего к пресловуто опережающему означаемому. Для скольких слов естественного языка можно подтвердить их аутентичное произношение? Так ли важна акустическая сторона означающего для действия принципа «изначального опоздания». Какие группы слов корректней подвести под классы антислов, существующих в языке в обыденном измерении? Подчиняются ли «изначальному опозданию» ошибочные словоупотребления или такие экстравагантные образования, как слова «олбанского языка» интернет-падонков? Какова статистическая погрешность «изначального опоздания» при образовании неологизмов, нередко изменяющих своим авторам в результате синхронного словотворчества или забвения антислов из класса «мусорологизмов» (например, ранее образованных слов для нужд внутренней речи, но тут же забытых в хаотическом речевом потоке)? Открытие таких классов антислов, как египтологизмы, позволит выявить в языке целый антисловный

пласт, чья этимология выведет к антиязыковому базису всего многообразия естественных языков – как живых, так и мёртвых. Количество антислов при дешифровке того или иного мёртвого языка часто не вызывает тревоги вследствие гипотетической природы лингвистических процедур, однако важно помнить о том, что любой живой язык содержит в себе прототип мёртвого языка, а лексиконы обоих языков сосуществуют как равноправные. Не подозревая о том, что мы нередко говорим антисловами, вербальное мышление спускает на тормоза проблему «изначального опоздания» для антислов, когда подразумеваемое отставание автоматически переносится на антислова, тогда как в действительности означаемое опаздывает к означаемому лишь формально, но не принципиально.

Таким образом, подрывается сам принцип «изначального опоздания», являющийся центрирующим всю онтологию присутствия/отсутствия (Хайдеггер, Деррида). Поскольку опоздание означаемого к означаемому не зависит от референтивной точности обоих (означающее может отставать от означаемого, будучи как в аутентичной, так и в неаутентичной формах), постольку становится очевидным, что действие принципа носит условный характер, рассчитанный на дискриминацию звуковой природы языка, то есть голоса, а в целом – фоноцентризма. Пока вопрос об аутентичности самого означаемого остаётся в стороне, обратимся к удержанию аутентичного статуса означаемого в его онтологической беспризорности. Не все праформологизмы могут являться антисловами: например, если при реконструкции удалось доподлинно воспроизвести

ту или иную форму – письменную или устную. Под легитимной антисловной вывеской в языке рискуют оказаться слова, чья (анти)словность не может быть фактически верифицирована, но может быть гипотетически сфальсифицирована. Аутентичность означаемого при «изначальном опоздании» сведена к нулю постольку, поскольку изначальность постулируется вне зависимости от статуса означаемого. Изначальность опоздания может быть устранена только с помощью синхронизации между означаемым и означающим, а именно: благодаря внутренней форме слова – непосредственной связи между означаемым и означающим, в основе которой лежит отличительный признак референта, положенный в ядро номинации. Если вообще отказаться от «изначального опоздания», признав координацию между планом содержания и планом выражения, то встанет вопрос об иных стратегиях сокрытия истины, которые не будут укладываться в прокрустово ложе потенциальной деконструкции. Принцип «изначального опережения», открытый в пику принципу «изначального опоздания», также оказывается избыточным в своей номинативности, которая может быть всегда скорректирована под понимание. Несмотря на то, что между смыслом и его выражением существует темпоральная протяжённость, проблема изначального опоздания/опережения пасует быть сформулированной не на языке онтической, а на языке онтологической семантики, принимая во внимание физические (акустические) параметры естественного воыязыковлечения. Речь идёт о семиотическом содержании физикалистского принципа дальнодействия.

Ирина

Кириллова

Медея

Иллюстрации Эдуарда Кулемина

Действующие лица:

- **Медея** - жена аргонавта Ясона
- **Ясон** - муж Медеи
- **Нерида** - служанка Медеи, пожилая женщина лет 55
- **Мальчик** 8 лет
- **Мальчик** 5 лет - дети Медеи и Ясона
- **Меланида** - Любовь-Смерть
- **Эринии, Черный Эрос** - свита Меланиды
- **Горожане Коринфа**

Действие происходит в течение одних суток, начинается вечером и заканчивается вечером следующего дня

Явление 1

Большая комната. Окна зашторены, на колоннах укреплены светильники. Вечер. Медея бесцельно бродит по комнате, она расстроена. Иногда берет предметы, держит в руках, затем кладет на место.

(Звучит гонг. Входит Ясон)

Ясон - Зачем ты звала меня, Медея?

Медея - Ты знаешь, что наших детей часто приглашают во дворец?

Ясон - Ну и что?

Медея - Я не хочу, чтобы они туда ходили. Главка дарит им сладости и одежду. Скажи ей, что они не голодны, у них есть мать, которая заботится о них, и пока еще есть отец.

Ясон - Ты пригласила меня для ссоры? Ты по любому поводу раздуваешь скандал, твоя подозрительность невыносима. И потом, зачем ты посылаешь слуг шпионить за мной?

Медея - Потому что я тебе не доверяю! Мало ли что вы с Главкой замышляете...

Ясон - Ты понимаешь, что, затеявая скандалы по каждому поводу, сама толкаешь меня к ней?

Медея - Беги, беги, а то она тебя заждалась. Ты всегда искал повод, чтобы бросить меня и детей!

Ясон - Я не хочу жить с тобой, но детей я не бросаю и всегда заботился о вас. Они мне по крови родные, но не ты. У нас нет общей крови! И потом, ты сама зна-

ешь, что брак - это компромисс.

Медея - Какая удобная позиция, чтобы стать двоеженцем. У меня другое мнение: ты мой муж, и всегда будешь только моим. Я никогда тебя не отпущу! Никогда! Ты всегда бегал от одной к другой, но всё равно возвращался ко мне!

Ясон - Я знаю, что ты владеешь искусством колдовства. Ты всегда подливала мне каких-то трав.

Медея - Я лечила тебя. Если бы ни я, то ты бы давно уже умер от ран и испытаний. Кем бы ты был без меня? Это я сделала из тебя героя Эллады!

Ясон - Ты не давала мне дышать, обвивала и давила своей заботой! Ты высасывала из меня силы, убивала волю, пеленала по рукам и ногам. Я не мог принять ни одного решения без тебя, ты лезла во все мои дела. У тебя никогда не был своей жизни! Для тебя не важно, я или другой мужчина, для тебя главное - свить свою жизнь вокруг кого-то.

Медея - Да ты прав. Я отказалась от своей жизни ради тебя, и сделала все, чтобы ты стал тем, кем стал. Я жила ради твоей славы, ты жил ради себя. Вспомни. Я была дочерью царя Колхиды: кто только не сватался ко мне. Я выбрала тебя, хоть ты выглядел ничтожеством рядом со мной. Все родственники были против тебя. Отец предупреждал меня, что ты потребуешь новых жертв. Я отдала тебе все. Теперь мы поменялись местами. Я никто, и ты скоро вышвырнешь меня!..

Ясон - Отпусти меня, Медея. Все равно это не жизнь, а мучение. Ты - омут, который меня затягивает. Если я останусь с тобой, просто погибну.

Медея - Ни за что! Ты пропадешь без меня. Я тебя знаю лучше, чем ты себя, Ясон. И это увлечение пройдет. Сейчас ты отталкиваешь меня, но, как только начнутся трудности, ты прибежишь ко мне за советами и заботой. И потом, ты так уязвим...

Только со многими ты чувствуешь себя мужчиной. Это я научила тебя любви. Ты всегда будешь вести себя в постели с другой женщиной точно так же, как со мной. Я всегда буду третьей в твоей постели!

Ясон - Замолчи! Заткнись! Колдунья! Ведьма! Как я тебя ненавижу! И когда ты исчезнешь из моей жизни?! Все равно, ты меня не заставишь жить с собой!

Медея - Ничтожество! Эта мелкая сучка повисла на

тебе, а ты и растаял! Сразу обо всем забыл! Мне говорили, что она преследует тебя. Ты не смог отказаться!

Ясон - Это не правда. Я с трудом завоевал ее.

Медея - Как громко сказано! Было бы кого!

Ясон - Медея, мы только унижаем себя скандалами, давай все обсудим спокойно. Я думаю, тебе лучше уехать отсюда, это был бы выход для нас обоих.

Медея - А ты подумал, куда мне идти? Одной, с детьми, без средств к существованию, бывшей царской дочери, бывшей жене героя?

Обречь себя на гибель? В Колхиду, домой, вернуться я не могу, меня убьют из-за брата. На твою родину, где наши дети законные наследники? Жители Иолка не простят мне смерти Пелия. Куда? Ради тебя я перессорилась со всеми!

Ясон - Ты подумай... Царь Итаки Эгей здесь, поговори с ним.

Медея - Значит, вот чем заканчивается жертвенная любовь! Ты клялся страшными клятвами богам, и ты нарушил их.

Да, у меня нет ничего: ни дома, ни родных, ни друзей. Но ты забыл, что я жрица богини Гекаты. И если ты забываешь богов, не чтишь их, то я помню свой долг перед ними.

Ясон - Что ты несешь? Угрозы? Я знаю, что ты способна на преступление. Я не хотел твоего изгнания, но, по-видимому, это единственный выход.

Медея - Я ни за что не уеду! Ни за что!

Ясон - Нет, ты уедешь! Я сейчас же пойду и скажу царю Креонту, что ты согласна!

Ясон уходит. Медея падает на кровать, рыдает

Явление 2

(Входит Нерида, подбирает разбросанные вещи, зажигает светильники)

Нерида *(ворчит)* - Опять вы с мужем ссоритесь, а потом плачете. Скоро старей меня будите, как в той поговорке - и люди не глядят, и собаки не едят. *(Бормочет)* Извела себя совсем, почернела вся, не спит, не ест. *(к Медее, громче)*. А надо наоборот, выспаться да поесть, чтобы веселой да свежей быть, Муж посмотрит, посмотрит, и домой вернется.

Медея *(Встает с постели, садится, вытирает слезы)* - Это ты, Нерида. Я и сама знаю, что надо сдерживаться, но как увижу его так к голове кровь и приливает. Он ведь предал меня и детей. Такая обида, я его убить готова.

Нерида - Все мужчины одинаковы, муж-то ваш не исключение. Побегает, побегает - да и домой. Вспомните уж, как он прельщался Креусой, Критской царевной, а та была красавица, не чета этой вертихвостке Главке, думали совсем уйдет - ан нет - к вам, да к детям вернулся. Зачем так расстраиваться? Только сердце рвать понапрасну!

Медея - Я тогда была моложе, ни минуты не сомневалась, что он вернется. Но в этот раз - не уверена. Ведь Главка младше меня почти на 17 лет. А это много, очень много. Я устала от жизни, от скитаний. Теперь я слаба....

Нерида - Он к детям очень привязан. Кровь-то своя, от них не вдруг уйдешь.

Медея - Дети - да... Но не я! Главка побеждает молодостью, положением: царская дочь, наследница Коринфского трона. У Ясона с ней есть будущее, а со

мною никакого.

Нерида - Ясон-то тоже уже не мальчик.

Медея - Что значит для мужчины 40 лет? Он знаменит, полон сил. Герой Эллады! Красивый мужчина, к тому же. Я отдала ему все силы, он из меня все соки выжал. Нерида, а если он все-таки женится на Главке? Она ведь этого добивается!

Нерида - Мне говорили, что эта бесстыдница виснет на нем, прохода не дает. Да и царь Креонт, ее отец, заинтересован в этом браке.

Медея - Еще бы! Заполучить такую знаменитость, как Ясон, и продолжить свой захудалый род от героя... заманчиво! Только я им мешаю. Они народ Коринфа настраивают против меня. Недавно возле нашего дома собралась толпа, в окна камнями бросали, да кричали: "Колдунью Медею убить!" С тех пор боюсь на улицу лишней раз выйти. Живу, как пленница.

Нерида - Нельзя падать духом! Кажется, что уже всему конец, но черная полоса проходит и жизнь налаживается.

Медея - Ты права, нельзя терять надежду. Нерида, никто не знает Ясона лучше, чем я. Его считают храбрцом и героем, но только я знаю, как он поддается влиянию. Главка этим пользуется и настраивает его против меня. Я не могу влиять на него, как раньше. Он очень изменился. Ничего не хочет слушать, я - враг.

Нерида - Все перемелится, мука будет. Главка избалованна, капризна, а Ясон человек суровый. Она начнет требовать от него постоянного внимания, изводить капризами, он будет сердиться, пойдут ссоры. Тут вы с улыбкой, да с лаской. Только не ссорьтесь вы с ним, ради Бога, сдерживайте себя. Похитрей надо быть.

Медея - Ты права, Нерида, надо сдерживаться.

Нерида собирается уходить

Подожди, Нерида, сейчас уже почти ночь. Я хочу обратиться в богине Гекате, узнать - останется он со мной или уйдет к Главке? Принеси мне зеркало и чашу с водой.

Нерида - Сейчас госпожа.

Нерида уходит. Медея готовится к гаданию. Достает соль, благовония, затем распускает волосы, набрасывает на плечи черную накидку. Входит Нерида, вносит небольшое зеркало, ставит чашу с водой перед ним, гасит свечильники. Медея садится перед зеркалом, воскуряет благовония, бросает в чашу соль.

Медея -

Богатыри, львы, дэвы, пари,

Из Колхиды пришедшие

На лихих конях севшие

Почтительно склонившись, стоящие,

Плети-змеи, держащие

С посохами в руках

С белыми шарфами на шеях

Зеркало-пари, звезда-пари, змея-пари

(Пускает хлопок в воду. Смотрит в зеркало)

Мать-Геката, приди!

(В зеркале появляется Меланида)

Медея - Кто ты!? Кто!?

Осознав, что видит Меланиду, быстро набрасывает черную накидку на зеркало. Потом закрывает лицо руками. Сидит.

Нерида - Что? Что Вы так побледнели? Что Вы там

увидели?

Медея *(пауза, потом говорит очень медленно)* - Я видела Смерть.

Явление 3.

Покои Медеи. Утро. Комнату заливают яркое солнце. Медея встает с постели, открывает окно. В окно врывается свежий морской ветер. Слышен шум моря.

Медея - Как хорошо! От моих страхов не осталось и следа. Вчера вечером мне казалось, что все безнадежно. Еще вздумала гадать, мне всегда очень плохо после... Я погружаюсь в такую глубокую бездну! Когда-нибудь я не вернусь... *(Встряхивает головой, энергично ходит по комнате, расчесывается, смотрит в зеркало)*

Я обязательно найду выход, как находила его сотни раз. И добыюсь объединения семьи. Мы все опять будем жить вместе. Я уговорю Ясона уплыть отсюда. Как только мы сядем на корабль, он забудет Главку. Ему придется решать новые проблемы, его захватят новые события. Он всегда был человеком действия. Я сама его упустила. Как только ему нечем заняться, он тут же переключается на женщин. Ему всегда надо было покормить новые земли, стихии, или женщин.

Убегают дети

Дети - Мама! Мама! Мы поймали жука, принесли его тебе показать. Он очень красивый, с рожками.

Медея - Доброе утро, родные мои *(целует их)*.

Дети - Ты посмотри какой? Мы не знаем как он называется.

Медея - Ну, покажите мне вашу находку.

Дети - Он в коробочке, сейчас достанем *(Достают коробочку с жуком)*. Вот, смотри какие у него рожки, какие крылья! Только не выпусти *(они втроем наклоняются над коробочкой, рассматривают жука, мальчик легко подталкивает его пальцем, жук неожиданно взлетает. Все трое пытаются его ловить, возмущаются, смеются. Медея счастлива. Она целует детей)*.

Медея - Жаль, что улетел, я не рассмотрела как следует

Дети - Ладно, мы после еще поймаем. Я знаю место, где их много.

Медея - Когда вы к отцу пойдете?

Дети - Нам после завтрака надо идти. И тетя Главка просила зайти к ней. Знаешь, мама, она очень добрая.

Медея - Я знаю, сынок. *(Целует детей)* Потом ко мне приходите.

Явление 4

Входит Нерида.

Нерида - Доброе утро, госпожа. Дети, идите завтракать. *(Дети убегают)*.

(Обращается к Медее) Вам сюда принести завтрак, или спуститесь вниз?

Медея - Я не хочу есть. Мне нездоровится, болит голова. Нерида, я боюсь, что дети часто ходят во двор. Они их там настроят против меня.

Нерида - Не волнуйтесь. Пустое! Дети, наоборот, связывают Вас с мужем. И он чаще заходит к Вам. *(Помогает ей причесаться, одеться)*.

Нерида - Вы знаете, госпожа, что вчера опять собиралась толпа возле дворца и кричала, чтобы Креонт

казнил Вас, потому что Вы околдовали Ясона. Креонт и Главка могут воспользоваться их недовольством, чтобы изгнать Вас.

Медея - Ты тоже меня бросишь? Да, Нерида?

Нерида - Нет, я буду с Вами, ведь я вырастила Вас, прошла весь путь от Колхиды до Коринфа и разделю Вашу судьбу.

Медея - Ясон должен зайти сегодня. Я попробую еще раз поговорить с ним, попытаюсь уговорить его уехать отсюда.

Нерида - Да, хорошо бы, как когда-то. Корабль, запах морской воды, солнце (*вздыхает*). Да, хорошо бы уехать.

(Медея одета, причесана, она хорошо выглядит)

Явление 5

(Нерида уходит. Входит Ясон)

Ясон - Медея, я пришел поговорить с тобой

Медея - Слушаю тебя, Ясон.

Ясон - Зачем ты распускаешь грязные слухи о Главке?

Медея - Скажите, какая трогательная забота?! Если бы ты обо мне так заботился, я бы не оказалась в таком положении. А это твой долг, ты мой муж.

Ясон - Вيني во всем свой невыносимый характер! И как я мог с тобой столько лет жить?!

Медея – Значит, я во всем виновата. Позволь тебе напомнить, что это ты меня сюда привез, бросил и на глазах у всех, позоришь меня, наших детей и себя. При живой жене собираешься жениться еще раз. Двоеженец.

Ясон – Медея. не начинай все сначала. Это бесполезно. Я не за этим сюда пришел, чтобы сотни раз выслушивать одно и то же.

Медея - Ладно, не будем спорить, я устала от ссор (*улыбается Ясону*). Знаешь, я смотрела на море сегодня, корабль наш еще стоит в гавани, словно ждет нас. Ясон, давай уедем отсюда! В тебе еще столько сил. Я вижу, как ты мучаешься здесь. Ты ведь не царедворец. Я знаю, какие против тебя строят козни, какие плетут интриги. Меня ты отвергаешь, и тебе некому подсказать, когда ты делаешь одну ошибку за другой. Давай уедем, Ясон, новые земли, приключения, опасности, ты будешь, как рыба в воде. Мы найдем новые земли, и будем там править, а не жить из милости. Здесь ты должен унижаться, идти на уступки, чтобы прокормить меня и детей. Но все равно это не твое и твоим никогда не будет. Ты всегда будешь пришельцем здесь, и они будут помыкать тобой, не будет тебе здесь счастья. Давай уедем!

Ясон (*Хмурится, задумывается. Медея затронула больное место. Пауза*). Нет, Медея, не могу. Я слово дал и через неделю моя свадьба. Я пришел сказать об этом. А тебе надо сейчас же собираться и уезжать. Царь Итаки Эгей здесь, я с ним договорился. Он приютит тебя, если, конечно, ты захочешь, но можешь и свой путь выбирать

Медея (*Остолбенела, потом хватается за сердце*). А дети?

Ясон - Дети останутся со мной. Я не могу доверить их тебе. Медея, смотри на вещи здраво. Речь ведь о них, в первую очередь. Ты не сможешь их содержать.

Медея - Я не могу в это поверить! Это безбожно! Безбожно! Я улью себя, тебя и детей! Как ты мог?! Как

мог?!!

Ясон - Медея, извини меня, но я не мог ничего сделать для тебя. Я много думал, это самый лучший выход. А ты еще будешь счастлива. Я развяжу тебе руки, взяв заботу о детях на себя.

Медея - Я прошу одни сутки, только сутки. Мне надо собрать вещи и попрощаться с детьми. Ты им скажи, что я уезжаю ненадолго, скоро вернусь, лучше им не знать.

Ясон – Хорошо. Медея, но только сутки. Завтра ты должна покинуть Коринф. А я договорюсь с Эгеем, чтобы он задержал корабль. Денег тебе пришлю. Собирайся.

(Ясон уходит)

Явление 6

(Медея потрясена. Она стоит неподвижно, вцепившись в волосы. Потом кричит)

Медея (*Крик, ужасный, полный отчаянья*) А...!! А...!! (*Рыдает, бежит по комнате, бьет и ломает вещи, беснуется*) Мерзавец! Негодяй! Бросил меня! Бросил!

(Брошенная жена (хохочет). Как хлам...! (Достает кинжал, приставляет к груди. Пауза. Во время паузы наступает перелом) Ну нет! Убить себя, я всегда успею (*говорит немного спокойней*). Ты дал мне сутки, Ясон. За сутки я всех отправлю на тот свет. Сутки - этого вполне достаточно. Мне не жить, но и тебе я не дам наслаждаться жизнью с молодой женой. Лучше смерть, чем такая обида, такой позор. Стать посмешищем, видеть за сочувствием насмешку... (*Пауза, она думает*). Я знаю, как отомстить тебе. Я преподнесу невесте свадебный подарок. Я напитаю ядом, смешанным с моими слезами, пеплос и диадему. И умрет твоя невеста. Я заставлю тебя страдать. Вы заплатите за мои слезы (*опять приступ ярости, но слабее*)

Явление 7

Вбегает Нерида.

Нерида -Госпожа! Госпожа! Что с Вами?! Что тут произошло?! Вам надо лечь! Успокойтесь! Успокойтесь!

(Нерида бежит к столу, наливает вина, дает выпить. Помогает ей дойти до постели. Медея выпивает вино, ложится на кровать и затихает. Медея лежит очень тихо, вытянувшись как покойница, руки на груди. Нерида пытается подобрать брошенные вещи. Затем подходит к Медее, думает, что она заснула. Медея открывает глаза.)

Медея - Ты знаешь, Нерида, он любит ее. Через неделю свадьба. Все кончено! (*закрывает глаза*).

Явление 8

Входит Нерида.

Нерида - Как Вы себя чувствуете, госпожа?

Медея - Мне лучше, сколько времени я спала?

Нерида - Часа три.

Медея – Отдерни занавески, надо комнату проветрить. Внеси благовония. Ясон должен прийти за ответом. Я хочу встать. (*Пробует подняться. Падают на подушки*) Я слишком слаба, как тяжелобольная.

Нерида - Лучше лежите в постели. Может, он сжалится, увидит, что вы больны и оставит Вас.

Медея - Хорошо бы. Надо выиграть больше времени. Я кое-что задумала. Хочу преподнести ему свадебный подарок Главке. Ты возьмешь сверток, пойдешь вместе с детьми и от моего имени поздравишь Главку в знак примирения.

Нерида - Вы помирились с Ясоном?

Медея - Нет. Придет Ясон, скажешь, что я очень больна. Я задумала... и если все будет хорошо, то мы опять будем вместе. Я пошлю Главке отравленный пеплос и диадему, а сама заберу детей и пойду с ними на корабль. Когда Главка умрет, Ясон сам прибежит ко мне с обвинениями, а там... Я знаю, как его утешить.

(Смеется, но смех ненормальный. Нерида с тревогой смотрит на нее)

Нерида - План ваш не очень реален. Хватит жертв. Лучше сошлитесь на болезнь и попросите его о сочувствии.

Медея *(Кричит)* - Пошла прочь, ты мне еще будешь приказывать! (сама с собой). Он сейчас придет ко мне, надо быть с ним поласковой. На все пойду, но будет по-моему!

Нерида - Откажитесь, вы плохо себя чувствуете.

Медея *(Гневливо)* - Будешь ты меня учить, старая дура!

Нерида - Боже! Что с Вами, госпожа?!

Медея *(Умоляюще)* - Ступай. Уходи, Нерида.

(Нерида уходит)

Явление 9

Входит Ясон. Медея садится в подушки. Бледная, волосы распущены. Во время всей сцены Медея очень внимательно смотрит на Ясона, отыскивая знаки любви к ней, но не находит.

Ясон - Ты что, больна?

Медея - Да.

Ясон - Но ты же три часа назад была здорова. Все хитрости твои!

Медея - Знаешь, Ясон, мне было очень плохо. Был приступ. Я не знаю, что со мной. Мне страшно, очень болит голова, и сейчас болит.

Ясон - У тебя есть еще время. Отдыхай, до завтра.

Медея - Ясон, позволь мне остаться на неделю. Я серьезно заболела.

Ясон - Нет, Медея. Эгей будет ждать тебя на корабле. Я договорился с ним. Я пришлю за тобой, тебе надо быть готовой.

Медея - Хорошо, Ясон. Я сделаю все, что ты хочешь. Прошу только об одном - позаботься о детях. Только ради них я иду на это. Я мать и не могу воспитывать сыновей, им нужен отец.

Ясон - Не волнуйся, Медея. Ты же знаешь, что я живу для них. Они - самое главное в моей жизни.

Медея - Смотри, Ясон, я тебе верю. И будь счастлив, забудь о том, что наговорила тебе. Я простила тебя, лишь бы наши дети были счастливы. Скажи своей невесте, что я не держу на нее зла.

Ясон - Ты знаешь, Медея, Главка очень хорошо относится к нашим детям. Она - та женщина, которую я искал. Такая мягкая, нежная и очень любит меня. И потом, она такая красавица!

Медея смотрит на него внимательно и улыбается.

Ясон - Ну что ты улыбаешься! Да! Я ее очень люб-

лю.

Медея - Когда-то ты говорил мне то же самое, слово в слово.

Ясон - Нет, у нас все было по-другому. Она совсем другая. Она ...

Медея - Ну, ладно, Ясон, иди. Желаю счастья.

Ясон - Ты тоже еще будешь счастлива. Найдешь мужчину, который сделает тебя счастливой. До завтра, Медея. Я сам посажу тебя на корабль. К утру будь готова..

Медея - Я поняла, Ясон. До завтра.

Явление 10

Ясон уходит. Медея внимательно смотрит ему вслед. Затем встает, пошатываясь, с постели, она в исподнем, волосы растрепаны. Медея закрывает дверь на замок, завешивает окна, зажигает светильники. Достает склянки с ядом и противоядием, пучок травы, диадему, пеплос. Все кладет на стол. Берет склянку с ядом.

Медея - Этого яда хватит на то, чтобы отравить всех жителей острова *(Капает яд в чашу с водой, бросает в чашу диадему. Затем берет траву, макает в чашу и обрызгивает пеплос. Достает диадему. Капает в чашу противоядие. Сжигает траву. Все убирает. Оглядывается, на ее постели сидит молодая женщина в черном. Медея не удивляется)*.

Медея - Кто ты? А... Зачем я спрашиваю... Это тебя я видела вчера ночью в зеркале. Ты пришла за мной? Тебе готовится пышная жертва. Ты знаешь, что я только что наплатила ядом пеплос и диадему. Через час я пошлю этот подарок невесте. Она будет умирать в страшных муках *(хохочет)*. Как я его обманула! *(опять хохочет)*

Ты рано за мной пришла. Скажи богине Гекате, что я служу ей верно и будет еще много жертв, прежде чем я уйду за тобой. А пока уходи, сама знаешь еще не время

Женщина исчезает. Медея открывает двери и окна.

Явление 11

Медея ложится в постель. Вбегают дети, обнимают мать

Мальчик - Мамочка, папа сказал, что ты заболела и скоро уедешь ненадолго от нас лечиться. Ты скоро приедешь?

(Медея лежит, не реагирует)

Смотри, что нам подарила тетя Главка.

(Медея садится на кровати. Берет старшего сына за подбородок и внимательно смотрит ему в глаза)

Медея - А ты похож на своего отца. Такая же дрянь! Будешь, как твой отец, когда вырастешь, девушку какую-нибудь обманешь, как и твой отец. Надо уничтожить это семя.

Мальчик - Мамочка, что с тобой, мне страшно! Что ты говоришь?

(Медея вздрагивает, как бы очнувшись, потом плачет)

Медея - Сынок, сыночек, любимый мой, родной, дети мои *(целует их)*, я больна, выздоровею, и мы будем вместе жить. Я скоро приеду. Очень скоро!

(*обнимает детей*). Ну, бегите, а после ужина ко мне зайдите попрощаться.

(*Дети убегают. Медея хватается за голову, вскакивает с постели, расхаживает по комнате*)

Медея - Боже! Что со мной! Что я говорю! Как я могла подумать об этом!! Нет это невозможно! Я боюсь, боюсь! Мать-Геката, пожалей меня и детей. Зачем тебе эта жертва. Только не это, все что хочешь, только не это! Как я могла подумать! Надо прийти в себя. Надо взять себя в руки. Довольно Главки!

(*Потом затихает, садится на кровать, в комнате появляется Меланида с ней Черный Эрос*)

Меланида - О чем задумалась? Смелей. Для тебя человек всегда лишь средство. За одной жертвой должны быть другие. Это закон. Никто не может сам остановиться. Совершив убийство - вспомни смерть брата - человек теряет что-то неизбежно.

Медея - Этого требовали обстоятельства. После смерти брата прошло много времени, и я прошла ритуал очищения.

Меланида - Очищение! И ты веришь в очищение? Это всего лишь ритуал, который на время снимает чувство вины, но душа уже потрясена навсегда, его смерть не дает тебе покоя до сих пор. Вспомни остальные свои жертвы!

Медея - Я не убивала Пелия.

Меланида - Брось, Медея, план был просто идеален, мы остались довольны тобою. Какое коварство! Какая изощренная жестокость! Теперь на очереди Главка, а там и другие жертвы, ведь ты уже думала об этом? Думала, я знаю!

Медея - Заткнись! Замолчи! Врешь ты все! Я смогу остановить безумие. Ты не существуешь, ты порождение моего расстроенного ума. (*Задумывается*) Главка умрет - это решено, но на убийство детей я не пойду.

Меланида - Но в тебе уже зародилась мысль о совершенной мести. И Главка - это первый шаг. Второй - дети. Одна Главка - хороший удар, но эта смерть не убьет его, второй удар будет смертелен. Этого Ясон не вынесет, и ты это точно знаешь. Я не думаю, что ты сможешь устоять перед таким искушением. Это поистине совершенная месть. Ни одна женщина в мире не задумалась так отомстить своему мужчине.

Медея (*кричит*) - Вон! Убирайся! И черномазого с собой захвати!

Меланида - Ты узнала, кто это?

Медея - Это Черный Эрос... Как он отвратителен!

Меланида - Да, здесь он на своем месте! Любовь, которая превращается в ненависть - его работа. Он спутник почти всех браков. (*Меланида смеется*)

Медея (*Кричит*) - Это не выносите! Убирайтесь, я не могу Вас видеть! Пошли вон! Вон!

Явление 12

Входит Нерида

Нерида - Что Вы кричите? Кого Вы гоните? Лягте в постель. Мне нельзя Вас оставлять одну. Вы совсем больны.

Медея - Нерида, выгони их! Спаси меня и детей. Выгони их!

Нерида - Здесь никого нет, успокойтесь!

(*Меланида и её свита исчезают. Медея оглядывается*)

Медея - Да, никого. Я, кажется, совсем разболелась. (*Ложится в кровать, закрывает глаза, молчит. Нерида собирается уходить, подходит к двери*)

Медея - Нерида!

Нерида - Да, госпожа.

Медея - Я приготовила подарок для новобрачной. Возьми пакет на столе, сходи с детьми во дворец, и от моего имени отдай Главке. Скажи, что желаю ей счастья. После ужина детей приведи ко мне.

Нерида - Я не могу оставить Вас.

Медея (*кричит*) Уходи! Убирайся!

Нерида стоит в нерешительности

Медея (*умоляюще*) - Уйди Нерида, я прошу тебя, уходи.

Нерида берет сверток, с плачем уходит

Явление 13

Медея лежит закрыв глаза. Входят Меланида, Черный Эрос, Эринии. Они рассаживаются возле ее постели. Медея открывает глаза

Медея - Вы опять здесь? А это еще кто с тобой?

Меланида - Теперь вся моя свита. Это Эринии

Медея - Они разве такие?

Меланида - Такие, поверь мне.

Медея - Я думала, ужасней.

Меланида - Люди много чепухи выдумывают.

Медея - Значит, все здесь? Почему он бросил меня? Чего ему не хватало? Я все делала ради него.

Меланида - Лучше бы ты делала все ради себя!

Медея - Ты серьезно?

Меланида - Вполне. Слишком много ловушек составлено людям, чтобы они могли выбраться из закона необходимости. Брак одна из них. Сначала любовь, потом дети, потом ненависть - ловушка захлопывается. Мало кто может выйти из нее. Многие выходят только для того, чтобы угодить в новую. Что такое брак? Быт, зависимость, уперки, собственное и чужое несовершенство.

Медея - Я очень его любила. Если бы не я, он был бы обычным, заурядным. Это я создала его!

Меланида - Значит, ты постоянно его переделывала, а он, неблагодарный, хотел уйти. Ты старалась, а он уходил (*смеется*). Бедная Медея, и после этого ты говоришь, что любила?

Медея - Я его создала!

Меланида - Каждый должен быть собой. Человек предопределен натурой. Ты в нем не видела его самого. Ты была для него матерью, а не женой, а мужчины этого не прощают, ты вела себя с ним, будто он твоя собственность. Тебе надо отпустить его.

Медея - Я не могу.

Меланида - И простить.

Медея - Я не могу.

Меланида - Почему?

Медея - Это сильнее меня, чтобы он был с другой и радовался жизни. Бросил, предал, опозорил меня! Я не могу его простить.

Меланида - Ты уже его не любишь. Осталось только ненавидеть.

Медея - Не знаю, у меня что-то осталось в душе светлого. Мы очень хорошо жили вначале. Как он трогательно заботился обо мне. Он такой мужественный, сильный человек! Вел со мной себя кротко, смотрел с такой нежностью и любовью! Первые годы я видела любовь в его глазах. Потом постепенно стало

уходить доверие из наших отношений. Он наносил мне одну обиду за другой. Предавал меня. Знаешь, когда я заболела, Ясон никогда не заходил ко мне. Обо мне заботились чужие люди. Потом стал позволять своим друзьям унижать меня. Они стали для него дороже, чем я. Он насилует меня только потому, что я была его жена. Как я ненавидела его в эти минуты.

Меланида – Но, когда Ясон пытался уходить, ты дра-лась за него, как кошка, шла на любые ухищрения!

Медея - Ему нравилось, когда за него боролись. Мне кажется, он специально стравливал женщин. Это ему доставляло удовольствие.

Меланида – Значит, ты сделала свой выбор.?

Медея - Он предал меня.

(Меланида со свитой исчезают)

Явление 14

Вбегают Нерида с детьми

Нерида - Госпожа, быстрее одевайтесь. Возмущенная толпа идет сюда, с ними Ясон. Главка умерла в страшных муках. Сейчас все будут здесь.

Медея - Нерида, иди запри двери, а сама ступай на берег, к кораблю, я сейчас соберу детей и приду

к тебе.

Нерида - Только быстрее, умоляю быстрее.

Медея - Да, да, конечно.

(Нерида уходит. Дети бросаются к ней)

Дети - Мама! Мамочка! Мы видели, как умерла тетя Главка, почему?

Медея - Клеон *(обращается к старшему мальчику)*, возьми на столе кувшин с водой, разлей в стаканы и выпейте с братом это лекарство, перед дорогой надо подкрепиться. Помнишь, как я поила вас, чтобы вы были сильными и не болели. *(Дети выпивают, падают мертвые на пол. Медея подходит к ним. Она осознала, что сделала, пришла в себя от потрясения. Падают возле них на колени. Воеет. Вдвери помятся, народ врывается в спальню. Вперед Ясон. С криком: "Детоубийца!" он подбегает к трупам детей, замахивается на Медею кинжалом, и, вдруг, шатается и замертво падает на детей. Медея встает во весь рост над трупами. Толпа ахает, подается назад. Медею обступают Меланида и ее свита *(немая сцена)**

(Занавес)

Об авторах

Лина Лом (по свидетельству о рождении – Эвелина Ломакина)

Родилась в Петербурге в 1971 году в семье профессора физиологии. Училась средне, частенько прогуливая уроки в Эрмитаже и прочих музеях нашего славного города, однако по литературе всегда имела твёрдую пятёрку.

С 1987 года сменила музеи на рок-клубы и хипповские тусовки. Автостопом проехала, почитай, всю Россию – от Торжка до самого Бологого... Чуть было не впала в губительную зависимость от тяжёлых наркотиков, но вовремя пересела на лёгкие, а потом и вовсе прыгнула. И стала вместо этого писать стихи.

Первое стихотворение Лины Лом было опубликовано в рок-газете МАЗДАЙ в 1993 году.

В 1994 году молодую поэтессу заметил мэтр Евгений Мякишев, научил её знакам препинания и заглавным буквам. С этого момента начался стремительный взлёт Лины Лом к заоблачным высотам поэтического мастерства.

В 1999 году на смертном одре отец поэтессы признался ей, что их род имеет немецкое происхождение, и её настоящая фамилия Лом (ЛОХМ), даже - фон Лом, но «фон» убрали из паспортов еще в 20-е, а в годы Великой Отечественной Войны дед Эвелины на свой страх и риск самостоятельно дописал в паспорте «-акин», после чего ушёл на фронт сражаться со своими немецкими собратьями, коими и был взят в плен.

По туристической визе отправившись на поиски предков в Германию, Лина Лом надолго исчезла из поля зрения российских любителей альтернативной словесности, лишь изредка обмениваясь письмами с Евгением Мякишевым и Михаилом Болдуманом. По некоторым сведениям, некоторое время поэтесса проживала в городе Куксенхаузен (Вестфалия), чуть ли не в верхнем раструбе одной из водосточных труб ратуши. Разочаровавшись в своей исторической родине, Лина вернулась в Питер...

Всеволод Емелин

Родился в 1959г в Москве. Образование высшее. Московский Институт Инженеров Геодезии Аэрофотосъемки и Картографии. Около т. н. "современной поэзии" ошиваюсь с 2002г.

Вышли 5 книжек. Работаю разнорабочим на реставрации церкви. Женат. Имею сына.

Вилли Р. Мельников

Родился в Москве в августе 1962 г.

Окончил Московскую ветеринарную академию, заочно -- Московскую духовную семинарию. Участник боевых действий в Афганистане (1984-85 гг.).

Области интересов и занятий: молекулярная биология; прикладная математика; фрактальная стереометрия; астрофизика; музыка; мифологии различных культур; история архитектуры и городских ландшафтов, их взаимоотношения с человеком; авторская книга; рефлексотерапия; спелеология; иностранные языки; художественная фотография; поэзия... а также всё, что рождается на пересечении наук и искусств – симбиоз контрастов.

Создатель ряда авторских арт-поэзо-жанров: лингвогобелен; люменоскрипт; сравнительно-аналитическая драконография, а также поэтических стилей – муфтолингва и интра-ксено-лингва. Разработчик авторской методики лечения языками – лингвотерапии. Владеет около ста современными и древними языками.

Участник около 300 мэйл-арт-проектов.

Номинант Книг рекордов Гиннеса и «Диво». О его жизни и творчестве снято шесть документальных фильмов. Как актёр снялся в двух художественных лентах (к/с им. А. Довженко, Украина; "Мосфильм", Россия). Работы и интервью опубликованы в России и в около 20 других стран, а также в Интернете. Авторские веб-галереи -- www.screen.ru/Willi ; www.wilfried.hotmail.ru

Научный сотрудник московских Института вирусологии и Центра языковой психологии. Живёт в Москве. Контакт: 8-905-576-64-11. e-mail: dyagnostik@yandex.ru

Андрей Родионов

Родился в 1971 году. Детство и юность провел в Мытищах. публиковался с 2003. Закончил московский Полиграфический Институт. В настоящее время работает красильщиком тканей в театре. 6 книг, публикации в толстых и тонких ж.

Вепрь Петров

Автор не предоставил биографию.

Елена Георгиевская

Родилась в 1980 г. в городе Мышкине Ярославской области. Училась в нескольких вузах, жила в Ярославле, Санкт-Петербурге, Москве, Калининграде, г. Балтийске Калининградской области. Работала журналистом, литературным консультантом, рекламным агентом, курьером, официанткой, корректором, секретарём, заведующей делопроизводством в войсковой части.

В 2006 г. окончила Литературный институт (семинар прозы).

Шорт-лист «Ильи-премии», лонг-лист «Дебюта». Лауреат премии журнала «Футурум Арт». В 2006 г. получила грант имени Анны Хавинсон. Участница Форума молодых писателей (2007, 2008).

Публикации – с 1989 г., в ярославской периодике, альманахах «Дети Ра», «Футурум Арт», интернет-журнале «Пролог», «Литературной учёбе», «Волге», «Волге -XXI век», коллективных сборниках «Возвращение», «Дыхание земли», «Форма огня», «Земляки», «День поэзии Литинститута» и др.

Книги, вышедшие в издательстве «Franc-tireur USA»: «Луна высоко», «Диагноз отсутствия радости», «Место для шага вперёд», «Хаим Мендл», «Вода и ветер», «Инстербург, до востребования» (2009).

Живу в Калининграде.

Александр Гальпер

Александр Гальпер родился в Киеве в 1971 и живет в Нью-Йорке с 1990 года. После окончания Бруклин-колледжа по факультету литературы работал продавцом сантехники, программистом, водителем скорой, таксистом и сейчас социальный работник. Писать прозу и поэзию на английском начал еще в колледже. В конце 90-х после прочтения Джойса "Улисс" вернулся к творчеству на родном языке. Публиковался в эмигрантской прессе. Много гастролирует. Выступал со стихами и короткой прозой в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Смоленске, Киеве, Минске, Берлине. На английском регулярно читает в Лондоне, Нью-Йорке и Сан Франциско. Публикуется на русском и в переводах на английский во многих интернетных и бумажных изданиях.

В нью-йоркском издательстве Кожа-Пресс вышли сборники стихов "Рыбный День"(2003) и "Антидепрессанты"(2006). В результате сотрудничества с художником Иваном Горшковым в Воронеже были изданы комиксы "Трубка" (2006) и иллюстрированный сборник стихов "Синий Мяч"(2007).

Сергей Павловский

14.09.86г.

Родился в Ухте, Республика Коми. Окончил Ухтинский техникум железнодорожного транспорта по специальности "Строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство" в 2006 году.

Пишу прозу с 16 лет.

Есть публикация в журнале "Нева": повесть "Terror Crew", 7, 2008 г. Был номинирован на соискание премии И.П.Белкина за лучшую повесть года.

На данный момент работаю на ООО Телекомпания "Ухта-ТВ" выпускающим программ.

Бычков Андрей Станиславович

Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса «Репертуар» участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее («NYTW», 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете «Тенета- 1999», премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии «Антибукер-2000», лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы "Гемини-фильм" и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Дмитрий Гайдук

Родился 20 марта 1964 года в Днепропетровске) — публицист, писатель, сказочник, собиратель русскоязычного растаманского фольклора. Известен, в частности, как автор «Растаманских сказок» и «Энциклопедии конопля».

Учился в Харьковском университете на факультете иностранных языков (немецкий язык), 1987—1998 жил в Полтаве, затем в Москве. С 1992 года работал переводчиком, редактором, составителем энциклопедий в издательствах «Миф» (Москва), «София» (Киев) и «Ультра.Культура» (Москва), музыкальным рецензентом на Ozon.ru и www.drj.ru.

Основные работы: «Мистики XX века», «Энциклопедия суеверий», «Энциклопедия предсказаний», «Энциклопедия конопля» (не издана), «Магия в теории и на практике» Алистера Кроули (перевод, предисловие, комментарии).

Проект «Растаманские народные сказки» существует с октября 1995 года, посвящён собиранию и обработке фольклора потребителей конопля. Сборники растаманских сказок издаются с 1998 года, наибо-

лее известные издания — «Растаманские народные сказки» (Ростов, Феникс, 2000) и «Растаманские сказки и всё такое» (М., «Ультра. Культура», 2005). Интернет-сайт проекта (rastaman.tales.ru) открылся в январе 1999 г. и является одним из старейших литературных проектов в Рунете. С 2001 года издаются также аудиоверсии растаманских сказок в исполнении Дмитрия Гайдюка с музыкальным сопровождением (DJ Kaуla Сагіраpаdас, DJ Голландец и др.) — этот жанр идентичен англоязычному «spoken word». Гайдук регулярно гастролирует с выступлениями по городам России, Украины и других стран.

Параллельные проекты: «Джа-Будда и его джатаки» (начат в 1997, издан М., «Кайя», 2004; «Конопляные Джунгли» (1999—2000) — одна из первых оплачиваемых регулярных авторских колонок в Рунете, выходила на сайте High.Ru (материалы изданы М., «Кайя», 2004); «Цивильные сказки» (начат в 1992 году, издан в сборнике «Растаманские сказки и всё такое», М., «Ультра. Культура», 2005), «Сказки народов мира» и др.

Кроме того: пьесы («Сцены из Ветхого Завета» (1997, премия «Тенета-98»), философская эссеистика («Фаллософия» (1996, 1999) и др.).

Олег Разумовский

Родился в Смоленске. Служил в морфлоте. Закончил иняз. Работал переводчиком в издательствах Русич и АСТ. Участвовал в проектах "Третья модернизация", "Митин журнал", "Черновик", "Гумфонд", "Лимонка", "Топос", "Самиздат", "Слова" "Факел"(Болгария). Книги изд-ва "Вольный стрелок": "RAZUMBUNT", "Тропа Хошимина", "Весёлые картинки", "С советским акцентом", "Второе дыхание".

Эдуард Кулемин

Родился в Ярославле в 1960 году. Окончил Московский энергетический институт. Художник, поэт, инициатор ряда арт-проектов. Вдохновитель и организатор разнообразных коммуникативно-творческих образований (КЭПНОС, Группа Неизвестных Художников, Ассоциация Проклятых Поэтов и др.). Участник многих художественных выставок и фестивалей (Россия, Германия, Норвегия, Бельгия, Франция, Италия, США, Канада и др.). Автор книг: "Кажется, состоялось" (1991), "Однохуйственный Улисс" (1994), "Искусственным путем" (1998), "Мультиматум" (2002). Имеет публикации в России и за рубежом: "Митин журнал" (С.Петербург), "Черновик" (Нью-Йорк), «Лимонка» (Москва), «Завтра» (Москва), "Гуманитарный фонд" (Москва), "Смоленский край"(Смоленск), «Читарь» (Пенза), ежемесячник Зверевского ЦСИ (Москва), «Другие» (Москва), «Топос» (интернет-издание), «Другое полушарие» (интернет-издание), Cool-Strip-Art-Antology (Македония), Risvolti (Италия). Включен в антологии: Crossing Centuries: The New Generation In Russian Poetry (США), «Нестолничная литература» (Москва). Имеет страницы на сайтах Стихи.ru и Проза.ru.

Глеб Коломиец

Поэт. Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «ЭФтаназия» (punk, г. Тула) и «Melcoг» (melodic blackdeath, г. Тула). Автор научных работ по нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «SSMA-express», «Я.Д.Ы.», «Censura.ru», «Phenomen.ru», на контр-культурных сайтах radonki.org, udaff.com, litprom.ru. Основатель одного из языческих капищ Смоленска. Участвовал в организации литературной студии и журнала «Слова». Работал: сторожем, дворником, переводчиком, компьютерным мастером, младшим научным сотрудником, санитаром, медбратом и др. Постоянный автор журнала.

Игорь Сид

Поэт, эссеист, культуртрегер. Родился в 1963 году.

По образованию биолог, участвовал в международных экспедициях. С 1990-х годов работает в области развития культурных связей между Украиной, Россией и Африкой в разных сочетаниях, в свободное время устраивая мини-экспедиции в тропики. Куратор Крымского клуба, Боспорского форума и множества других, зачастую трикстерных, проектов. В качестве теоретического базиса своей деятельности отстаивает идеи геополитики – доктрины о принципах и механизмах формирования культурного пространства, идущей на смену геополитике. <...> Участник (вместе с Михаилом Лаптевым, Андреем Поляковым, Николаем Звягинцевым и Марией Максимовой) крымско-московской поэтической группы "Полуостров". Живёт в Керчи, Киеве, Москве и Антананариву. (Из антологии СПА – «Современная Поэзия от Авторов»)

Геннадий Кацов

Родился в 1956 году в Евпатории. Приехал в Нью-Йорк из Москвы (через Австрию и Италию) 12 мая 1989 года. В Нью-Йорке основал авангардистское русское кафе "Апуway" (Манхэттен, 1995–1997),

1989–90 г.г. - вел постоянные передачи по современной культуре на радио «Свобода» в программе Петра Вайля «Поверх барьеров», регулярно публиковался в газете «Новое русское слово». 1994–98 г.г. – Издатель и Главный редактор популярного молодежного нью-йоркского еженедельника «Печатный орган». 1997–1998 г.г. – Главный редактор «Путеводителя по Нью-Йорку» (ежеквартальное издание, 230

тыс. тираж, совместный проект с «Аэрофлотом»). 1997 г. – постоянный участник еженедельной субботней передачи «Встреча с прессой» (ведущий Владимир Надеин) на общенациональном телевидении EABC, Нью-Йорк. 1997-1999 г.г. – ведущий еженедельной телепередачи «Нью-Йорк: история с географией» в программе Дмитрия Полетаева «Добрый вечер, Америка!» (общенациональное телевидение EABC, Нью-Йорк). 1998-2000 г.г. – ведущий еженедельной часовой радиопрограммы «Утренняя солянка», общенациональное радио RTN/WMNB. 2000 – 2003 г.г. – Главный редактор радио RTN/WMNB. С октября 2000 г. – автор и ведущий ежедневной (кроме субботы и воскресенья) политико-экономической 30-минутной телепрограммы «Ни дня без строчки. Обзор американской прессы», общенациональное телевидение RTN/WMNB. 2000 - 2004 г.г. – Главный редактор популярного еженедельника «Теленеделя» (Russian TV Guide, тираж 30 тыс.). 2004 - 2007 г.г. – Главный редактор популярного еженедельного журнала "Метро" (тираж 12 тыс.) С 17 марта 2003 г. – Автор и ведущий ежедневной телепрограммы «Утренняя пробежка» (при участии корреспондентов из Израиля, Великобритании, России, Украины и Грузии) и воскресной «Пресс клуб» на русско-американском национальном телеканале RTN/WMNB.

Автор книг прозы, поэзии и текстов:

«Игры мимики и жеста» (из-во «Слово», Нью-Йорк, 1994 г.)

«Притяжение Дзэн» (из-во «Петрополь», С-Пб., 1999 г.)

Майкл Джейкобсон

Писатель, художник. Живет в Миннаполисе (США, штат Миннесота). Пишет книги, не употребляя слова. На сегодняшний день вышли три книги:

Ограда Великана (The Giant's Fence) вышла в издательстве LuLu.

Действия (Action Figures)

Сказка охотника за головами (A Headhunter's Tale)

Некоторые работы опубликованы в изданиях *Asemic Magazine*, *dANDeIion* и некоторых сетевых журналах. В настоящее время работает над новой книгой, навеянной письменностью индейцев Майя.

Полный текст «*Действий*» с предисловием Тима Гейза доступен в формате PDF на сайте асемического издательства Тима Гейза «[Avance Publishing](#)», а также на сайте [Literate Machine](#).

Блог Майкла Дежкобсона:

<http://thenewpostliterate.blogspot.com/>

Страничка на Myspace:

<http://www.myspace.com/barbarianinterior>

Тим Гейз

Творческая задача Тима Гейза – отыскивать формы письма, способные к коммуникации без привлечения языка и алфавита.

Его сборник заумной поэзии «Ноология» («noology») вышел в 2008 году в издательстве Arrum Press (Финляндия), в свободном доступе находится по адресу <http://www.lulu.com/content/3737514>

В 2009 году начал записывать поэтические звуковые фрагменты. Аудиосборник «Exeter Hotel sound poetry» вышел на московском Интернет-лейбле «Другое полушарие» в марте 2009 года.

Сборник можно скачать бесплатно по адресу: <http://www.myspace.com/anotherhemispherecnetlabel>

Работы Тима Гейза опубликованы в литературных журналах по всему миру.

Любит музыку в стиле dubstep, dub reggae и South African Kwaito.

Живет в городе Аделаида Хиллс (Южная Австралия).

Нилогов Алексей Сергеевич

(род. 1981) – современный русский философ, специализирующийся на философии (анти)языка.

В 2003 году закончил филологический факультет Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Автор трёх пособий по лингвистике и литературоведению.

В 2004–2007 годах получал второе высшее образование на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. С 2008 года – аспирант кафедры культурологии и менеджмента в культуре ГУУ.

Организатор проекта «Современная русская философия», в рамках которого в 2007 году вышел первый том книги «Кто сегодня делает философию в России».

В настоящее время Алексей Нилогов является внештатным корреспондентом литературного приложения «Ex libris» в «Независимой газете».

Готовит к изданию второй том книги о современной русской философии.

Инна Кириллова (Макурина Инна Кирилловна)

Родилась и живет в Смоленске. Окончила Смоленское музыкальное училище и Московский психолого-социальный институт (факультет психологии). Продолжает учиться в аспирантуре СмолГУ (кафедра философии). Работает над диссертацией. Автор нескольких прозаических текстов и восьми пьес. Печатается в Интернете. Редактор журнала.

СЛОВА

Литературно-философский журнал
№6

